This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ственникамъ: это былъ передовой пикетъ летучаго отряда, которымъ командовалъ Артиллерійской Офицеръ.

ГЛАВА IV.

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы, они висѣли надъ кровлями догорающихъ домовъ. Смрадный, удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы. Надъ дымящимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой Кремлевской стѣною,

стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшаго роста, въ сѣромъ сюртукѣ и трехъ-угольной низкой шляпѣ. Внизу, у самыхъ ногъ его, текла, изгибаясь, Москва рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровью. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны... Ахъ! въ нихъ отражалась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастія! Шагахъ въ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли Французскіе Маршалы, Генералы и нѣсколько Адъютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель Царей Русскихъ.

Въ то же самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ набережной, стоялъ видный собою купецъ въ сапогахъ

поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ: то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылающими домами; но на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догорало обширное Замоскворѣчье. «А! это ты, Ваня?» сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастероваго. «Ну, что?»

— «Да слава Богу, Андрей Васьяновичъ! За Москвой рѣкой все идетъ какъ по маслу. На Зацѣпѣ и по всему валу хоть рожь молоти — гладехонько! На Пятницкой и Ордынкѣ, кой-гдѣ, еще остались дома, да за то на Полянкѣ такъ дёрма и деретъ!»

— «А у Серпуховскихъ воротъ?»

— «Въ трехъ мѣстахъ зажигали, да злодѣи-то наши все тушатъ. Загорѣлся было порядкомъ домъ Ивана Архиповича Сезёмова; да и тотъ мы съ ребятами, по твоему приказу, отстояли.»

— « Спасибо вамъ, дѣтушки! Иванъ Архипычъ старикъ дряхлый, и жена у него плоха. Да это ничего: доплелись бы какъ нибудь до Калуги; а вотъ что — у нихъ въ дому лежитъ больной Офицеръ. »

— « Нашъ Русской? »

— « Ну да! Смотри только, не проболтайся. Постой-ка! Никакъ опять вѣтеръ подымается.... Давай Господи! И кажется, съ Петербургской стороны?... То-то бы славно! »

— « Въ самомъ дѣлѣ, » сказалъ мастеровой, « посмотри-ка, отъ Охотнаго ряда и Моховой какія головни опять полетѣли.... Авось теперь и до Кремля доберется. »

— « Ага! » сказалъ купецъ, поднявъ къ верху голову; « что?... душно стало?... выползли, проклятые! »

— « Что это, Андрей Васьяновичъ?» спросилъ мастеровой. « Никакъ это Французскіе Генералы? Посмотри-ка, такъ

Шкафъ .....
Полка .....
№.....
Библіотека Асташева.

A 473068 DUPL
PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

РОСЛАВЛЕВЪ

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ЧАСТЬ III.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЗАГОСКИНА.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1831.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Ѳ. ВАСИЛЬЕВА
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
МОСКВѢ.

891.78
Z185
1851
V.3-4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 14 дня, 1850 года.

Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

[61-203 37]

РОСЛАВЛЕВЪ,

или

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА I.

—

2-го числа Сентября, часу въ восьмомъ утра, Сборской, садясь въ тележку, запряженную двумя плохими извощичьими лошадьми, пожалъ въ послѣдній разъ руку своего товарища. « Прощай, мой другъ! » сказалъ онъ. « Боюсь, что мнѣ не удастся полечиться въ Калугѣ. Пожалуй, эти Французы и оттуда меня выживутъ. »

— « Но точно ли правда, что они такъ близко отъ Москвы? » спросилъ Зарѣцкой.

— « Да вотъ послушай, что онъ говоритъ, » продолжалъ Сборской, показывая на усастаго Вахмистра, который стоялъ, вытянувшись, передъ Офицерами.

— « У страха глаза велики!» возразилъ Зарѣцкой. « Французовъ ли ты видѣлъ?

— « Не могу знать, Ваше Благородіе, Французы ли — только не наши. »

— « Да гдѣжъ ты ихъ видѣлъ? »

— « А вотъ вчера, Ваше Благородіе, меня схватило на походѣ такое колотье, что не чаялъ живъ остаться. Эскадронъ ушелъ впередъ, а меня покинули съ двумя рядовыми въ селѣ Везюмѣ, верстахъ въ тридцати отсюда. Мнѣ стало легче, и я хотѣлъ на другой день чѣмъ-свѣтъ отправиться догонять эскадронъ; вдругъ, этакъ передъ сумерками, глядимъ — по Смоленской дорогѣ пыль столбомъ! Мы скорѣй на коня, да къ околицѣ; смотримъ — скачутъ въ медвѣжьихъ шапкахъ, а за ними валитъ

пѣхота, видимо, невидимо! Подскакали поближе — хлопъ по насъ изъ пистолетовъ! Мы также, да и на утекъ. Обогнали нашихъ полковъ десять: одни идутъ на Москву, другіе обходомъ; а эскадронѣ-то видно принялъ куда нибудь въ сторону — не изволите ли знать, Ваше Благородіе? »

— « Нѣтъ, братецъ, не знаю, » сказалъ Сборской. « Послушай, Зарѣцкой, ты будешь держаться около Москвы, такъ возьми его съ собою. Съ тобой надобно же кому нибудь быть: ты ѣдешь верхомъ. Прощай, мой другъ!... Тьфу пропасть! не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ больно грустно! Ну, господа Французы! дорвемся же и мы когда нибудь до васъ! »

— « Признаюсь, и у меня что-то вотъ тутъ неловко, » сказалъ Зарѣцкой, показывая на грудь. « Французы подъ Москвою!... Да что горевать, mon cher! придетъ, можетъ быть, и наша очередь; а покамѣстъ—эй! Ѳедотъ! остальч. III. 1*

[illegible] вышелъ [illegible]. [illegible] въ коляску. Прощай. Сбор-[illegible].

[illegible] отправилъ въ своей тележ-кѣ за Москву [illegible], а Зарѣцкой сѣлъ на лошадь и въ провожаніи Уланскаго вахмистра поѣхалъ черезъ городъ къ Дорогомиловской заставѣ. Выѣзжая на Красную площадь, онъ замѣтилъ, что густыя толпы народа съ ужаснымъ шумомъ и крикомъ бѣжали по Никольской улицѣ. Противъ самыхъ Спасскихъ воротъ по-встрѣчался съ нимъ Зарядьевъ, кото-рый шелъ изъ Кремля. «Ты еще здѣсь, братецъ?» сказалъ съ удивленіемъ За-рѣцкой.

—«Сей-часъ отправляюсь,» отвѣ-чалъ Зарядьевъ. «Слава Богу! развя-зался съ моими плѣнными: ихъ ведетъ армейскій офицеръ.»

—«Ну, что слышно?»

—«Говорятъ, будто бы Наполеонъ ночевалъ въ Вязьмѣ.»

— « Такъ по этому черезъ нѣсколько часовъ ?... »

— « На Поклонной горѣ будутъ Французы. »

— « А наши войска ?... »

— « Тѣ, которыя здѣсь, выходятъ; а другія обошли Москву стороною. »

— « И такъ рѣшительно ее уступаютъ безъ боя ? »

— « Да. — Эхъ, Зарѣцкой, что бы вдоль Драгомиловскаго моста хоть разика два шарахнуть картечью !... все-таки легче бы на сердцѣ было. И Смоленскъ имъ не дешево достался, а въ Москву войдутъ безъ выстрѣла ! Впрочемъ, видно такъ надобно. Нашъ братъ фрунтовой Офицеръ разсуждать не долженъ: что велятъ, то и дѣлай. »

— « А мнѣ кажется, сказалъ Зарѣцкой, « что если бы дали сраженіе подъ Москвою и здѣшніе жители присоединились къ войску... »

— « Да ! » возразилъ Зарядьевъ, » много бы мы надѣлали съ ними дѣла.

Эхъ, братецъ! Что значитъ этотъ народъ? Да я съ одной моей ротой загоню ихъ всѣхъ въ Москву рѣку. Посмотри-ка, » продолжалъ онъ, показывая на безпорядочныя толпы народа, которыя, шумя и волнуясь, разсыпались по Красной площади. « Ну, на что годится это стадо барановъ? Жмутся другъ къ другу, орутъ во все горло; а начни-ка ихъ плутонгами, такъ съ двухъ залповъ ни одной души на площади не останется. »

— « Да что это они такъ разшумѣлись? » перервалъ Зарѣцкой. « Вонъ еще бѣгутъ изъ Никольской улицы.... ужъ не входятъ ли Французы?... Эй, любезный! » продолжалъ онъ, подъѣхавъ къ одному молодому и видному купцу, который, стоя среди толпы, разсказывалъ что-то съ большимъ жаромъ; « что это народъ такъ шумитъ? »

— « Сей-часъ, сударь, казнили одного измѣнника, » отвѣчалъ купецъ, приподнявъ вѣжливо свою шляпу.

— « Измѣнника?... А кто онъ такой?»

— « Стыдно сказать: Русской и нашъ братъ купецъ! Онъ еще третьяго-дня чуть было не попался, да ускользнулъ, проклятый!... »

— « Чтожъ онъ такое сдѣлалъ? »

— « Да такъ, бездѣлку! Перевелъ манифестъ Наполеона къ Московскимъ жителямъ. »

— « Ахъ, онъ негодяй! » вскричалъ Зарядьевъ. « Вотъ то-то и дѣло, забрилъ бы ему лобъ, такъ небось не сталъ бы переводить Наполеоновскихъ манифестовъ. Купецъ!... да и пристало ли ему, торгашу, знать по-Французски? Видишь, всѣ полѣзли въ просвѣщенные люди! »

— « Въ этомъ еще не много худаго, Зарядьевъ,» перервалъ Зарѣцкой. «Можно, въ одно и тоже время, любить Французской языкъ и не быть измѣнникомъ; а конечно, для этаго молодца лучше бы было, если-бъ онъ не

учился по Французски. Однакожъ, прощай! Мнѣ еще до заставы версты четыре надобно ѣхать. »

Зарѣцкой выѣхалъ Иверскими воротами на Тверскую. Эта великолѣпная улица, за нѣсколько недѣль до этого наполненная народомъ, казалась вовсе необитаемою. Нарядныя вывѣски магазиновъ пестрѣлись по стѣнамъ домовъ; но всѣ двери были заперты. Какъ молчаливыя обители иноковъ, стояли опустѣвшія палаты Русскихъ Бояръ. Давно ли, подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ, кипѣло все жизнію и весельемъ? Давно ли тѣ самые Французы, которые спѣшили завладѣть Москвою, находили въ нихъ всегда радушный пріемъ, и осыпанные ласками хозяевъ, приучались думать, что Русскіе не должны и *не могутъ* поступать иначе?... Проѣхавъ всю Тверскую улицу Зарѣцкой остановился на минуту у Тріумфальныхъ воротъ; онъ невольно поворотилъ свою лошадь, чтобъ взглянуть еще разъ на

Москву. Сердце его сжалось, на глазахъ навернулись слезы.... « Тьфу пропасть ! » сказалъ онъ въ полголоса, « я чуть не плачу ; а что мнѣ до Москвы?... Дѣло другое, еслибъ родина моя—Петербургъ.... Тамъ есть у меня друзья, родные.... а здѣсь ровно никого.... и не смотря на это, мнѣ кажется.... да, я отдалъ бы жизнь мою, чтобъ спасти эту скучную, несносную Москву, въ которой нога моя никогда не будетъ. Ахъ, чортъ возьми ! Ну, прошу послѣ этаго быть всемірнымъ гражданиномъ! »

Онъ повернулъ свою лошадь, и черезъ нѣсколько минутъ, выѣхавъ за Тверскую заставу, принялъ направо полемъ къ Марьиной рощѣ.

— « Осмѣлюсь доложить, Ваше Благородіе ! куда мы ѣдемъ ? » спросилъ Уланской Вахмистръ.

— « Покамѣстъ и самъ не знаю ; но кажется, мы выѣдемъ тутъ на Троицкую дорогу, а тамъ, можетъ быть.... Да, надобно взглянуть на Рославлева.

Мы проживемъ, братецъ, денька три въ деревнѣ у моего пріятеля, потомъ пустимся догонять наши полки, а межъ тѣмъ лошадь твою и тебя будутъ кормить до отвалу. »

— « Нехудо бы, Ваше Благородіе! Я еще и туда и сюда, а Соврасый-то мой недѣли двѣ овса не нюхалъ. На рысяхъ отъ другихъ не отстанетъ, а еслибъ пришлось идти въ атаку.... »

— « Придется еще, братецъ, не безпокойся. Я увѣренъ, что теперь скорѣй Французы захотятъ мириться, чѣмъ мы. »

— « До мировой ли теперь, Ваше Благородіе! Дѣло пошло на азартъ, и если они возьмутъ, да раззорятъ Москву, такъ вся святая Русь подымется. Что, въ самомъ дѣлѣ, за буяны?... Обидно, Ваше Благородіе! »

Зарѣцкой, не желая продолжать разговора съ словоохотнымъ Вахмистромъ, вынулъ изъ кармана кисетъ, высѣкъ огню и закурилъ свою трубку. Мино-

вавъ Марьину рощу, они выѣхали на дорогу, ведущую въ Останкино; шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, той же самою дорогою, шелъ одинъ прохожій. По его длинному кафтану, широкому поясу безъ складокъ, а болѣе всего, по туго-заплетенной и загнутой кверху косичкѣ, которая выглядывала изъ подъ широкихъ полей его круглой шляпы, нетрудно было отгадать, что онъ принадлежитъ къ духовному званію; на полномъ и румяномъ лицѣ его изображалось какое-то беззаботное веселье; онъ шелъ весьма тихо, часто останавливался, поглядывалъ съ удовольствіемъ вокругъ себя, и вдругъ запѣлъ тонкимъ голосомъ:

«Воспоемте, братцы, канту прелюбезну,
Воспомянемъ скуку — сердцу преполезну,
Сидя въ школѣ,
Во покоѣ,
Гляди всюду,
Обоюду....»

— « Послушайте-ка, любезный! » перервалъ Зарѣцкой, поровнявшись съ пѣвцомъ.

— « Quid est? вскричалъ прохожій, повернясь къ Зарѣцкому. « Что вамъ угодно, господинъ Офицеръ? » продолжалъ онъ, приподнявъ шляпу.

— « Не знаете ли, гдѣ намъ проѣхать на Троицкую дорогу? »

— Ступайте прямо, а тамъ поверните на право, мимо рощи. Вонъ видите село Алексѣевское? Оно на большой Троицкой дорогѣ. А что, господинъ Офицеръ, что слышно о Французахъ? »

— « Я думаю, они будутъ сегодня въ Москвѣ. »

— « Въ Москвѣ!... Ну, нечего сказать — Satis pro peccatis!... А впрочемъ, унывать не надобно: finis coronat opus— то есть: конецъ дѣло вѣнчаетъ; а до конца еще, кажется, далеко. »

— « И я то же думаю. »

— « Конечно, » продолжалъ ученый прохожій, « Наполеонъ, сей новый

Атилла, есть истинно бичъ небесный, но подождите: non semper erunt Saturnalia — не все коту масляница. Безспорно, этотъ Наполеонъ хитеръ, да и нашего Главнокомандующаго не скоро проведешь. Повѣрьте, не-даромъ онъ впускаетъ Французовъ въ Москву. Пусть они теперь въ ней попируютъ, а онъ свое возьметъ. Нѣтъ, сударь! хоть Свѣтлѣйшій смотритъ и не въ оба, а вѣдь онъ: sibi in mente — сирѣчь: себѣ на умѣ! »

— Ого.... « сказалъ, улыбаясь, Зарѣцкой, « да вы большой политикъ, господинъ.... господинъ.... »

— « Студентъ Риторики въ Перервинской Семинаріи, » отвѣчалъ ученый, приподнявъ свою шляпу.

— « А откуда вы, господинъ студентъ, идете, и куда пробираетесь? »

— « Я вышелъ сегодня изъ Перервы, а куда иду, еще самъ не знаю. Вотъ извольте видѣть, господинъ Офицеръ:

меня забираетъ охота подраться также съ Французами. »

— « Вотъ что ! » сказалъ Зарѣцкой. « Аи-да , господинъ ученый ! Да не хотите ли вы въ гусары ? »

— « Ни , ни , господинъ Офицеръ! Я хочу сражаться , какъ простой гражданинъ. Теперь у насъ , безъ сомнѣнія , будетъ bellum populare — то есть: народная война ; а такъ какъ крестьяне должны также имѣть предводителей.... »

— « Понимаю: вы мѣтите въ начальники Русскихъ Гвериласовъ ; но вѣдь и тутъ надобенъ нѣкоторый навыкъ и военныя познанія ; а вы:....

— « Я знаю наизусть всѣ комментаріи Цезаря de Bello Gallico , » отвѣчалъ съ гордымъ взглядомъ семинаристъ.

— « Вотъ это другое дѣло , » сказалъ преважно Зарѣцкой. « И такъ вы намѣрены.... »

— « Драться до послѣдней капли крови ! Да , сударь ! Non est ad astra mollis

et sera via — лежа на боку, великимъ не сдѣлаешься. »

— « Великимъ? Да ужъ не Александромъ ли васъ зовутъ, господинъ студентъ? »

— « Точно такъ, господинъ Офицеръ. »

— « Ого! вотъ куда вы лѣзете! Впрочемъ, вамъ предстоитъ карьера еще блистательнѣе. Командуя Македонской фалангой нетрудно было побѣждать непріятеля; а вѣдь ваша армія будетъ состоять изъ мужиковъ, вооруженныхъ вилами и топорами; летучіе отряды изъ крестьянскихъ бабъ, съ ухватами и кочергами; передовые посты.... »

— « Смѣйтесь, смѣйтесь, господинъ Офицеръ! Увидите, что эти мужички надѣлаютъ! Дайте только имъ поразшевелиться, а тамъ Французы держись! Свѣтлѣйшій грянетъ съ одной стороны, Графъ Витгенштейнъ съ другой, а мы со всѣхъ; да какъ воскликнемъ въ одинъ голосъ: procul, o procul, profani, то есть: вонъ отсюда, нечестивецъ! такъ

Наполеонъ такого дастъ стрелка изъ Москвы, что его собаками не догонишь.»

— « Врядъ ли онъ такъ скоро съ нею разстанется. »

— « Помилуйте ! онъ чай и самъ не радъ, что зашелъ такъ далеко: да теперь ужъ дѣлать нечего. Вѣрно думаетъ: авось пожалѣютъ Москвы и станутъ мириться. Вѣдь онъ ужъ не въ первый разъ поддѣваетъ на эту штуку. На то, сударь, пошелъ: aut Caesar, aut nihil — или панъ, или пропалъ. До сихъ поръ ему удавалось, а какъ разъ промахнется, такъ и поминай какъ звали !

— « И такъ вы думаете, господинъ студентъ, что Наполеонъ играетъ теперь на выдержку ? »

— « Хуже, сударь ! Онъ ужъ проигралъ, а теперь отыгрывается. »

— « Проигралъ ? Однако-жъ, онъ дошелъ до Москвы. »

— « А дешево ли это ему стоило ? Наши потери ничего : за одного уби-

таго явятся десятеро живыхъ; а онъ хочетъ, не хочетъ, а послѣдній рубль ставь на карту. Вотъ, года три тому назадъ — я не былъ еще тогда въ Риторикѣ — во время рекреаціи, двое студентовъ схватились при мнѣ въ горку. Надобно вамъ сказать, что у насъ за столомъ только два блюда: говядина и каша. Одинъ изъ студентовъ, спустивъ всѣ деньги, сталъ играть на свою часть говядины и — проигралъ! Въ отчаяніи, терзаемый предчувствіемъ постной трапезы, онъ воскликнулъ также, какъ Наполеонъ: Aut Caesar aut nihil! и предложилъ играть — на кашу! На кашу. единственное блюдо, оставшееся для утоленія его голода! Всѣ товарищи ахнули, а у меня волосы стали дыбомъ, и тутъ я въ первый разъ постигнулъ, какъ люди проигрываютъ все свое состояніе! Къ счастію, насъ позвали обѣдать, и мой товарищъ не успѣлъ довершить своего отчаяннаго предпріятія. Повѣрьте мнѣ, господинъ

Офицеръ, и Наполеонъ играетъ теперь на кашу. Если ему не посчастливится заключить миръ — то горе окаянному! Всѣ язвы, всѣ казни Египетскія обрушатся на главу его! А коли удастся, такъ и то слава Богу, когда при своемъ останется. Анъ и выйдетъ на повѣрку, что онъ: magnus conatus magnas agit nugas — то есть: ходилъ непочто, принесъ ничего. Но намъ должно прекратить нашу бесѣду, « продолжалъ семинаристъ. » Я пойду прямо на Свирлово, а вы извольте ѣхать вкось по рощѣ, такъ минуете Алексѣевское и выѣдете на большую дорогу у самаго Ростокина. Прощайте, господинъ Офицеръ!... Cura, ut valeas!...

Студентъ приподнялъ свою шляпу, и, продолжая идти по дорогѣ къ Останкину, затянулъ опять:

« Воспоемте, братцы, канту прелюбезну.... »

Пообѣдавъ и выкормя лошадей въ большихъ Мытищахъ, Зарѣцкой отпра-

вился далѣе. Если-бъ онъ былъ ученый, или по-крайней-мѣрѣ *сантиментальный* путешественникъ, то вѣрно бы приостановился въ селѣ Братовщинѣ, что бъ взглянуть на нѣкоторые остатки Русской старины. Но нашъ Гусарской Ротмистръ проѣхалъ весьма хладнокровно мимо вѣтхой церкви, построенной, вѣроятно, прежде Царя Алексѣя Михайловича, и взглянувъ нечаянно на одно полуразвалившееся зданіе, сказалъ: « кой чортъ! что это за смѣшной амбаръ!... » Злодѣй! « вскричалъ бы какой-нибудь антикваріи; « Вандалъ! да знаешь ли, что ты на- « зываешь амбаромъ *Царскую вышку*, « или теремъ, въ которомъ православ- « ные Русскіе Цари отдыхали на пути « своемъ въ Троицкую Лавру? Знаешь « ли, что недавно была тутъ же другая « Царская вышка, гораздо просторнѣе « и величественнѣе, и что, благодаря « преступному равнодушію людей, по- « добныхъ тебѣ, не осталось и разва-

« линъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла? « Варвары! » (прошу замѣтить, это говорю не я, но все тотъ же любитель старины), « варвары! вы не умѣли « сберечь даже и того, что попадили « Литва и Татары! Куда дѣвался вели- « колѣпный Коломенскій дворецъ? Гдѣ Царскія палаты въ селѣ Алексѣев- « скомъ? Посмотрите, какъ всѣ Евро- « пейскіе народы дорожатъ остатками « своей старины! Укажите мнѣ хотя « на одинъ иностранный городъ, гдѣ « бы жители согласились продать на « сломку какую-нибудь уродливую го- « тическую башню, или древнія город- « скія вороты? Нѣтъ! они гордятся « сими драгоцѣнными развалинами; они « глядятъ на нихъ съ тѣмъ же почте- « ніемъ, съ тою же любовію, съ ка- « кою добрыя дѣти смотрятъ на зарос- « шій травою могильный памятникъ « своихъ родителей; а мы... » Тутъ господинъ Антикварій вѣроятно бы замолчалъ, не находя словъ для выра-

женія своего душевнаго негодованія; а мы, вмѣсто отвѣта пропѣли бы ему забавные куплеты на счетъ Русской старины, и посматривая на какой-нибудь прелестный домикъ съ цѣльными стеклами, построенный на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли неуклюжіе терема и толстыя стѣны съ зубцами, заговорили бы въ одинъ голосъ: « Какъ это мило!... Какъ свѣжо!... Какая разница! О! наши предки были настоящіе варвары! »

Но межъ тѣмъ, пока мы слушали горькія жалобы любителя Русской старины, Зарѣцкой все ѣхалъ, да ѣхалъ. Опустивъ поводья, онъ сидѣлъ задумчиво на своей лошади, которая шла спокойной и ровной ходою; мечталъ о будущемъ, придумывалъ всевозможныя средства къ истребленію Французской арміи, и въ слѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ летѣлъ въ Парижъ: пожить, повеселиться, и забыть на время о любезномъ и скучномъ отечествѣ. Въ ту

самую минуту, какъ онъ въ модномъ фракѣ, съ бадинкою въ рукѣ, расхаживалъ подъ аркадами Пале-Рояля, и прислушивался къ милымъ Французскимъ фразамъ, загремѣлъ на грубомъ Русскомъ языкѣ вопросъ: « Кто ѣдетъ? » Зарѣцкой очнулся, взглянулъ вокругъ себя: передъ нимъ деревенская околица, подлѣ воротъ соломенный шалашъ въ видѣ бутки, въ шалашѣ мужикъ съ всклоченной рыжей бородою и длинной рогатиной въ рукѣ; а за околицей, передъ большимъ сараемъ, съ полдюжины пикъ въ сошкахъ.

— « Кто ѣдетъ? » повторилъ мужикъ, вылѣзая изъ шалаша.

— « Да развѣ не видишь, что Офицеръ? » сказалъ Вахмистръ. « Экой мужланъ! »

— « Анъ врешь! Я не мужикъ. »

— « Да кто же ты? »

— « Ополченный! » отвѣчалъ воинъ поправивъ гордо свою шапку.

— « За чѣмъ же ты здѣсь? » спросилъ Зарѣцкой.

— « Стою на часахъ, Ваше Благородіе. ».

— « Такъ что же ты зѣваешь, дурачина? » закричалъ Вахмистръ. « Отворяй ворота! »

— « Безъ приказа не могу. Эй! выходи вонъ! »

Человѣкъ шесть мужиковъ выскочили изъ сарая, схватили пики и стали по ранжиру вдоль стѣны; въ слѣдъ за ними вышелъ молодой малой, въ казачьемъ сѣромъ полукафтаньи, такой же фуражкѣ и съ тесакомъ, повѣшеннымъ черезъ плечо на широкомъ черномъ ремнѣ. Подойдя къ Зарѣцкому, онъ спросилъ очень вѣжливо: кто онъ, и откуда ѣдетъ?

— « А на что тебѣ, голубчикъ? » сказалъ Зарѣцкой. « И кто ты самъ такой? »

— « Урядникъ, Ваше Благородіе! »

— « А какое тебѣ дѣло, господинъ Урядникъ, кто я, и куда ѣду ? »

— « Здѣсь стоитъ полкъ Московскаго Ополченія, Ваше Благородіе, и Полковникъ приказалъ, чтобъ всѣхъ проѣзжихъ изъ Москвы, а особливо военныхъ, провожать прямо къ нему. »

— « Вотъ еще какія затѣи ! Да развѣ здѣсь крѣпость и вашъ Полковникъ Комендантъ ? »

— « Не могу знать, Ваше Благородіе ! а такъ велѣно. Полковникъ сей часъ изволилъ приказывать.... »

— « Большая мнѣ нужда до его приказанія ! Ополченный Полковникъ !... Отворяй ворота ! »

— « Да вѣдь онъ проситъ Ваше, Благородіе, заѣхать къ нему въ гости. »

— « А если я не хочу быть его гостемъ ?... Да кто такой вашъ Полковникъ ? »

— « Николай Степановичъ Ижорской. »

— « Ижорской?... Мнѣ что-то знакома эта фамиліа.... Кажется, я слышалъ отъ Владиміра.... Не родня ли онъ Лидиной?...

— « Прасковьѣ Степановнѣ?... Родной братецъ. »

— « Вотъ это другое дѣло.... Такъ я могу отъ него узнать, далеко ли отсюда деревня Владиміра Сергѣевича Рославлева. »

— « Да не близко, Ваше Благородіе! Вѣдь она по Калужской дорогѣ. »

— « Ну, такъ и есть: я зналъ впередъ, что ошибусь!... Отворяй ворота и проводи меня къ своему Полковнику. »

— « Я, сударь, на караулѣ и отлучиться не могу; я пошлю съ вами Ефрейтора. Эй, ребята! слушай команду!... Въ сошки! »

Воины положили въ сошки свои пики, и повернулись, чтобъ идти въ сарай. « Гаврило! » продолжалъ Уряд-

никъ, « проводи господина Офицера къ Полковнику. »

— « Къ барину ? » спросилъ молодой крестьянской парень.

— « Ну да ! то есть, къ Его Высокоблагородію, дурачина ! »

— « Слушаю ста ! А пику-то оставить чтоль, или нѣтъ ? »

Урядникъ призадумался. « Ефрейторы всегда ходятъ съ ружьями, » сказалъ улыбаясь Зарѣцкой.

— « Ну, что сталъ ? возьми пику съ собой ! » закричалъ Урядникъ ; « да смотри, не дразни по улицамъ собакъ. Ступай ! »

Воинъ, положивъ пику на плечо, отправился впереди нашихъ путешественниковъ, по длинной и широкой улицѣ, въ концѣ которой, передъ одной избой, сверкали копья и толпилось много народа.

ГЛАВА II.

—

Въ бѣлой и просторной избѣ сельскаго старосты, за широкимъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и стояло нѣсколько бутылокъ съ ромомъ, сидѣли старинные наши знакомцы: Николай Степановичъ Ижорской, Ильменевъ и Ладушкинъ. Первый въ общеармейскомъ сюртукѣ съ Штабъ-Офицерскими эполетами, а оба другіе въ сѣрыхъ ополченныхъ полукафтаньяхъ. Ильменевъ, туго подтянутый шарфомъ, въ черномъ галстукѣ, съ нафабренными усами и вытянутый, какъ струнка, казалось, помолодѣлъ десятью годами; но несчастный Ладушкинъ, привыкшій ходить въ плисовыхъ сапогахъ и просторномъ фризовомъ сюртукѣ, изнемогалъ подъ тяжестью своего воинскаго

наряда: онъ едва смѣлъ пошевелиться, и посматривалъ то на огромную саблю, къ которой былъ прицѣпленъ, то на длинныя шпоры, которыя своимъ безпрерывнымъ звономъ напоминали ему, что онъ выбранъ въ полковые Адьютанты, и долженъ ѣздить верхомъ.

— « Что это Терёшка не ѣдетъ? » сказалъ Ижорской. « Волгинъ обѣщался прислать его непремѣнно сегодня. »

— « Да куда, сударь, » спросилъ Ильменевъ, « поѣхалъ нашъ бывшій Предводитель, Михайло Ѳедоровичъ Волгинъ?... »

— « А теперь мой Пятисотенный Начальникъ? » подхватилъ съ гордостію Ижорской. « Я послалъ его въ Москву поразвѣдать, что тамъ дѣлается, и отправилъ съ нимъ моего Терёшку съ тѣмъ, что если онъ пробудетъ въ Москвѣ до завтра, то прислалъ бы его сегодня ко мнѣ съ какими нибудь извѣстіями. Но поговоримте теперь о дѣлахъ службы, господа! » продолжалъ

Полковникъ, перемѣнивъ совершенно тонъ. « Господинъ Полковой Казначей ! прибавляется ли наша казна ? »

— « Слава Богу, Ваше Высокоблагородіе ! » отвѣчалъ Ильменевъ, вскочивъ проворно со скамьи. « Сегодня по утру прислали къ намъ изъ города, въ замѣнъ недоставленной амуниціи, пять сотъ тридцать три рубля двадцать двѣ копѣйки. »

— « А что-жъ сегодняшній приказъ, господинъ Полковой Адьютантъ ? »

— « Готовъ. Николай Степановичъ, » сказалъ Ладушкинъ, вставая.

— « Смотри , смотри , братецъ !... опять зацѣпилъ шпорами.... Ну ! вотъ тебѣ и разъ !... Да, подними его, Ильменевъ ! Видишь, онъ справиться не можетъ. »

— « О, Господи Боже мой !... » сказалъ Ладушкинъ, вставая при помощи Ильменева, « въ пятой разъ сегодня ! Да позвольте мнѣ, Николай Степано-

вичъ, не носить этихъ проклятыхъ зацѣпъ. »

— « Что ты, братецъ! гдѣ видано? Адьютантъ безъ шпоръ! Да это курамъ будетъ на смѣхъ. Привыкнешь! »

— « Такъ нельзя ли меня совсѣмъ изъ Адьютантовъ-то прочь, батюшка! »

— « Оно конечно, какой ты Адьютантъ! Тутъ надобенъ проворъ. Вотъ дѣло другое — Ильменевъ: онъ человѣкъ военной; да грамотѣ-то мы съ нимъ плохо знаемъ. Ну, чтожъ приказъ? »

— « Вотъ, сударь, готовъ; извольте прочесть. »

— « Давай!... Пароль.... лозунгъ.... отзывъ.... Хорошо! Что это?... « Вои« на третьей сотни, Ивана Лосева, за « злостное похищеніе одного индѣй« скаго пѣтуха и двухъ поросятъ, вы« колотить завтрашняго числа передъ « фрунтомъ палками. » Дѣло! « Госпо« динъ Полковой Командиръ изъявляетъ « свою совершенную признательность

« господину Пятисотенному Начальнику, « Буркину.... »

— « За что ? »

— « За найденный вами порядокъ и примѣрное устройство находящихся подъ командою его пяти сотенъ. »

— « Да, да ! совсѣмъ забылъ : вѣдь я назначилъ сего дня смотръ ; но надобно прежде взглянуть, а тамъ ужъ сказать спасибо. »

— « Онъ съ полчаса дожидается, » сказалъ Ильменевъ. « Извольте-ка взглянуть въ окно ; посмотрите, какъ онъ на своемъ Султанѣ гарцуетъ передъ фрунтомъ. »

— « Пойдемте же, господа ! Гей, Заливной ! саблю, фуражку ! »

Ижорской, прицѣпя саблю, вышелъ въ провожаніи Адьютанта и Казначея за ворота. Человѣкъ до пяти сотъ воиновъ съ копьями, выстроенные въ три шеренги, стояли вдоль улицы ; всѣ Офицеры находились при своихъ мѣ-

стахъ, а Буркинъ на лихомъ Персидскомъ жеребцѣ рисовался передъ фрунтомъ. »

— « Смирно ! » закричалъ онъ, увидя выходящаго изъ воротъ Полковника. »

— « Хорошо ! » сказалъ Ижорской важнымъ голосомъ, « Фрунтъ выровненъ, стоятъ по ранжиру,... хорошо ! »

— « Слушай ! » заревѣлъ Буркинъ. « Шапки долой ! »

— « Хорошо ! » повторилъ Ижорской; « всѣ въ одинъ темпъ, по командѣ,... очень хорошо ! »

— « Господинъ Полковникъ ! » продолжалъ Буркинъ, подскакавъ къ Ижорскому и опустивъ свою саблю,

— « Тише, братецъ, тише ! Что ты ? задавишь ! »

— « Господинъ Полковникъ !... »

— « Да чортъ тебя возьми ! Что ты ни меня лѣзишь ? »

— « Честь имѣю рапортовать, что при командѣ состоитъ все благополучно :

двое рядовыхъ занемогли, одинъ урядникъ умеръ.... »

— « Хорошо, очень хорошо!... Да осади свою лошадь, братецъ!... Э! постой! Кто это ѣдетъ на парѣ? Никакъ Терешка? Такъ и есть! Ну что, братъ, гдѣ Волгинъ? »

— « Изволилъ остаться въ Москвѣ, » отвѣчалъ слуга, спрыгнувъ съ телѣги, которая остановилась противъ избы.

— « А скоро ли будетъ назадъ? »

— « Не могу доложить. Онъ послалъ меня вчера еще вечеромъ; да помѣха сдѣлалась. »

— « Что такое? »

— « У самаго Ростокина выпрягли у меня лошадей, говорятъ, будто подъ казенные обозы — не могу сказать. Кой-какъ сегодня, и то уже послѣ обѣда, нанялъ эту пару; да что за клячи, сударь! насилу дотащился!

— « Ну, что слышно новаго? »

— « Николай Степановичъ! » сказалъ

Ладушкинъ, « позвольте доложить: здѣсь не мѣсто....

— « Да, да! въ самомъ дѣлѣ! Господинъ Пятисотенный Начальникъ! извольте распустить вашу команду, да милости прошу ко мнѣ на чашку чаю; а ты ступай за нами въ избу. »

— « Слушай! » заревѣлъ опять Буркинъ. « Шапки надѣвай! Господа Офицеры! разводите ваши сотни по домамъ. Тише, ребята, тише! не шумѣть! смирно! »

Черезъ нѣсколько минутъ изба, занимаемая Ижорскимъ, наполнилась ополченными Офицерами; вмѣстѣ съ Буркинымъ пришли почти всѣ Сотенные Начальники, засѣли вокругъ стола, и господинъ Полковникъ, подозвавъ Терёшку, повторилъ свой вопросъ: « Ну что, братецъ, что слышно новаго? »

— « Да что, сударь! говорятъ Французы идутъ прямо на Москву. »

— « А гдѣ наши войска? »

— « Не могу доложить. »

— « Неужели въ самомъ дѣлѣ, » закричалъ Буркинъ, « Москвы отстаивать не будутъ и сдадутъ безъ боя?... Безъ боя!... Ну, какъ это можетъ быть?»

— « Эхъ, батюшка, Григорій Павловичъ! » перервалъ Ладушкинъ, « было бы чѣмъ отстаивать, и когда ужъ всѣ говорятъ.... »

— « Анъ вздоръ, не всѣ! Вчера какой-то бѣдный прохожій меня порадовалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что велѣно всему нашему войску сбираться къ Тремъ горамъ. »

— « И вы, сударь, ему повѣрили? » спросилъ насмѣшливо Ладушкинъ.

— « И повѣрилъ, и на водку далъ. »

— « Чай двугривенный, или четвертакъ? Вѣдь вы человѣкъ тароватый! »

— « Нѣтъ, на ту пору у меня мѣлочи не случилось. »

— « Что-жъ вы ему дали? ужъ не цѣлковый ли? »

— « Нѣтъ, братецъ! я далъ ему синенькую — да еще какую? съ-иголочки, такъ въ рукѣ и хруститъ! Эхъ! подумалъ я, была ни была! На, братъ, выпей за здоровье Московскаго Ополченія, да помолись Богу, чтобъ мы безъ работы не остались. »

— « Пять рублей! » повторилъ про себя Ладушкинъ. « Ну, подлинно: глупому сыну не въ помощь богатство! »

— « И въ Москвѣ объ этомъ народъ толкуетъ, » сказалъ слуга. « Да вотъ я привезъ съ собой афишку, которую вчера по городу разносили. »

— « Что-жъ ты, братецъ! » закричалъ Ижорской; « давай сюда!... Постой-ка! подписано: Графъ Растопчинъ. Г. Адьютантъ! » продолжалъ онъ, «извольте прочесть ее во услышаніе всѣмъ!»

Ладушкинъ взялъ афишу, напечатанную на небольшой четверткѣ, и началъ читать слѣдующее:

« Братцы, Сила паша многочисленна, « и готова положить животъ, защищая

« Отечество. Не пустимъ злодѣя въ Мос-
« кву; но должно пособить и намъ свое
« дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ
« выдавать! Москва — наша мать; она
« васъ поила, кормила и богатила. Я
« васъ призываю именемъ Божіей Ма-
« тери на защиту Храмовъ Господнихъ,
« Москвы, земли Русской. Вооружитесь,
« кто чѣмъ можетъ — и конные и пѣ-
« шіе; возьмите только на три дня хлѣ-
« ба, идите со крестомъ. Возьмите хо-
« ругви изъ церквей, и съ симъ знаме-
« немъ сбирайтесь тотчасъ на Трехъ го-
« рахъ. Я буду съ вами, и вмѣстѣ ис-
« требимъ злодѣя. Слава въ Вышнихъ —
« кто не отстанетъ! вѣчная память —
« кто мертвый ляжетъ! горѣ на страш-
« номъ судѣ — кто отговариваться ста-
« нетъ! »

— « Ну, вотъ! » вскричалъ Буркинъ,
« вѣдь прохожій-то правду говорилъ.
Эхъ, жаль, что я не далъ ему красненькой. »

— « Однакожъ, » замѣтилъ Ильме-

невъ, « въ этомъ листкѣ о Московскомъ Ополченіи ни слова не сказано. »

— « Да не ужто ты думаешь, » возразилъ Буркинъ, « что когда другіе полки нашего Ополченія присоединены къ арміи, мы станемъ здѣсь сидѣть, поджавши руки? »

— « Прикажутъ, такъ и мы пойдемъ, » сказалъ Ижорской.

— « А безъ приказа соваться не надобно, » примолвилъ Ладушкинъ.

— « Дай-то Господи, чтобъ приказали! » продолжалъ Буркинъ. « Что, господа Офицеры, неужели и васъ охота не забираетъ подраться съ этими супостатами? Да, нѣтъ! по глазамъ вижу, вы всѣ готовы умереть за матушку Москву, и ужъ вѣрно изъ васъ никто назадъ не попятится? »

— « Назадъ? что вы, Григорій Павловичъ? » сказалъ одинъ, вершковъ двѣнадцати, широкоплечій Сотенный Начальникъ. « Нѣтъ, батюшка! не за

тѣмъ помяли. Да я своей рукой зарѣжу того, кто шагъ назадъ сдѣлаетъ.

— « Слышишь, братъ, Ладушкинъ? » сказалъ Буркинъ; « а съ нимъ шутки-то плохія: вѣдь онъ одинъ на медвѣдя ходитъ »

— « Оно такъ, сударь! » возразилъ Ладушкинъ; « да еслибъ у насъ хоть ружья-то были! »

— « А слыхалъ ли ты, братъ, « перервалъ Буркинъ, « поговорку нашего славнаго Суворова: пуля дура, а штыкъ молодецъ.

— « Да гдѣ у насъ штыки-то? »

— « Вотъ еще что? А чѣмъ рогатина хуже штыка? »

— « И конечно не хуже, » подхватилъ Сотенный Начальникъ. « Бывало хватишь медвѣдя подъ лопатку, такъ и онъ долго не навертится; а какой нибудь поджарый Французъ.... »

— « Постойте-ка, господа! » сказалъ Ижорской; « никакъ гость къ намъ ѣдетъ.

Такъ и есть—Гусарской Офицеръ! Ильменевъ! ступай, проси его. »

— « Охъ мнѣ эти кавалеристы! » сказалъ въ полголоса Ладушкинъ. « Въ грошь не ставятъ нашего брата. »

— « Да есть тотъ грѣхъ, » примолвилъ Сотенный Начальникъ. « Они насъ и за военныхъ-то не считаютъ. »

— « А вы бы, господа по-моему, » сказалъ Буркинъ. « Если отъ меня кто рыло воротитъ, такъ и я на него не смотрю. Велика фигура — Гусарской Офицеръ!... Послушай-ка, Ладушкинъ, » продолжалъ Буркинъ, поправляя свой галстукъ, « подтяни, братъ, портупею-то: видишь, у тебя сабля совсѣмъ по землѣ волочится. »

— « Милости просимъ, батюшка! » сказалъ Ижорской, встрѣчая Зарѣцкаго, который, войдя въ избу, поклонился вѣжливо всему обществу; « милости просимъ! Не прикажете ли водки? не угодно ли чаю, или стаканчикъ пуншу?

Да, прошу покорно садиться. Подвинься-ка, Григорій Павловичь. »

— « Покорно васъ благодарю, » сказалъ Зарѣцкой, садясь въ передній уголъ между Ижорскаго и Буркина; « я выпью охотно стаканъ пуншу.

— « Вотъ это по нашему, по военному, господинъ Офицеръ! » сказалъ Буркинъ. « Что за питье чай безъ рома? А ромъ знатный — рекомендую, настоящій Ямайской! »

— « Мнѣ, право, совѣстно, » сказалъ Зарѣцкой, замѣтивъ, что одному Офицеру не осталось мѣста на скамьѣ; « не стѣснилъ ли я васъ, господа? »

— « Помилуйте! » подхватилъ Буркинъ, « кому есть мѣсто, тотъ посидитъ; кому нѣтъ — постоитъ. Вѣдь мы всѣ народъ военный, а межъ военными что за счеты! Не такъ ли, товарищъ? » продолжалъ онъ, обращаясь къ колоссальному сотенному начальнику, который молча закручивалъ свои густые усы.

— « Разумѣется, Григорій Павловичъ, мы люди военные. Дѣло походное, а въ походѣ и съ незнакомымъ человѣкомъ живешь, подъ часъ, какъ съ однокорытникомъ; что тутъ за церемоніи! Не такъ ли, господинъ Адьютантъ?

— « Конечно, конечно! господинъ Капитанъ. »

— « Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ, » сказалъ Ижорской. « Это все Офицеры моего полка; а это господинъ Буркинъ, мой пятисотенный..... то есть, мой баталіонный Командиръ. »

— « Очень радъ, что имѣю удовольствіе познакомиться..... А ромъ у васъ въ самомъ дѣлѣ славный! »

— « Какъ не быть порядочнаго рома, » сказалъ Ижорской, « у нашего брата — не бѣднаго помѣщика..... »

— « И полковаго Командира, » прибавилъ Буркинъ.

— « Позвольте спросить, » продолжалъ Ижорской, « я вижу, вы ранены: — гдѣ это васъ прихватило? »

— « Подъ Бородинымъ. »

— « А теперь откуда изволите ѣхать? »

— « Изъ Москвы. »

— « Ну что, батюшка, сбирается ли тамъ войско на Воробьевыхъ горахъ? »

— « Что слышно? » сказалъ Буркинъ; « на какомъ флангѣ будетъ стоять Московское ополченіе? »

— « Поближе бы только къ Французамъ, » примолвилъ сотенный начальникъ.

— « Не оставятъ ли его въ резервѣ? » спросилъ Ладушкинъ.

— Я этаго ничего не знаю, господа; напротивъ, кажется, подъ Москвою вовсе не будетъ сраженія. »

— « Что вы! » закричалъ Буркинъ; « такъ вы по этому не видѣли Московской афиши? Вотъ она, прочтите-ка! »

— « Странно! » сказалъ Зарѣцкой, прочтя прокламацію Московскаго Генералъ-Губернатора. « Судя по этому, должно думать, что подъ Москвою будетъ генеральное сраженіе; и еслибъ я

зналъ это на вѣрное, то непремѣнно бы воротился; но, кажется, движенія нашихъ войскъ доказываютъ совершенно противное. »

— « Это какая нибудь военная хитрость, » сказалъ Ижорской.

— « Вѣрно! » заревѣлъ Буркинъ. «Знаете ли что? Москва-то приманка. Свѣтлѣйшій хочетъ заманить въ нее Наполеона, какъ волка въ западню. Лишь онъ подойдетъ къ Москвѣ, такъ народъ высыпитъ къ нему на встрѣчу, армія нахлынетъ сзади, мы пагрянемъ съ попереку, да какъ начнемъ его со щеки на щеку.... »

— « Sacristie quelle omelette! » вскричалъ захохотавъ во все горло Зарѣцкой.

— « Что это, братъ? » шепнулъ Буркинъ сотенному начальнику; «покаковски онъ это заговорилъ?

— « Ужъ не Французъ ли онъ? » сказалъ великанъ, взглянувъ изъ подлобья на Зарѣцкаго. « Чего добраго: у него и ухватки-то всѣ не Русскія. »

— « Нѣтъ, братецъ! вѣрно какой нибудь матушкинъ сынокъ и выросъ на Французскомъ языкѣ; вѣдь эти кавалеристы народъ все модный — съ вычурами. »

— « Позвольте васъ спросить, Полковникъ! » сказалъ Зарѣцкой, « вы родня Госпожѣ Лидиной? »

Ижорской покраснѣлъ, смутился и повторилъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ: « Лидиной? то есть, Прасковьѣ Степановнѣ?... »

— « Кажется такъ. »

— « Да, что грѣха таить! я былъ съ нею когда-то родня.... А на что вамъ?.... Неужели и до васъ слухъ дошелъ?... »

— « О чемъ?... »

— « Такъ, такъ, ничего! Да развѣ вы съ ней знакомы? »

— « Нѣтъ, я не имѣю этой чести; но искренній другъ мой, Владиміръ Сергѣевичъ Рославлевъ.... »

— « Рославлевъ ? Такъ вы съ нимъ знакомы ? Бѣдняжка !... »

— « Что такое? неужели его рана.... »

— « А развѣ онъ раненъ ?...

— « Да , раненъ , и лѣчится теперь у своей невѣсты. »

— « У своей невѣсты ! » повторилъ Ижорской въ полголоса. « Нѣтъ , батюшка , у него теперь нѣтъ невѣсты. »

— « Что вы говорите ? Его Полина умерла ? »

— Хуже. Еслибъ она умерла , то я отслужилъ бы не панихиду , а благодарственный молебенъ : слезинки бы не выронилъ надъ ея могилою. А я любилъ ее! » прибавилъ Ижорской разстроганнымъ голосомъ ; « да , я любилъ ее какъ родную дочь ! »

— « Боже мой ! чтожъ такое съ нею сдѣлалось ? »

— « Она, то есть, племянница моя.... Нѣтъ , батюшка ! языкъ не повернется выговорить. »

— « Эхъ, Николай Степановичъ! » сказалъ Буркинъ, « шило въ мѣшкѣ не утаишь. Что дѣлать? грѣхъ такой. Вотъ изволите видѣть, господинъ Офицеръ, старшая дочь Прасковьи Степановны Лидиной, невѣста вашего пріятеля Рославлева, вышла за мужъ за Французскаго плѣннаго Офицера. »

— « Возможно ли? »

— « Говорятъ, что этотъ Французъ Полковникъ и Графъ. Да еслибъ онъ былъ и Маркграфъ какой, такъ срамота-то все не меньше. Господи Боже мой! Французъ, кровопійца нашъ!... Что и говорить! стыдъ и безчестье всей нашей Губерніи! »

— « Графъ? » повторилъ Зарѣцкой. « Такъ точно, это тотъ Французской Полковникъ, котораго я избавилъ отъ смерти, котораго самъ Рославлевъ прислалъ въ домъ къ своей невѣстѣ.... И такъ, есть какая-то непостижимая судьба!... »

[illegible] Ежорской.
[illegible] [illegible]овитыхъ
[illegible] то есть,
[illegible] дама, луч-
[illegible] придумаетъ вся-
[illegible] я получилъ
[illegible] Повѣритель? какъ
[illegible] было хотѣлъ ска-
[illegible] [illegible]вню и познакомиться
[illegible] [illegible]енькою; да сегодня
[illegible] [illegible]лухи, будто въ той
[illegible] Французы. Можетъ
[illegible] [illegible]ни ужъ выручили его
[illegible] [illegible] увезетъ съ собою
[illegible] [illegible] тёщу — чортъ съ ни-
[illegible] [illegible] бѣдной Олиньки. Сер-
[illegible] [illegible] что гибнетъ вмѣстѣ съ ни-
[illegible] [illegible] чтобъ ни стало, если Ея
[illegible] [illegible] съ своей маминькой пота-
[illegible] [illegible] во Францію, такъ я вы-
[illegible] [illegible] дорогу какъ разбойникъ,
[illegible] [illegible] мою племянницу и
[illegible] наслѣдницу всего моего
[illegible]

— « Позвольте спросить, Николай Степановичь ! » сказалъ Ладушкинъ, « отъ кого вы изволили слышать, что Французы въ нашихъ мѣстахъ? Это не можетъ быть ! »

— « А почему не можетъ быть ? »

— « Если они идутъ къ Москвѣ, такъ на чтожъ имъ сворачивать на Калужскую дорогу ? Кажется, съ большой Смоленской дороги сбиться трудно; а на всякой случай, неужели-то они и проводника не найдутъ ? »

— « Эхъ, братецъ ! не въ томъ дѣло, что они идутъ, или нейдутъ по Калужской дорогѣ.... »

— « Нѣтъ, сударь, въ этомъ-то и дѣло ! Да воля ваша, имъ тутъ и слѣда нѣтъ идти. Шутка ли, какой крюкъ они сдѣлаютъ ! »

— « Да что ты такъ объ нихъ хлопочешь, братецъ ? »

— « Помилуйте, Николай Степановичь ! вѣдь моя деревушка почти на самой Калужской дорогѣ. »

— « Такъ вотъ что ! » вскричалъ Буркинъ, « Ахъ, ты жидоморъ ! по тебѣ пусть Французы берутъ Москву, лишь только бы твое Щелкоперово осталось цѣло. »

— « Что жъ дѣлать, Григорій Павловичь ! своя рубашка къ тѣлу ближе. Ну, разсудите сами.... »

— Да мнѣ-то развѣ легче ? Мы съ тобой сосѣди: если твою деревню сожгутъ, такъ и моей не миновать того же ; а развѣ я плачу ? »

— « Вѣдь вы человѣкъ богатый. »

— « А ты, чай, убогой ? Полно, братецъ ! душъ у тебя много, да душонки-то нѣтъ. »

— « Перестаньте, господа ! » сказалъ Ижорской. « Что вы ? Мы знаемъ, что вы всегда шутите другъ съ другомъ ; но вѣдь нашъ гость можетъ подумать.... »

— « И, что вы ? » перервалъ Зарѣцкой ; « мы всѣ здѣсь народъ военный— не правда ли ? »

— « Конечно, конечно! »

— « А между товарищами какія церемоніи? Что на душѣ, то и на языкѣ. Но позвольте васъ спросить, гдѣ же теперь пріятель мой Рославлевъ? »

« — Я слышалъ, что онъ уѣхалъ въ Москву. »

— « Да и теперь еще тамъ, сударь!» сказалъ лакей Ижорскаго, Терентій, который въ продолженіи этого разговора стоялъ у дверей. « Я встрѣтилъ въ Москвѣ его слугу Егора; онъ сказывалъ, что Владиміръ Сергѣичъ болѣнъ горячкою и живетъ у Серпуховскихъ воротъ въ домѣ какого-то купца Сезёмова. »

— « Боже мой! » вскричалъ Зарѣцкой. « Владиміръ болѣнъ, а можетъ быть сегодня Французы будутъ въ Москвѣ! »

— « Въ Москвѣ? повторилъ Ижорской; « но вѣдь ее не отдадутъ безъ боя, а мы еще покамѣстъ не дрались.»

— « И Богъ милостивъ! » прибавилъ Буркинъ; « авось отстоимъ нашу матушку. »

— « Чу! колокольчикъ!» сказалъ Ильменевъ, выглянувъ въ окно. « Кто-то скачетъ по улицѣ! Никакъ Михайла Ѳедоровичъ? »

— « Волгинъ? » спросилъ Ижорской, привставая съ скамьи.

— « Онъ и есть! Ну, вѣрно не жалѣлъ лошадокъ: экъ онъ ихъ упарилъ! »

Волгинъ въ форменномъ мундирномъ сюртукѣ, сверхъ котораго была надѣта темнаго цвѣта шинель, вошелъ поспѣшно въ избу.

— « Ну, что Михайла Ѳедоровичъ? » спросилъ Ижорской.

— « Не торопитесь, скажу! » отвѣчалъ глухимъ голосомъ Волгинъ.

— « Да говори, что новаго? »

— « Что новаго? Замоскворѣчье горитъ, и какъ я выѣхалъ за заставу, то запылалъ Каретный рядъ. »

— « Что это значитъ? »

— « Что братцы ! » вскричалъ Волгинъ, бросивъ на полъ свою фуражку, « намъ осталось умереть и — больше ничего ! »

— « Какъ ? что такое ? »

— « Москва сдана безъ боя — Французы въ Кремлѣ ! »

— « Въ Кремлѣ ! » повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Съ полминуты продолжалось мертвое молчаніе ; слезы катились по блѣднымъ щекамъ Ижорскаго; Ильменевъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— « Кормилица ты наша ! » завопилъ наконецъ, всхлипывая, Буркинъ ; « и умереть-то намъ не удалось за тебя, родимая ! »

— « Несчастная Москва ! » сказалъ Ижорской, утирая текущія изъ глазъ слезы.

— « Бѣдный Рославлевъ ! » примолвилъ Зарѣцкой съ глубокимъ вздохомъ.

ГЛАВА III.

— « Бабушка , а бабушка !... что это такъ воетъ на улицѣ ? »

— Спи дитятко , спи ! это гудитъ вѣтеръ. »

— « Бабушка! мнѣ что-то не спится. »

— « Сотвори молитву , родимый ! да повернись на другой бокъ , авось и заснешь. »

Такъ разговаривали въ низенькой избушкѣ, часу въ 12-мъ ночи, внукъ лѣтъ десяти съ своей старой бабушкой , подлѣ которой онъ лежалъ на полатяхъ. « Бабушка! » закричалъ опять мальчикъ, приподнявшись до половины , « что это такъ рано нынче свѣтаетъ ? »

— « Что ты , батюшка ! Христосъ съ тобою !... Куда свѣтать , и пѣтухи еще не пѣли. »

— « Постой-ка ! » продолжалъ мальчикъ, слѣзая съ полатей, « я погляжу въ окно.... Ну какъ же, бабушка ? на улицѣ свѣтлехонько.... Вонъ и старостинъ колодезь видно. »

— « Что за притча такая ? » сказала старуха, подходя также къ окну. « Мати. Пресвятая Богородица ! » вскричала она, всплеснувъ руками. « Ахъ, дитятко, дитятко! вѣдь это горитъ наша матушка-Москва ! »

— « Смотри-ка, бабушка ! » закричалъ мальчикъ, « эко зарево !... Словно какъ ономнясь горѣлъ нашъ овинъ — такъ и пышетъ ! »

Въ эту самую минуту кто-то постучался у окна. « Кто тамъ ? » спросила старуха.

— « Эй, тёгка ! » раздался мужской голосъ, отвори ворота. »

— « Да кто ты ? »

— « Проѣзжіе. »

— « Я постояльцевъ не пускаю. »

— « Да впусти только обогрѣться; мы тебѣ за тепло заплатимъ. »

— « Впусти, бабушка, » сказалъ мальчикъ; « авось они намъ что нибудь дадутъ, а ты мнѣ калачь купишь. »

— « Эхъ, дитятко! вѣдь мы одпѣ одинехоньки; ну если это недобрые люди? Правда, у насъ и взять-то нечего.... »

— « Эй, хозяйка! » закричалъ опять проѣзжій, « да впусти насъ: мы дадимъ тебѣ двугривенный. »

— « Слышишь, бабушка?...

— « Ну ипъ ступай, Ваня: отвори ворота. »

Мальчикъ накинулъ на себя тулупъ и побѣжалъ на дворъ; а старуха вздула огня и зажгла небольшой сальный огарокъ, вставленный въ глиняный подсвѣчникъ.

Черезъ минуту вошелъ въ избу мущина средняго роста, въ подпоясанномъ кушакомъ сюртукѣ, изъ толстаго сукна и плохомъ кожаномъ картузѣ, а

вслѣдъ за нимъ Казакъ въ полномъ вооруженіи.

— « Здравствуй, хозяйка! » сказалъ, проѣзжій, не снимая картуза. « Ну что, далеколь отсюда до Москвы? »

— « Верстъ десять будетъ, батюшка! » отвѣчала старуха, поглядывая подозрительно на проѣзжаго, который, войдя въ избу, не перекрестился на передній уголъ и стоялъ въ шапкѣ передъ иконами.

— « Десять верстъ! » повторилъ проѣзжій. « Теперь, я думаю, можно своротить въ сторону. Мироновъ! » продолжалъ онъ, обращаясь къ Казаку, « поставь лошадей подъ навѣсъ, да поищи сѣна; а я немного отдохну. »

Когда Казакъ вышелъ изъ избы, проѣзжій скинулъ съ себя сюртукъ и остался въ короткомъ зеленомъ спензерѣ съ золотыми погончиками и съ чернымъ воротникомъ; потомъ, вынувъ изъ боковаго кармана рожокъ съ порохомъ, пару небольшихъ пистолетовъ, осмо-

трѣлъ со вниманіемъ ихъ затравки и подсыпалъ на полки новаго пороха. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ хозяйку, нѣтъ ли у нихъ въ деревнѣ Французовъ? »

— « Нѣтъ, батюшка! » отвѣчала старуха; « покамѣстъ Богъ еще миловалъ. »

— « А по близости? »

— « Не вѣдаю, кормилецъ! »

— « Что, тёгка, далеко ли отъ вашей деревни Владимірская дорога? »

— « Не знаю, родимый. »

— « Да что ты ничего не знаешь? »

— « И батюшка! мое дѣло бабье; вотъ кабы сынокъ мой былъ дома.... »

— « А гдѣ же онъ? »

— « Вечоръ еще уѣхалъ на мѣльницу, да видно все въ очередь не попадетъ; а пора бы вернуться. Постой-ка, батюшка, кажись кто-то ѣдетъ по улицѣ.... Ужъ не онъ ли?... Нѣтъ, какіе-то верховые.... никакъ солдаты!... Ужъ не Французы ли?... Избави, Господи! »

— « А много ли ихъ? » спросилъ проѣзжій, вскочивъ торопливо со скамьи.

— « Только двое, батюшка! »

— « Только? » повторилъ спокойнымъ голосомъ проѣзжій, садясь опять на скамью и придвинувъ къ себѣ пистолеты.

— « Вотъ они остановились противъ нашихъ воротъ; видно, огонекъ-то увидѣли.... стучатся!... Кто тамъ? » продолжала старуха, выглянувъ изъ окна.

— « Русской Офицеръ! » отвѣчалъ грубый голосъ. Отворяй ворота, лебёдка! Да поворачивайся проворнѣй.

— « Что, батюшка, впустить чтоль?» Проѣзжій, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

— « Ваня! » продолжала хозяйка, бѣги, отопри опять ворота. »

— « Ахъ, какъ я иззлбъ! » сказалъ нашъ старинный знакомецъ, Зарѣцкой, входя въ избу. « Какой вѣтеръ!... » Тутъ онъ увидѣлъ проѣзжаго и, покло-

нясь ему, продолжалъ: « Вы также, видно, завернули погрѣться ? »

— « Да ! » отвѣчалъ проѣзжій. « Но я совѣтую вамъ не скидать шинели: въ стой избенкѣ изо всѣхъ угловъ дуетъ. Я вижу, что и мнѣ надобно опять закутаться, » примолвилъ онъ, надѣвая снова свой толстый сюртукъ и подпоясываясь кушакомъ.

Зарѣцкой поглядѣлъ съ удивленіемъ на чудный нарядъ проѣзжаго, котораго, по спензеру съ золотыми погончиками, принялъ сначала за Офицера.

— « Вамъ кажется страннымъ мой нарядъ ? » сказалъ съ улыбкою проѣзжій. « А еслибъ вы знали, какъ онъ подчасъ можетъ пригодиться !... »

— « Извините! » перервалъ Зарѣцкой, продолжая смотрѣть съ любопытствомъ на проѣзжаго ; « или я очень ошибаюсь, или я не въ первый уже разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть: не могу только никакъ припомнить.... »

— « Такъ видно моя память лучше

вашей. Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, въ Петербургѣ, я обѣдалъ вмѣстѣ съ вами въ ресторацiи.... »

— « Френзеля? Точно! теперь вспомнилъ. Такъ вы тотъ самой артиллерiйской Офицеръ.... »

— « Къ вашимъ услугамъ. »

— « Мнѣ помнится, вы поссорились тогда съ какимъ-то Французомъ.... »

— « Да. Еслибъ этотъ молодецъ попался мнѣ теперь, то я просто и не сердясь, велѣлъ бы его повѣсить; а тогда нечего было дѣлать: надобно было ссориться.... Да, кстати! вы были въ ресторацiи вмѣстѣ съ вашимъ пріятелемъ, съ которымъ послѣ я нѣсколько разъ встрѣчался: — гдѣ онъ теперь? »

— « Кто? бѣдный Рославлевъ? »

— « А что? я знаю, онъ раненъ; но, кажется, неопасно? »

— « Представьте себѣ: онъ поѣхалъ лѣчиться въ Москву.... »

— « И попался въ плѣнъ? Вольножъ было меня не послушаться.

— « Я слышалъ, что онъ очень боленъ и живетъ теперь въ домѣ какого-то купца Сезёмова. »

— « Жаль, что я не зналъ объ этомъ нѣсколько часовъ назадъ; а то вѣрно бы навѣстилъ вашего пріятеля. »

— « Какъ! » вскричалъ Зарѣцкой, « да развѣ вы были въ Москвѣ? »

— « Я сей-часъ оттуда. »

— « Такъ по этому можно?... »

— « Да развѣ есть что нибудь невозможнаго для военнаго человѣка? Конечно, если догадаются, что вы не то, чѣмъ хотите казаться, такъ васъ, безъ всякаго суда, разстрѣляютъ. Впрочемъ этаго бояться нечего: надобно только быть смѣтливу, не терять головы и умѣть пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. »

— « Но скажите, что вамъ вздумалось, и для чего хотѣли вы подвергать себя такой опасности? »

— « Во первыхъ для того, чтобъ видѣть своими глазами, что дѣлается въ

Москвѣ; а во вторыхъ.... какъ бы вамъ сказать?... Позвольте: вы кавалеристъ, такъ вѣрно меня поймете. Случалось ли вамъ безъ всякой надобности перескакивать черезъ баріеръ, который почти вдвое выше обыкновеннаго, не смотря на то, что вы могли себѣ сломить шею?»

— « Случалось. »

— « Не правда ли, что сдѣлавъ удачно этотъ трудный и опасный скачекъ, вы чувствовали какое-то душевное наслажденіе, проистекающее отъ внутренняго сознанія въ вашихъ силахъ и искуствѣ? Ну, вотъ точно такое же чувство заставляетъ и меня вдаваться во всякую опасность; а сверхъ того: смѣшаться съ толпою своихъ непріятелей, ходить вмѣстѣ съ ними, подслушивать ихъ разговоры, услышать, можетъ быть, имя свое, произносимое то съ похвалою, то осыпаемое проклятіями.... О! это такое наслажденіе, отъ котораго я ни за что не откажусь. Но позвольте теперь и мнѣ васъ спросить: куда выѣдете?»

— « А Богъ знаетъ: я отыскиваю свой полкъ. »

— « И вѣрно вамъ хорошо знакомы всѣ здѣшнія проселочныя дороги и тропинки ? »

— « Ну, этимъ я не могу похвастаться. »

— « Такъ позвольте васъ поздравить: вы очень счастливы, что до сихъ поръ не попались въ руки къ Французамъ. »

— « Въ самомъ дѣлѣ, вы думаете?... »

— « Не думаю, а увѣренъ, что вамъ этой бѣды никакъ не миновать, если вы станете продолжать отыскивать вашъ полкъ. Кругомъ всей Москвы разсыпаны Французы, я самъ долженъ былъ выѣхать изъ города не въ ту заставу, въ которую въѣхалъ, и сдѣлать пребольшой крюкъ, чтобъ не повстрѣчаться съ ихъ разъѣздами. »

— « Да что же мнѣ дѣлать ? Не ужели я долженъ уѣхать въ Рязань или Владиміръ, и оставаться въ числѣ больныхъ, когда чувствую, что моя рана

не мѣшаетъ мнѣ драться съ Французами, и что она безъ всякаго лѣченья въ нѣсколько дней совершенно заживетъ?»

— « О, если вы желаете только драться съ Французами, то я могу васъ этимъ каждый день угощать. Не хотите ли навремя сдѣлаться моимъ товарищемъ? »

— « Вашимъ товарищемъ? »

— « Да! Мой летучій отрядъ стоитъ по Владимірской дорогѣ, верстахъ въ десяти отсюда. Не угодно ли деньковъ пять, или шесть покочевать вмѣстѣ со мною? »

— « Очень радъ.... И такъ вы одинъ изъ нашихъ партизановъ?... »

— « И самый юнѣйшій изъ моихъ братьевъ, » отвѣчалъ съ улыбкою профѣзжій.

— « То есть, чиномъ?... По этому вы ... »

— « И полноте! Вы видите, что я въ маскерадномъ платьѣ, а мазокъ по именамъ не называютъ. Что ты, Ми-

роновъ ? » продолжалъ Офицеръ, увидя входящаго Казака.

— « А вотъ , Ваше Благородіе, » сказалъ Казакъ , « принесъ кису. Не угодно ли чего покушать ? »

— « Дѣло, братецъ ! Вынь-ка изъ нея для себя полштофа водки , а для насъ бутылку Шампанскаго и кусокъ сыра. Да смотри , не выпей всего полуштофа: мы сей-часъ отправимся въ дорогу. »

— « А чтобъ онъ вѣрнѣе исполнилъ ваше приказаніе, » прибавилъ Зарѣцкой, « такъ велите ему подѣлиться съ моимъ Вахмистромъ. »

— « Слышишь , братецъ ! »

— « Слышу , Ваше Благородіе ! Да я такъ и думалъ. »

— « Полно такъ ли ? Вы , Казаки , дѣлежа не любите. Ну , ступай ! — Хозяйка ! подай-ка намъ два стакана; да, чай , хлѣбецъ у тебя водится ? »

— « Какъ не быть , кормилецъ ! » отвѣчала съ низкимъ поклономъ старуха. « Милости просимъ , покушайте на здо-

ровье! » продолжала она, положа на столъ большой каравай хлѣба и, подавая имъ два деревянные росписные стакана.

— « Ну что? » спросилъ Зарѣцкой, выпивъ первый стакана Шампанскаго и наливая себѣ другой; « что дѣлается теперь въ Москвѣ? »

— « Развѣ вы отсюда не видите? »

— « Вижу: она горитъ; но вы были сей-часъ на самомъ мѣстѣ.... »

— « И, признаюсь, порадовался отъ всей души! Дѣло идетъ славно: городъ подожгли со всѣхъ четырехъ концовъ, а деревянные дома горятъ, какъ стружки. Еще денекъ, или два, такъ въ Москвѣ не останется ни кола, ни двора. И что за великолѣпная картина — прелесть! Въ одномъ углу изъ огромныхъ каменныхъ палатъ пышетъ пламя, какъ изъ Везувія; въ другомъ какой нибудь сальный заводъ горитъ какъ свѣча; тутъ, надъ питейнымъ домомъ, подымается пирамидою голубой огонь; тамъ

[illegible] что [illegible] что [illegible] посмотрѣть.

— [illegible] сказалъ съ невольнымъ содроганіемъ Зарѣцкой.

— А что за суматоха идетъ по улицамъ? Умора, да и только. Французы, какъ горѣлыя кошки, бросаются изъ [illegible] въ уголъ. Они отъ огня, а онъ за ними: примутся тушить въ одномъ мѣстѣ, а въ двадцати вспыхнетъ! Да правда и тушить-то нечѣмъ: ни одной трубы въ городѣ не осталось. »

— « Такъ по этому не Французы зажгли Москву? »

— « Помилуйте! Да что имъ за прибыль жечь городъ, въ которомъ они хотѣли отдохнуть и повеселиться! »

— « И такъ сами обыватели?... »

— « Разумѣется. Какъ будто бы вы не знаете Русскаго человѣка: гори все огнемъ, лишь только злодѣямъ въ руки не доставайся. »

— « Да, это характеристическая черта нашего народа, и надобно сказать правду, въ этомъ есть что-то великое, возвышающее душу.... »

— « Не знаю, возвышаетъ ли это душу, » перервалъ съ улыбкою Артиллерійской Офицеръ: « но на всякой случай, я увѣренъ, что это поунизитъ гордость всемірныхъ побѣдителей и, что всего лучше, заставитъ Русскихъ ненавидѣть Французовъ еще болѣе. Посмотрите, какъ народъ примется ихъ душить! « Они, дискать, злодѣи, сожгли матушку Москву! » А правда ли это или нѣтъ, какое намъ до этаго дѣло? Лишь только бы ихъ рѣзали. »

— « Оно, если хотите, нѣсколько и справедливо. Если бы Французы не пришли въ Москву.... »

— « Такъ мы бы и жечь ее не стали — натурально! »

—« Однакожъ согласитесь: это ужасное бѣдствіе! Я не говорю ни слова о тѣхъ, которые могли выѣхать изъ Москвы:

пылаетъ цѣлая улица ; ну словомъ: э
такая чертовская иллюминація, что л
бо-дорого посмотрѣть.

— « Это ужасно! » сказалъ съ невол
нымъ содроганіемъ Зарѣцкой.

— « А что за суматоха идетъ по ул
цамъ ! Умора , да и только. Французы
какъ угорѣлыя кошки , бросаются и
угла въ уголъ. Они отъ огня , а о
за ними ; примутся тушить въ одно
мѣстѣ , а въ двадцати вспыхнетъ ! .
правда и тушить-то нечѣмъ: ни одн
трубы въ городѣ не осталось. »

— « Такъ по этому не Французы з
жгли Москву? »

— « Помилуйте ! Да что имъ за п
былъ жечь городъ , въ которомъ с
хотѣли отдохнуть и повеселиться ! »

— « И такъ сами обыватели ?... »

— « Разумѣется. Какъ будто бы
не знаете Русскаго человѣка: гори
огнемъ , лишь только злодѣямъ въ р
ки не доставайся. »

они раззорились и больше ничего: но больные, неимущіе? всѣ тѣ, которые должны были остаться?... »

— « Да много ли ихъ? »

— « Согласенъ — не много; но развѣ отъ этаго они менѣе достойны сожалѣнія? Когда подумаешь, что цѣлыя семейства, лишенныя всего необходимаго, безъ куска хлѣба.... »

— « И, что за дѣло! Лишь только бы и Французамъ нечего было ѣсть. »

— « Безъ всякой помощи, безъ крова.... »

— « Такъ чтожъ? пусть живутъ подъ открытымъ небомъ — лишь только бы Французамъ не было пріюта. »

— « И теперь ночи холодны; а что будетъ съ ними, если наступитъ ранняя зима? »

— « Что будетъ? тутъ и спрашивать нечего: они станутъ мерзнуть по улицамъ; да за то и Французамъ не будетъ тепло — не безпокойтесь! »

— « Но признайтесь однакожъ, что человѣчество.... »

— « И, полноте! » перервалъ съ ужасной улыбкою Артиллерійской Офицеръ; « человѣчество, человѣколюбіе, состраданіе, всѣ эти сантиментальныя добродѣтели ни куда не годятся въ нашемъ ремеслѣ. »

— « Какъ? » вскричалъ Зарѣцкой, « неужели военный человѣкъ не долженъ имѣть никакого состраданія? »

— « Спросите-ка объ этомъ у Наполеона. Далеко бы онъ ушелъ съ вашимъ человѣколюбіемъ! Напримѣръ, если бы онъ, какъ человѣкъ великодушный, не покинулъ своихъ Французовъ въ Египтѣ, то вѣрно не былъ бы теперь Императоромъ; еслибъ не разстрѣлялъ Герцога Ангіенскаго.... »

— « То не заслужилъ бы проклятій всей Европы! » перервалъ съ негодованіемъ Зарѣцкой.

— « Можетъ быть; да за то не увѣрилъ бы Бурбоновъ, что Франція для

[illegible] Признаюсь,» про-
[illegible] восторгомъ Артилле-
[illegible] Офицеръ, «я не могу не уди-
[illegible] человѣку! Какая непоко-
[illegible] твердость! Какое презрѣніе ко
[illegible] человѣческому! Какъ ни-
[illegible] его жизнь цѣлыхъ
[illegible] какимъ равнодушіемъ,
[illegible] неумолимая судьба, онъ
[illegible] жертвы и, какъ смѣет-
[illegible] ропотомъ наро-
[illegible] у ногъ его! О! на-
[illegible] правду, Наполеонъ вели-
[illegible] человѣкъ! Да, да!» прибавилъ
[illegible] Офицеръ; «говорите
[illegible] угодно: а по моему тотъ, кто
[illegible] что можетъ *истрачивать* по
[illegible] тысячъ человѣкъ въ сутки —
[illegible] чтобъ повелѣвать милліона-
[illegible] допивайте вашъ ста-
[illegible] пора ѣхать.»

— «Ну!» сказалъ Зарѣцкой, вставая,
[illegible] мастерски хвалите. Самый злѣй-
[illegible] врагъ Наполеона не придумалъ бы

для него брани, обидніе вашей похвалы. » Артиллерійской Офицеръ улыбнулся и не отвѣчалъ ни слова.

Минутъ черезъ пять наши Офицеры, соблюдая всѣ военныя осторожности, выѣхали изъ деревни. Впереди, вмѣсто авангарда, ѣхалъ Казакъ; за нимъ оба Офицера; а позади, шагахъ въ двадцати отъ нихъ, Уланской Вахмистръ представлялъ въ единственномъ лицѣ своемъ то, что предки наши называли сторожевымъ полкомъ, а мы зовемъ аріергардомъ. Почти у самой околицы, поворотивъ направо по проселочной дорогѣ, они въѣхали въ частый березовый лѣсъ. Порывистый вѣтеръ колебалъ деревья и, какъ дикой звѣрь, ревѣлъ по лѣсу; направо густыя облака, освѣщенныя пожаромъ Москвы, котораго не видно было за деревьями, текли, какъ потокъ раскаленной лавы, по темной синевѣ полуночныхъ небесъ. Путешественники молчали. Зарѣцкой давно уже примѣчалъ, что дорога, или

лучше сказать, тропинка, по которой они ѣхали, подавалась примѣтнымъ образомъ направо, слѣдовательно приближала ихъ къ Москвѣ. « Туда ли мы ѣдемъ? » спросилъ онъ наконецъ своего молчаливаго товарища.

— « Не безпокойтесь! » отвѣчалъ онъ, « мы не собьемся съ дороги. »

— « Но мнѣ кажется, мы подвигаемся къ Москвѣ? »

— « Да: она теперь отъ насъ не болѣе четырехъ верстъ. »

— « Я думаю, гораздо безопаснѣе было бы держаться отъ нея подалѣе. »

— « Но для этаго надобно ѣхать открытымъ полемъ, а здѣсь, хоть мы и близко отъ Французовъ, да зато ѣдемъ лѣсомъ. Однакожъ, онъ становится рѣже: вонъ кажется, налѣво.... видите? высокая сосна — такъ и есть! Мы выѣдемъ сей-часъ на большую поляну, а тамъ пустимся опять лѣсомъ, переѣдемъ поперегъ Коломенскую дорогу, повер-

немъ на лѣво, и я надѣюсь, часа черезъ два, будемъ дома, то есть: въ моемъ таборѣ — разумѣется, если безъ меня не было никакой тревоги. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ я знаю, гдѣ найти моихъ молодцевъ: Французы за ними не угоняются. »

Въ продолженіи этого разговора Офицеры выѣхали на обширную поляну, и пожаръ Москвы во всей ужасной красотѣ своей представился ихъ взорамъ. Кой-гдѣ, какъ уединенные острова, чернѣлись на этомъ огненномъ морѣ части города, превращенныя уже въ пепелъ. » Какая прелестная картина! » сказалъ Артиллерійской Офицеръ, останавливая свою лошадь. « Посмотрите — Соборы, Иванъ Великой, весь Кремль какъ на блюдечкѣ. Не правда ли, что онъ походитъ на какую-то прозрачную картину, которая подымается изъ пламени? »

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, можно было разсмотрѣть каждую трещину на

бѣлыхъ стѣнахъ Кремля, освѣщенныхъ со всѣхъ сторонъ пылающей Москвою.»

— « Самъ адъ не можетъ быть ужаснѣе! вскричалъ Зарѣцкой, глядя съ содроганіемъ на эту ужаспую картину разрушенія.

— « Ого!» продолжалъ его товарищъ, « огонекъ-то добирается и до Кремля. Посмотрите: со всѣхъ сторонъ — кругомъ!... Ай да молодцы! какъ они проворятъ! Ну, если Наполеонъ еще въ Кремлѣ, то можетъ похвастаться, что мы приняли его какъ дорогаго гостя и, по Русскому обычаю, поподчивали банею. »

— « Хороша баня! » сказалъ въ полголоса Зарѣцкой.

— « Да развѣ вы не знаете старинной пословицы: по Сенькѣ шапка? Мы съ вами и въ землянкѣ выпаримся, а для Его Императорскаго Величества — какъ не истопить всего Кремля?... и нечего сказать: баня славная!... Чай стѣны теперь раскалились, такъ и пы-

шутъ. Москва рѣка подъ руками: подавай только на эту камепку, а ужъ за паромъ дѣло не станетъ. »

— « Я удивляюсь, » сказалъ Зарѣцкой, « какъ можете вы шутить.... »

— « Въ самомъ дѣлѣ это странно, не правда ли? Однакожъ поѣдемте. »

Наблюдая глубокое молчаніе, они проѣхали еще версты двѣ лѣсомъ. «Какъ вѣтеръ реветъ между деревьями! » сказалъ наконецъ Зарѣцкой. « А знаете ли что? Какъ станешь прислушиваться, то кажется, будто бы въ этомъ воѣ есть какая-то гармонія. Слышите ли, какіе переходы изъ тона въ тонъ? Вотъ, онъ загудѣлъ басомъ; теперь свиститъ дишкантомъ.... А это что?... Ахъ, батюшки!... Не правда ли, какъ будто вдали льется вода? Слышите? настоящій водопадъ. »

— « Нѣтъ, чортъ возьми! » сказалъ товарищъ Зарѣцкаго, осадя свою лошадь: « это не вѣтеръ и не вода. »

— « Что-жъ это такое? »

— « Да просто — конской топотъ. Такъ и есть ! Вотъ и Мироновъ къ намъ ѣдетъ. Ну что, братецъ ? »

— « По Коломенской дорогѣ идетъ конница, Ваше Благородіе ! »

— « Съ которой стороны ? »

— « Отъ Москвы. »

— « Такъ это Французы. Прошу стоять смирно. »

Черезъ нѣсколько минутъ, отрядъ Французскихъ Драгунъ проѣхалъ по большой дорогѣ, которая была шагахъ въ десяти отъ нашихъ путешественниковъ. Солдаты громко разговаривали между собою ; Офицеры смѣялись : но раза два что-то похожее на проклятія, предметомъ которыхъ, кажется, была не Россія, долетѣло до ушей Зарѣцкаго. « Ваше Благородіе ! » сказалъ шепотомъ Казакъ, когда непріятельской отрядъ проѣхалъ мимо: « у нихъ есть отсталой. »

— « Право ? »

— « Вонъ, кажется, одинъ Драгунъ подтягиваетъ подпруги у своей лошади. Не прикажете ли? Я его мигомъ съарканю. »

— « Ну, хорошо; да смотри, чтобъ не пикнулъ. »

Казакъ отвязалъ веревку отъ своего сѣдла, и почти ползкомъ подкрался къ опушкѣ лѣса. Въ ту самую минуту, какъ Драгунъ заносилъ ногу въ стремя, петля упала ему на шею, и онъ, до половины задавленный, захрипѣвъ, повалился на землю. Въ полминуты Французъ съ завязаннымъ ртомъ и связанными назадъ руками, посаженъ былъ на лошадь, отданъ подъ присмотръ Уланскому Вахмистру, и отправился въ слѣдъ за нашими путешественниками. Проѣхавъ еще верстъ десять лѣсомъ, который становился часъ отъ часу гуще, они увидѣли вдали между деревьями огонёкъ. Мироновъ свиснулъ; ему отвѣчали тѣмъ же, и человѣкъ десять Казаковъ высыпали на встрѣчу путеше-

ственникамъ: это былъ передовой пикетъ летучаго отряда, которымъ командовалъ Артиллерійской Офицеръ.

ГЛАВА IV.

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы, они висѣли надъ кровлями догорающихъ домовъ. Смрадный, удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы. Надъ дымящимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой Кремлевской стѣною,

стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшаго роста, въ сѣромъ сюртукѣ и трехъ-угольной низкой шляпѣ. Внизу, у самыхъ ногъ его, текла, изгибаясь, Москва рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровію. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны.... Ахъ! въ нихъ отразилась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастія! Шагахъ въ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли Французскіе Маршалы, Генералы и нѣсколько Адьютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель Царей Русскихъ.

Въ то же самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ набережной, стоялъ видный собою купецъ въ синемъ

поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ: то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылающими домами; но на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догорало обширное Замоскворѣчье. « А! это ты, Ваня? » сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастероваго. « Ну, что? »

— « Да слава Богу, Андреи Васьяновичъ! За Москвой рѣкой все идетъ какъ по маслу. На Зацѣпѣ и по всему валу хоть рожь молоти — гладехонько! На Пятницкой и Ордынкѣ, кой-гдѣ, еще остались дома, да за то на Полянкѣ такъ дёрма и деретъ! »

— « А у Серпуховскихъ воротъ? »

— « Въ трехъ мѣстахъ зажигали, да злодѣи-то наши все тушатъ. Загорѣлся было порядкомъ домъ Ивана Архиповича Сезёмова; да и тотъ мы съ ребятами, по твоему приказу, отстояли. »

— « Спасибо вамъ, дѣтушки! Иванъ Архипычъ старикъ дряхлый, и жена у него плоха. Да это ничего: доплелись бы какъ нибудь до Калуги; а вотъ что — у нихъ въ дому лежитъ больной Офицеръ. »

— « Нашъ Русской? »

— « Ну да! Смотри только, не проболтайся. Постой-ка! Никакъ опять вѣтеръ подымается.... Давай Господи! И кажется, съ Петербургской стороны?... То-то бы славно! »

— « Въ самомъ дѣлѣ, » сказалъ мастеровой, « посмотри-ка, отъ Охотнаго ряда и Моховой какія головни опять полетѣли.... Авось теперь и до Кремля доберется. »

— « Ага! » сказалъ купецъ, подняв къ верху голову; « что?... душно стало?... выползли, проклятые! »

— « Что это, Андрей Васьяновичъ?» спросилъ мастеровой. « Никакъ это Французскіе Генералы? Посмотри-ка, такъ

и залиты въ золото — словно жаръ горятъ! »

— « Подожди, братъ.... позакоптятся, »

— « Глядь-ка, хозяинъ! Видишь, этотъ, что всѣхъ золотистѣе и стоитъ впереди.... Экой молодчина!... Ужъ не самъ ли это Бонапартій?... Да не туда смотришь: вотъ прямо-то надъ нами »

Купецъ, не отвѣчая ни слова, продолжалъ смотрѣть въ другую сторону. « Ну, Ваня! » сказалъ онъ, схвативъ за руку молодаго парня, « такъ и есть! Вонъ стоитъ на самомъ краю въ сѣромъ сертучишкѣ.... это онъ! »

— « Кто?... этотъ недоростокъ-то? Что ты, хозяинъ! »

— « Да, Ваня! развѣ не видишь, что онъ одинъ стоитъ въ шляпѣ? »

— « Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, батюшки свѣты! Вотъ диковинка-то! Ну, видно, по пословицѣ: не велика птичка, да коготокъ востёръ! Ахъ, ты, Гос-

поди, Боже мой! въ рекруты не годится, а какихъ дѣлъ надѣлалъ!»

— «Посмотри-ка!» сказалъ купецъ, «какъ онъ стоитъ тамъ: одинъ одинёхонекъ.... въ дыму.... словно коршунъ выглядываетъ изъ-за тучи и виситъ надъ нашими головами. Да не сносить же и тебѣ своей башки, атаманъ разбойничій!»

— «Глядь-ка, хозяинъ! Что это они зашевелились? Эге! какой сзади повалилъ дымъ!... Знать огонь-то и до нихъ добирается!»

— «Въ самомъ дѣлѣ! Видно ихъ путемъ стало пропекать.»

— «Ахти, Андрей Васьяновичъ!» вскричалъ мастеровой, «никакъ они кинулись внизъ, къ Тайницкимъ воротамъ. Не убраться ли намъ за добра ума?»

— «За чѣмъ? Можетъ статься, они попросятъ насъ показать имъ дорогу. Вѣдь теперь выбраться отсюда на чистое мѣсто не легко. Ну, чтожъ ты глаза-то на меня выпучилъ?»

— « Какъ, хозяинъ? » вскричалъ съ удивленіемъ мастеровой. « Да что тебѣ за охота подслуживаться нашимъ злодѣямъ? »

— « А почемужъ и нѣтъ? » сказалъ съ улыбкою купецъ. « Я ужъ имъ и такъ другія сутки служу вѣрой и правдою. Но постой-ка!... вотъ они!... Ну, полѣзли вонъ, какъ тараканы изъ угарной избы!... »

Человѣкъ пять Французскихъ Офицеровъ и одинъ Польской Генералъ, выбѣжали изъ Тайницкихъ воротъ на набережную.

— « Видишь, какъ этотъ Генералъ озирается во всѣ стороны? » сказалъ шопотомъ купецъ. « Что, мусьо? видно, братъ, нѣтъ ни входа, ни выхода? »

— « Боже мой! » вскричалъ Генералъ, « кругомъ — со всѣхъ сторонъ, вездѣ огонь!... Нѣтъ ли другаго выхода изъ Кремля? »

— « Нѣтъ, » отвѣчалъ одинъ изъ Офи-

церовъ. « Здѣсь все менѣе опасности, чѣмъ съ той стороны. »

— « Не лучше ли Императору остаться въ Кремлѣ? » сказалъ другой Офицеръ.

— « Но развѣ не видите, » перервалъ Генералъ, « что огонь со всѣхъ сторонъ въ него врывается? »

— « А противъ самаго Дворца стоятъ пороховые ящики, » прибавилъ первый Офицеръ.

— « Проклятые Русскіе! » закричалъ Генералъ. « Варвары!... »

— « Они варвары? » возразилъ одинъ Офицеръ въ огромной медвѣжьей шапкѣ. « Вы слишкомъ милостивы, Генералъ! Они не варвары, а дикіе звѣри!... Мы думали здѣсь отдохнуть, повеселиться.... и чтожъ? Эти проклятые Калмыки.... О! ихъ должно непремѣнно загнать въ Азію, надобно очистить Европу отъ этихъ Татаръ!... Посмотрите! вонъ стоятъ ихъ двое.... Съ какимъ скотскимъ равнодушіемъ смотрятъ они

на этотъ ужасный пожаръ!... И этихъ двуногихъ животныхъ называютъ людьми!...

— « Постойте! » сказалъ Генералъ, « если они такъ спокойны, то вѣрно знаютъ, какъ выдти изъ этаго огненнаго лабиринта. Эй, голубчикъ! » продолжалъ онъ довольно чистымъ Русскимъ языкомъ, подойдя къ мастеровому; « не можешь ли ты вывести насъ къ Тверской заставѣ? »

— « Къ Тверской заставѣ?...» повторилъ мастеровой, почесывая голову. «А гдѣ Тверская-то застава, батюшка?...»

— « Какъ гдѣ? Ну тамъ, гдѣ дорога въ Петербургъ. »

— « Дорога въ Питеръ?... А гдѣ это, кормилецъ?

— « Дуралей! Да развѣ ты не знаешь? »

— « Не вѣдаю, батюшка! Я не здѣшній. »

— « Извольте, ваша милость, » под-

хватилъ купецъ, « я васъ выведу къ Тверской заставѣ. »

— « Послушай, братецъ! Если ты проведешь насъ благополучно, то тебѣ хорошо заплатятъ; если же нѣтъ.... »

— « Помилуйте, батюшка, Да я здѣшній старожилъ, и всѣ закоулки знаю. »

— « Вотъ, кажется, самъ Императоръ, » вскричалъ одинъ изъ Офицеровъ « Слава Богу! онъ рѣшился наконецъ оставить Кремль. »

Человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, окруженный толпою Генераловъ, вышелъ изъ Тайницкихъ воротъ. На угрюмомъ, но спокойномъ лицѣ его, незамѣтно было никакой тревоги. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣ окружности Каменнаго моста, и прошепталъ сквозь зубы: *варвары! Скифы!* Потомъ обратился къ Польскому Генералу, и устремя на него свой орлиный взглядъ, сказалъ отрывисто: « ну, что? »

— « Я нашелъ проводника, » отвѣ-

чалъ почтительно Генералъ; « и если Вашему Величеству угодно.... »

— « Ступайте впередъ! »

Польской Генералъ подозвалъ купца и пошелъ, вмѣстѣ съ нимъ, впереди толпы, которая, окруживъ со всѣхъ сторонъ Наполеона, пустилась въ слѣдъ за проводникомъ къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, то вся Неглинная, Моховая и нѣсколько поперечныхъ улицъ представились ихъ взорамъ въ видѣ одного необозримаго пожара. Направо пылающій желѣзный рядъ, какъ огненная стѣна, тянулся по берегу Неглинной; а съ лѣвой стороны пламя отъ догорающихъ домовъ разстилалось во всю ширину узкой набережной. « Какъ! » вскричалъ Польской Генералъ; « неужели мы должны пройдти сквозь этотъ огонь? »

— « Да, » отвѣчалъ купецъ.

— « Боже мой! это настоящій адъ! »

Купецъ усмѣхнулся.

— « Чемужъ ты смѣешься, дуракъ?» вскричалъ съ досадою Генералъ.

— « Не погнѣвайтесь, ваша милость,» сказалъ купецъ; « да неужели этотъ огонь страшнѣе для васъ Русскихъ ядеръ? »

— « Русскихъ ядеръ!... Мы не боимся вашего оружія; но быть побѣдителями и сгорѣть живымъ.... нѣтъ, чертъ возьми! это вовсе непріятно!... Куда же ты? »

— « А вотъ налѣво, въ этотъ переулокъ. »

Генералъ отступилъ назадъ и повторилъ съ ужасомъ: « въ этотъ переулокъ?... » И въ самомъ дѣлѣ, было чего испугаться: узкой переулокъ, которымъ хотѣлъ ихъ вести купецъ, походилъ на отверстіе раскаленной печи; онъ изгибался позади домовъ, выстроенныхъ на набережной, и, казалось, не имѣлъ никакого выхода. « Послушай! » продолжалъ Генералъ, взглянувъ недовѣрчиво на купца, «если это под-

лое предательство, то, клянусь, честію! твоя голова слетитъ прежде, чѣмъ кто нибудь изъ насъ погибнетъ.

— « И, батюшка! Да что мнѣ за радость сгорѣть вмѣстѣ съ вами? » отвѣчалъ хладнокровно купецъ. « А еслибъ мнѣ и пришла такая дурь въ голову, такъ неужели вы меня смертью запугаете? Вѣдь умирать-то все равно. »

— Но для чего же ты не ведешь по этой широкой улицѣ? »

— « По Знаменкѣ, батюшка?... Нельзя! Тамъ теперь, около Арбатской площади, и птица не пролетитъ. »

— « Однакожъ, мнѣ кажется, все лучше....

— « По мнѣ пожалуй! Только не извольте пенять на меня, если мы на чистое мѣсто не выйдемъ: да и назадъ-то ужъ нельзя будетъ вернуться. »

— « Чтожъ вы остановились? » сказалъ Наполеонъ, подойдя къ Генералу.

— « Государь!... я опасаюсь.... дрожу за васъ.... »

— Вы дрожите, Генералъ?... не вѣрю! »

— Намъ должно идти вотъ этимъ переулкомъ.

— « Такъ чтожъ? другой дороги нѣтъ? »

— « Проводникъ говоритъ, что нѣтъ. »

— А если такъ.... господа! вы, кажется, никогда огня не боялись — за мной! »

Толпа Французовъ кинулась въ слѣдъ за Наполеономъ. Въ полминуты нестерпимый жаръ обхватилъ каждаго; всѣ платья задымились. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, пожирающее съ ужаснымъ визгомъ дома, посреди которыхъ они шли: то крутилъ его въ воздухѣ, то згибалъ раскаленнымъ сводомъ надъ ихъ головами. Вокругъ, съ оглушающимъ трескомъ, ломались кровли, падали желѣзные листы и полуобгорѣвшія доски; на каждомъ шагу пылающія бревны и кучи кирпичей преграждали имъ дорогу: они шли по огненной

землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ (*). « Впередъ, господа! » вскричалъ Наполеонъ; « впередъ! Одна быстрота можетъ спасти насъ! » Они добѣжали уже до средины переулка, который круто поворачивалъ на лѣво; вдругъ Польской Генералъ остановился: переулокъ упирался въ пылающій домъ—выхода не было. « Злодѣй, измѣнникъ! » вскричалъ онъ схвативъ за руку своего проводника. Купецъ рванулся, повалилъ наземь Генерала, и кинулся въ одинъ догорающій домъ. «За проводникомъ! » закричали нѣсколько голосовъ. « Этотъ домъ долженъ быть сквозной. » Но въ ту самую минуту, передняя стѣна съ ужаснымъ громомъ рухнулась, и среди двухъ столбовъ пламени, которые быстро подымались къ небесамъ, открылась широкая каменная лѣстница. На одной изъ верхнихъ

(*) Выраженіе очевидца, Генерала Сегюра.

ея ступеней, окруженный огнемъ и дымомъ, какъ злой духъ, стерегущій преддверіе ада. стоялъ купецъ. Онъ кинулъ торжествующій взглядъ на отчаянную толпу Французовъ, и съ громкимъ хохотомъ изчезъ снова среди пылающихъ развалинъ. Мы погибли!» вскричалъ Польской Генералъ. Наполеонъ поблѣднѣлъ.... Но десница Всевышняго хранила еще главу сію для новыхъ бѣдствій; еще не настала минута возмездія! Въ то время, когда не оставалось уже никакой надежды къ спасенію, въ дверяхъ дома, который заграждалъ имъ выходъ, показалось человѣкъ пять Французскихъ гренадеровъ. «Солдаты!» вскричалъ одинъ изъ Маршаловъ, «спасайте Императора!» Гренадеры побросали награбленныя ими вещи и провели Наполеона, сквозь огонь, на обширный дворъ, покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Тутъ встрѣтили его еще нѣсколько егерей Италіянской Гвардіи, и при помощи ихъ, вся толпа, перехо-

[illegible] пепелища на другое, до-
[illegible] наконецъ до Арбата. Для На-
[illegible] [illegible]скали какую-то лошаденку;
[illegible] на нее, и въ семъ-то тор-
[illegible] шествіи наблюдая глубо-
[illegible] [illegible]ание, этотъ завоеватель Россіи
[illegible] наконецъ до Драгомиловскаго
[illegible] [illegible] въ первый разъ проясни-
[illegible] [illegible] свиты; вся опасность ми-
[illegible] они уже были почти за горо-
[illegible]

[illegible] кажется, » сказалъ одинъ
[illegible] [illegible]ютантовъ Наполеона, « что мы
[illegible] [illegible] же самой дорогою въѣзжали
[illegible] [illegible]. »

[illegible] [illegible] » отвѣчалъ одинъ пожилой
[illegible] [illegible]ской Полковникъ; « вонъ на
[illegible] [illegible] рѣки и деревянный домъ,
[illegible] [illegible] третьяго дня ночевалъ Им-
[illegible] [illegible]. »

[illegible] хорошо бы сдѣлалъ, если бы
[illegible] [illegible] остался. Ces sacrés barbares!
[illegible] [illegible] [illegible] угостили въ своемъ Крем-
[illegible] [illegible] можно ли было ожидать такой

встрѣчи? Помните, за день до нашего вступленія въ эту проклятую Москву, къ намъ приводили для разспросовъ какого-то купца.... Ахъ Боже мой!... Да, кажется, это тотъ самый измѣнникъ, который былъ сей часъ нашимъ проводникомъ.... точно такъ!... Ну, теперь я понимаю!... »

— « Что такое?... »

— « Да развѣ вы забыли, что этотъ Татаринъ, на мой вопросъ: какъ примутъ насъ Московскіе жители, отвѣчалъ, что врядъ ли сдѣлаютъ намъ встрѣчу; но что освѣщеніе въ городѣ непремѣнно будетъ. »

— « Ну чтожъ, развѣ онъ солгалъ?.. Развѣ насъ угощали гдѣ нибудь иллюминаціею лучше этой? »

— « Чортъ бы ее побралъ! » сказалъ Наполеоновъ Мамелюкъ, Рустанъ, поглаживая свои опаленные усы.

— « Надобно признаться, » продолжалъ первый Адьютантъ, « писатели наши говорятъ совершенную истину об

этой варварской землѣ. Что за народъ!... Ну, можно ли называть Европейцами этихъ Скифовъ?»

— « Однакожъ, я думаю, » отвѣчалъ хладнокровно Полковникъ, «вы видали много Русскихъ плѣнныхъ Офицеровъ, которые вовсе на Скифовъ не походятъ?»

— « О, вы вѣчный защитникъ Русскихъ! » вскричалъ Адьютантъ. «И отъ того, что вы имѣли терпѣніе прожить, когда-то, цѣлый годъ въ этомъ царствѣ зимы.... »

— « Да отъ того-то именно я знаю его лучше, чѣмъ вы, и не хочу, по примѣру многихъ соотечественниковъ моихъ, повторять нелѣпые разсказы о Русскихъ и платить клеветой за всегдашнюю ихъ ласку и гостепріимство. »

— « Но позвольте спросить васъ, господинъ защитникъ Россіянъ: чѣмъ оправдаете вы пожаръ Москвы, этотъ неслыханный примѣръ закоснѣлаго невѣжества, варварства.... »

— « И любви къ отечеству, » пере-

рвалъ Полковникъ. « Конечно, въ этомъ вовсе не-Европейскомъ поступкѣ Россіянъ есть что-то непросвѣщенное, дикое; но когда я вспомню, какъ принимали насъ въ другихъ столицахъ, и въ тоже время посмотрю на пылающую Москву.... то, признаюсь, дивлюсь и завидую этимъ Скифамъ. »

— « Согласитесь однакожъ, Полковникъ, перервалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ въ Генеральскомъ мундирѣ, « что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ поступокъ оправдать ничѣмъ неможно, и что тѣ, кои жгли своими руками Москву, безъ всякаго сомнѣнія преступники. »

— « Передъ кѣмъ, господинъ Сегюръ? Если передъ нами, то я совершенно согласенъ: по ихъ милости мы сей часъ было всѣ сгорѣли; но я думаю, что за это преступленіе ихъ судить не станутъ. »

— « Перестаньте, Полковникъ! » вскричалъ Адъютантъ; « зажигатель всегда преступникъ. И что можно сказать о

гражданинѣ, который для того, чтобъ избавиться отъ непріятеля, зажигаетъ свой собственный домъ. ? » (*)

— « Что можно сказать? Мнѣ кажется, на вашъ вопросъ отвѣчать очень легко: вѣроятно, этотъ гражданинъ болѣе ненавидитъ враговъ своего Отечества, чѣмъ любитъ свой собственный домъ. Вотъ еслибъ Московскіе жители выбѣжали на встрѣчу къ нашимъ войскамъ, осыпали ихъ рукоплесканіями, приняли съ отверстыми объятіями, и вы спросили бы Русскихъ: какое имя можно дать подобнымъ гражданамъ?... то, безсомнѣнія, имъ отвѣчать было бы гораздо затруднительнѣе. »

— « Однакожъ, Полковникъ, » сказалъ съ примѣтною досадою Адьютантъ,

---

(*) Точно такой же вопросъ дѣлаетъ Г. Делоръ, сочинитель очерковъ Французской революціи: (Esquisses Historiques de la Révolution Française).

« позвольте вамъ замѣтить: вы съ такимъ жаромъ защищаете нашихъ непріятелей.... прилично ли Французскому Офицеру.... »

— « Вы еще очень молоды, господинъ Адьютантъ, » перервалъ хладнокровно Полковникъ, « и врядъ ли можете знать лучше меня, что прилично Офицеру. Я ужъ дрался за честь моей родины въ то время, какъ вы были еще въ пеленкахъ, и смѣло могу сказать: горжусь именемъ Француза. Но отъ того-то именно и уважаю благородную Русскую націю. Это самоотверженіе, эта безпредѣльная любовь къ Отечеству — понятны душѣ моей: я Французъ. И неужели вы думаете, что унижая враговъ нашихъ, мы не уменьшаемъ этимъ собственную нашу славу? Побѣда надъ презрѣннымъ непріятелемъ можетъ ли, должна ли радовать сердца воиновъ Наполеона ? »

— Конечно, конечно » перервалъ Сегюръ. A vaincre sans péril, on triomphe

sans gloire. Но вотъ ужъ мы и за городомъ. »

Наполеонъ, поворотя направо вверхъ по теченію Москвы рѣки, переправился, близь села Хорошева, чрезъ плавучій мостъ, и проѣхавъ нѣсколько верстъ полемъ, дотащился наконецъ до Петербургской дороги. Тутъ кончилось это достопамятное путешествіе Императора Французовъ, отъ Кремля до Петровскаго замка, изъ котораго онъ переѣхалъ опять въ Кремль не прежде, какъ прекратились пожары: то есть, когда уже почти вся Москва превратилась въ пепелъ.

Не смотря на строгую взыскательность нѣкоторыхъ критиковъ, которые, Богъ знаетъ почему, никакъ не дозволяютъ автору говорить отъ собственнаго своего лица съ читателемъ, я намѣренъ, окончивая эту главу, сказать слова два объ одномъ, не совсѣмъ еще рѣшен-

номъ у насъ вопросѣ: точно ли Русскіе, а не Французы сожгли Москву?... Было время, что мы, испуганные восклицаніями Парижскихъ Журналистовъ: «ces barbares qui ne savaient se défendre qu'en brûlant leurs propres habitations,» (*) готовы были божиться въ противномъ; но теперь, надѣюсь, никакая краснорѣчивая Французская фраза не заставитъ насъ отказаться отъ того, чѣмъ не только мы, но и позднѣйшіе потомки наши станутъ гордиться. Нѣтъ! мы не уступимъ никому чести Московскаго пожара: это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ наслѣдій, которое нашъ вѣкъ передастъ будущему. Пусть современные Французскіе писатели, всегда готовые платить ругательствомъ за нашу ласку и гостепріимство, кричатъ, что мы варвары,

(*) Эти варвары, которые не умѣли защищать себя иначе, какъ сожигая собственные дома свои.

что превратя въ пепелъ древнюю Столицу Россіи, мы отодвинули себя назадъ на цѣлое столѣтіе: послѣдствія доказали противное; а безпристрастное потомство скажетъ, что въ семъ спасительномъ пожарѣ Москвы погибъ навсегда тотъ, кто хотѣлъ наложить оковы рабства на всю Европу. Да, не на пустынномъ островѣ, но подъ дымящимися развалинами Москвы, Наполеонъ нашелъ свою могилу! Въ упрямомъ военачальникѣ влекущемъ на явную гибель остатки своихъ безстрашныхъ легіоновъ; въ мятежномъ Корсиканцѣ, взволновавшемъ снова успокоенную Францію — я вижу еще что-то великое; но въ неугомонномъ плѣнникѣ Англичанъ, въ мѣлочномъ ругателѣ своего тюремщика, я не узнаю рѣшительно того колосальнаго Наполеона, который и въ паденіи своемъ не долженъ былъ походить на обыкновеннаго человѣка.

ГЛАВА V.

—

Уже болѣе трехъ недѣль Наполеонъ жилъ снова въ Кремлѣ. Большая Русская армія, подъ главнымъ начальствомъ незабвеннаго Князя Кутузова, прикрывая богатѣйшія наши провинціи, стояла спокойно лагеремъ, имѣла все нужное въ изобиліи и безпрестанно усиливалась свѣжими войсками, подходившими изъ всѣхъ Низовыхъ Губерній. Напротивъ, положеніе Французской арміи было вовсе незавидное: превращенная въ пепелъ Москва не доставляла давно уже никакого продовольствія, и не смотрна всѣ военныя предосторожности, цѣлыя партіи фуражировъ пропадали безвѣсти; съ каждымъ днемъ возрастала народная ненависть къ Французамъ. Буйные поступки солдатъ, начинавшихъ

уже забывать всю подчиненность; сожженіе Москвы, а болѣе всего осквернение церквей, сначала ограбленныхъ, а потомъ превращенныхъ въ магазины и конюшни, довело наконецъ эту ненависть до какого-то изступленія. Убить просто Француза, казалось для Русскаго крестьянина уже дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ; всѣ роды смертей, одна другой ужаснѣе, ожидали несчастныхъ непріятельскихъ солдатъ, захваченныхъ вооруженными толпами крестьянъ, которые, дѣлаясь часъ отъ часу отважнѣе, стали наконецъ нападать на сильные отряды фуражировъ, и не рѣдко оставались побѣдителями. Эти, повидимому незначительныя, но безпрерывныя потери обезсиливали примѣтнымъ образомъ непріятеля; а къ довершенію бѣдствія, наши летучіе отряды почти совершенно отрѣзали большую Французскую армію отъ всѣхъ ея пособій и резервовъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что когда Французы шли

впередъ и стояли въ Москвѣ, Русскіе партизаны составляли ихъ аріергардъ; а во время ретирады сдѣлись авангардомъ, перерѣзывали имъ дорогу, замедляли отступленіе и захватывали всѣ транспорты съ одеждою и продовольствіемъ, которые спѣшили къ нимъ на встрѣчу.

Въ полной надеждѣ на неизмѣнную звѣзду своего счастія, Наполеонъ подписывалъ въ Кремлѣ новыя постановленія для Парижскихъ Театровъ, прогуливался въ своемъ сѣромъ сюртукѣ по городу, и глядя спокойно на бѣдственное состояніе своего войска, ожидалъ съ каждымъ днемъ мирныхъ предложеній отъ нашего Двора. Но слово Русскаго Царя священно: онъ обѣщалъ своему народу не положить меча до тѣхъ поръ, пока хотя единый врагъ останется въ предѣлахъ Его Царства—и свято сохранилъ сей обѣтъ. День проходилъ за днемъ, но никто не являлся къ *побѣдителю* съ повинной головою. Напо-

лсонъ досадовалъ, называлъ насъ варварами, непонимающими, что такое Европейская война, и наконецъ, вѣроятно по добротѣ своего сердца, не желая *погубить* до конца Россію, послалъ въ главную квартиру Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, своего любимца Лористона, уполномочивъ его заключить миръ на самыхъ выгодныхъ для насъ условіяхъ. Всѣмъ извѣстно, какой имѣло успѣхъ это *человѣколюбивое* посольство. Лористонъ, воротясь въ Москву, донесъ своему Императору, что Сѣверные варвары не хотятъ слышать о мирѣ, и увѣряютъ, будто бы война не кончилась, а только еще начинается.

Все это происходило въ концѣ Сентября мѣсяца, и около того же самаго времени, отрядъ, подъ командою знакомаго намъ Артиллерійскаго Офицера, переходя безпрестанно съ одного мѣста на другое, остановился ночевать недалеко отъ большой Калужской дороги.

Разсвѣтало. На одной обширной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ, при слабомъ отблескѣ догарающихъ огней, можно было безъ труда разсмотрѣть нѣсколько десятковъ шалашей, или балагановъ, расположенныхъ полукружіемъ. Съ полдюжины фуръ, двѣ или три телѣги, множество лошадей, стоящихъ кучами, у сдѣланныхъ на скорую руку коновязей, разбросанные котлы, и пестрота одеждъ спящихъ въ шалашахъ и передъ огнями людей — все, съ перваго взгляда, походило на какой-то безпорядочный Цыганской таборъ. Но въ тоже время цѣлые пуки воткнутыхъ въ землю дротиковъ и Казаки, стоящіе на часахъ по опушкѣ лѣса, доказывали, что на этой полянѣ расположены были биваки одного изъ летучихъ Русскихъ отрядовъ.

Въ небольшомъ полуоткрытомъ шалашѣ лежало трое Офицеровъ, закутанныхъ въ синія шинели. Казалось, они спали крѣпкимъ сномъ. Недалеко отъ

пихъ, передъ балаганомъ, который былъ почти вдвое болѣе другихъ, у пылающаго костра, сидѣлъ Русской Офицеръ въ зеленомъ спензерѣ. Онъ курилъ трубку и, отъ времени до времени, посматривалъ съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ впередъ; вдругъ послышался вдали окликъ часоваго. Офицеръ всталъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился; черезъ минуту раздался явственно лошадиный топотъ, и видный собою Казакъ выѣхалъ рысью на поляну.

— « Ну что, Мироновъ, » спросилъ Офицеръ, подойдя къ Казаку, который спрыгнулъ съ лошади: « непріятель точно потянулся по Калужской дорогѣ? »

— « Да, Ваше Высокоблагородіе! Французы ночуютъ верстахъ въ пяти отсюда. »

— « А какъ силенъ непріятель? »

— « Я видѣлъ только передовыхъ; этакъ сотенъ пять, шесть будетъ; да мужички мнѣ сказывали, что за ними валитъ Французовъ несмѣтная сила. »

— « То есть, два или три полка? »

— « Не могу знать, Ваше Высокоблагородіе! А говорятъ, съ ними много пушекъ. »

— « Такъ это не фуражиры. Ступай, разбуди Есаула: сей часъ въ походъ. »

Въ полминуты весь лагерь оживился: а Офицеръ, подойдя къ своему шалашу, закричалъ: « Эй, господа, вставайте! »

— « Что такое? » спросилъ Зарѣцкой, приподымаясь и протирая глаза.

— « Сей часъ въ походъ. »

— « А я было заснулъ такъ крѣпко. Ахъ, чортъ возьми, какъ у меня болитъ голова! А все отъ этаго проклятаго пунша. Ну! » продолжалъ Зарѣцкой, подымаясь на ноги, « мы, кажется, угощая вчера нашихъ плѣнныхъ Французовъ, и сами черезъ чуръ подгуляли. Да гдѣжъ они? »

— « Не бойтесь, не уйдутъ, » сказалъ, выходя изъ шалаша, одѣтый въ

сѣрое полукафтанье, Офицеръ, въ выговорѣ котораго замѣтно было Сербское парѣчіе.

— « Чтожъ они дѣлаютъ? »

— « Спятъ, » отвѣчалъ отрывисто Сербъ.

— « А какъ проснутся, » продолжалъ Зарѣцкой, « и вспомнятъ, какъ они все намъ выболтали, такъ вѣрно пожалѣютъ, что выпили по лишнему стакану пунша. Да и вы, господа — надобно сказать правду—мастерски умѣете пользоваться минутой откровенности,

— « Это потому, » подхватилъ другой Офицеръ въ буркѣ и бѣлой кавалерійской фуражкѣ, « что мы вѣримъ Русской пословицѣ: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. »

— » Посмотрите, если они сегодня не будутъ отрекаться отъ своихъ вчерашнихъ словъ. »

— « Не думаю, » сказалъ съ какой-то странной улыбкою Артиллерійской Офицеръ.

— Куда мы теперь отправляемся? » спросилъ Зарѣцкой.

— « Мы перейдемъ на Владимірскую дорогу и, можетъ быть, будемъ опять верстахъ въ десяти отъ Москвы.

— « Въ десяти верстахъ! » повторилъ Зарѣцкой. « Что если бы я могъ какъ нибудь узнать: живъ ли мой другъ Рославлевъ? »

— « Я на вашемъ мѣстѣ, » сказалъ Артиллерійской Офицеръ, « постарался бы съ нимъ увидѣться. »

— « О! еслибъ я могъ побывать самъ въ Москвѣ....

— « Почему же нѣтъ? Да знаете ли, что вамъ это даже нужно? Извините, но мнѣ кажется, вы слишкомъ жалуете нашихъ непріятелей; такъ вамъ вовсе не мѣшаетъ взглянуть теперь на Москву: быть можетъ, это васъ нѣсколько поразочаруетъ. Вы говорите хорошо по Французски; у насъ есть полный конно-егерской мундиръ: одѣнитесь въ не-

го, возьмите у меня лошадь, отбитую у непріятельскаго Офицера, и ступайте смѣло въ Москву. Тамъ теперь такое смѣшеніе языковъ и мундировъ, что никому не придетъ въ голову экзаменовать васъ, къ какому вы принадлежите полку.»

— «А что вы думаете?» вскричалъ Зарѣцкой. «Если Рославлевъ живъ, то можетъ быть, я найду способъ вывезти его изъ Москвы и добраться вмѣстѣ съ нимъ до нашей арміи.»

— «Можетъ быть. Одѣвайтесь же скорѣе: мы сей-часъ выступаемъ.»

Въ нѣсколько минутъ Зарѣцкой, при помощи проворнаго казачьяго Урядника, преобразился въ непріятельскаго Офицера, надѣлъ сверхъ мундира синюю шинель съ длиннымъ воротникомъ, и вскочивъ на лошадь, осѣдланную Французскимъ сѣдломъ, сказалъ: «какъ удивятся наши плѣнные, когда увидятъ меня въ этомъ нарядѣ. Да гдѣжъ они?... Ба! они еще спятъ. Надобно ихъ разбудить.»

— « За чѣмъ? » перервалъ Артиллерійской Офицеръ, садясь на лошадь. « Мы со всѣхъ сторонъ окружены Французами; гдѣ намъ таскать съ собою плѣнныхъ. »

— « Но мы идемъ отсюда. »

— « А они остаются. »

— « Да теперь, покуда они спятъ...»

— « И не проснутся! » сказалъ Сербъ, закуривая спокойно свою трубку.

У Зарѣцкаго сердце замерло отъ ужаса; онъ взглянулъ съ отвращеніемъ на своихъ товарищей и замолчалъ. Весь отрядъ, принявъ направо, потянулся лѣсомъ по узкой просѣкѣ, которая вывела ихъ на чистое поле. Проѣхавъ верстъ десять, они стали опять встрѣчать лѣсистыя мѣста, и часу въ одиннадцатомъ утра остановились отдохнуть недалеко отъ села Карачарова въ густомъ сосновомъ лѣсу.

— « Ну, если вы не передумали ѣхать въ Москву, сказалъ Артиллерійской Офицеръ, « то ступайте теперь: я при-

му отсюда налѣво и остановлюсь не прежде, какъ буду отъ нея верстахъ въ тридцати. »

Покормивъ лошадей подножнымъ кормомъ и отдохнувъ, отрядъ приготовился къ выступленію; а Зарѣцкой, простясь довольно холодно съ бывшими своими товарищами, выѣхалъ изъ лѣса прямо на большую дорогу, которая шла черезъ село Карачарово. Подъѣхавъ къ длинной гати, проложенной по низкому мѣсту, вплоть до самаго селенія, Зарѣцкой увидѣлъ, что передъ околицей стоитъ сильный непріятельской пикетъ. Желая какъ можно рѣже встрѣчаться съ теперешними своими сослуживцами, онъ припялъ налѣво полемъ, и продолжалъ объѣзжать всѣ деревни и селенія, наполненныя Французами. Изрѣдка встрѣчались съ нимъ бродящіе по огородамъ солдаты: одни, какъ будто бы нехотя, прикладывали руки къ своимъ киверамъ; другіе, взглянувъ на него весьма равнодушно, продолжали рыться

между грядъ. Съ приближеніемъ его къ Москвѣ, число этихъ бродягъ безпрестанно увеличивалось; близь Спаской заставы по всѣмъ огородамъ были разсыпаны солдаты всѣхъ націй. Зарѣцкой примѣтилъ, что многіе изъ нихъ таскали за собой обывателей изъ простаго народа, на которыхъ, какъ на вьючныхъ лошадей, накладывали мѣшки съ картофелемъ, рѣпою и другими огородными овощами. Подъѣзжая къ заставѣ, онъ думалъ, что его закидаютъ вопросами; но, къ счастію, опасенія его не оправдались. Часовой, въ изорванной шинели, въ протоптанныхъ башмакахъ и высокой медвѣжьей шапкѣ, не сдѣлалъ ему на караулъ, но за то и не обезпокоилъ его никакимъ вопросомъ.

Какое странное и вмѣстѣ плачевное зрѣлище представилось Зарѣцкому, когда онъ въѣхалъ въ городъ! Вмѣсто улицъ, тянулись безконечные ряды трубъ и печей, посреди которыхъ отъ времени до времени возвышались полуразрушен-

ные кирпичные дома; на каждомъ шагу встрѣчались съ нимъ толпы оборванныхъ солдатъ: одни, запачканные сажею, черные какъ Негры, копались въ развалинахъ домовъ; другіе, опьянѣвъ отъ Русскаго вина, кричали охриплымъ голосомъ: Vive l'Empereur! » шумѣли и пѣли пѣсни на разныхъ Европейскихъ языкахъ. Обломки столовъ и стульевъ, изорванныя картины, разбитыя зеркала, фарфоръ, пустыя бутылки, бочки и мертвыя лошади покрывали мостовую. Все это вмѣстѣ представляло такую отвратительную картину безпорядка и разрушенія, что Зарѣцкой едва могъ удержаться отъ восклицанія: « злодѣи! что сдѣлали вы съ несчастной Москвою! » Будучи воспитанъ, какъ и большая часть нашихъ молодыхъ людей, подъ присмотромъ Французскаго гувернера, Зарѣцкой не могъ назваться набожнымъ; но не смотря на это, его Русское сердце облилось кровью, когда онъ увидѣлъ, что почти во всѣхъ церквахъ стояли лошади;

что стойла ихъ были сколочены изъ иконъ, обезображенныхъ, изрубленныхъ и покрытыхъ грязью. Но какъ описать его негодованіе, когда, проѣзжая мимо одной церкви, онъ прочелъ на ней надпись: « Конюшня Генерала Гильемино. » Нѣтъ, господа Французы ! » вскричалъ онъ, позабывъ, что окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, « это уже слишкомъ !... ругаться надъ тѣмъ, что цѣлый народъ считаетъ священнымъ !... Если это по вашему называется отсутствіемъ всѣхъ предразсудковъ и просвѣщеніемъ: такъ чортъ его побери и вмѣстѣ съ вами ! » Когда онъ сталъ приближаться къ серединѣ города, то боясь встрѣтить Французскаго Генерала, который могъ бы ему сдѣлать какой нибудь затруднительный вопросъ, Зарѣцкой, всякой разъ, когда сверкали вдали шитые мундиры и показывались толпы верховыхъ, сворачивалъ въ сторону и скрывался между развалинами. Нѣсколько разъ случалось ему, для [illegible]

подобной встрѣчи, въѣзжать въ какую нибудь залу, или прятаться за мраморнымъ каминомъ, и потомъ снова выбираться на улицу сквозь цѣлый рядъ комнатъ безъ половъ и потолковъ, но сохранившихъ еще по мѣстамъ свою позолоту и живопись. Переѣхавъ Яузу, Зарѣцкой пустился рысью по набережной Москвы рѣки, мимо уцѣлѣвшаго Воспитательнаго дома, и миновавъ благополучно Кремль, замѣтилъ, что на самой срединѣ Каменнаго моста толпилось много народа. Когда онъ подъѣхалъ къ этой толпѣ, которая занимала всю ширину моста, то долженъ былъ за тѣснотою, приостановить свою лошадь, подлѣ двухъ Гвардейскихъ солдатъ. Они разговаривали о чемъ-то съ большимъ жаромъ. « Какъ! вскричалъ одинъ изъ нихъ, « обѣ молодыя дѣвушки?... »

— « Да! » отвѣчалъ другой, « онѣ обѣ, въ моихъ глазахъ бросились съ моста прямо въ рѣку. »

— « Matin! sont-elles farouches ces

bourgeoises de Moscou?... Броситься въ рѣку отъ того, что двое Гвардейскихъ солдатъ предложили имъ погулять и повеселиться вмѣстѣ съ ними!... Ну вотъ, къ чему служитъ Парижская вѣжливость съ этими варварами.? »

— « Правда, » сказалъ первый солдатъ, « они тащили ихъ насильно. »

— « Насильно! .. насильно!... Но если эти дуры не знаютъ общежитія!... Что за народъ эти Русскіе!... Мнѣ кажется, они еще глупѣе Нѣмцевъ.... А какъ безтолковы!... Съ ними говорить чистымъ Французскимъ языкомъ — ни слова не понимаютъ. Sacristie! comme ils sont bêtes ces barbares!

— « Здравствуй, Дюранъ! » сказалъ кто-то на Французскомъ языкѣ позади Зарѣцкаго. « Ну что, доволенъ ли ты своей лошадью? » продолжалъ тотъ же голосъ, и такъ близко, что Зарѣцкой оглянулся и увидѣлъ подлѣ себя Кавалерійскаго Офицера, который, отступя шагъ назадъ, вскричалъ съ удивленіемъ:

« Ахъ, Боже мой! я ошибся.... извините!.... я думалъ васъ за того пріятеля.... но неужели онъ продалъ вамъ свою лошадь?.... Да! это точно она!.... Позвольте спросить, дорого ли вы за нее заплатили? »

— « Четыреста франковъ, » отвѣчалъ на удачу Зарѣцкой.

— « Только?.... Онъ заплатилъ мнѣ за нее восемь сотъ, а продалъ вамъ за четыреста!... Странно!... Вы служите съ нимъ въ одномъ полку? »

— « Нѣтъ! » отвѣчалъ отрывисто Зарѣцкой, стараясь продраться сквозь толпу. Поворачивая во всѣ стороны лошадь, онъ нечаянно распахнулъ свою шинель. « Это странно! сказалъ Кавалеристъ; « вы служите не вмѣстѣ съ Дюраномъ, а на васъ, кажется, такой же мундиръ, какъ и на немъ. »

— « Мундиры нашихъ полковъ очень сходны.... Но извините!... Мнѣ нѣкогда.... Посторонитесь, господа! »

— « Что это? » продолжалъ Кавалеристъ, заслонивъ дорогу Зарѣцкому. « Такъ точно! На васъ его сабля! »

— « Я купилъ ее вмѣстѣ съ лошадью. »

— « Эту саблю?... Позвольте взглянуть на рукоятку.... Такъ и есть, на ней вырѣзано имя Аделаиды.... странно! Онъ получилъ ее изъ рукъ сестры моей и продалъ вамъ вмѣстѣ съ своею лошадью.... »

— « Да, сударь! вмѣстѣ съ лошадью.... »

— « Извините!... Но это такъ чудно... такъ непонятно.... Я знаю хорошо Дюрана: онъ не способенъ къ такому низкому поступку. »

— « То есть, я солгалъ? » перервалъ Зарѣцкой, стараясь казаться обиженнымъ.

— « Да, сударь! это неправда!

— « Неправда! » повторилъ Зарѣцкой ужаснымъ голосомъ. « Un démenti! à moi!... Какъ васъ зовутъ, государь мой? »

— « Позвольте мнѣ прежде узнать.... »

— « Ваше имя, сударь? »

— « Но растолкуйте мнѣ прежде.... »

— « Ваше имя и ни слова болѣе!... »

— « Капитанъ Жандармовъ, Рено; а вы, сударь?... »

— « Капитанъ Рено?... Очень хорошо.... Я знаю, гдѣ вы живете.... Мы сегодня же увидимся.... да, сударь! сегодня же!... Un démenti à moi!... » повторилъ Зарѣцкой, пришпоривая свою лошадь. « Господинъ Офицеръ!... господинъ Офицеръ!... » закричали со всѣхъ сторонъ. « Тише! вы насъ давите!... Ай, ай, ай! Miséricorde!... Держите этого сумасшедшаго!... » Но Зарѣцкой, не слушая ни воплей, ни проклятій, прорвался, какъ бѣшеный, сквозь толпу, и выскакавъ на противуположный берегъ рѣки, пустился шибкой рысью вдоль Полянки.

Зарѣцкой вздохнулъ свободно не прежде, какъ потерялъ совсѣмъ изъ виду

Каменный мостъ. Не опасаясь уже, что привязчивый Жандармской Офицеръ его догонитъ, онъ успокоился, поѣхалъ шагомъ, и утѣшительная мысль, что, можетъ быть, онъ скоро обниметъ Рославлева, замѣнила въ душѣ его всякое другое чувство. Почти всѣ дома около Серпуховскихъ воротъ уцѣлѣли отъ пожара, слѣдовательно онъ имѣлъ полное право надѣяться, что отыщетъ домъ купца Сезёмова. Доѣхавъ до конца Полянки, онъ остановился. Нѣсколько сотъ непріятельскихъ солдатъ прохаживались по площади. Одни курили трубки, другіе продавзли всякую всячину. Посреди всѣхъ Германскихъ нарѣчій, раздавались иногда звучныя фразы Италіянскаго языка, перерываемыя безпрестанно восклицаніями и *поговорками*, которыми такъ богатъ языкъ Французскихъ солдатъ; но во всей толпѣ, Зарѣцкой не замѣтилъ ни одного обывателя. Онъ объѣхалъ кругомъ площадь, заглядывалъ во всѣ окна, и наконецъ рѣшился

— «Позвольте мнѣ прежде узнать....»

— «Ваше имя, сударь?»

— Но растолкуйте мнѣ прежде....

— Ваше имя и ни слова болѣе!...

— [illegible] Жандармовъ, Рено;

[illegible]

— [illegible] Рено?... Очень хор[illegible]

[illegible] вы живете.... М[illegible]

[illegible] сударь! [illegible]

[illegible]

.30

na

10-

— « Не знаете ли, гдѣ домъ купца Сезёмова? »

— « Шаговъ двадцать отсюда, желтый домъ съ зелеными ставнями. Вы вѣрно желаете видѣть Офицера, который у него квартируетъ? »

— « Да. И такъ желтый домъ съ зелеными ставнями?... »

— « Позвольте, позвольте!... Вы его тамъ не найдете: онъ перемѣнилъ квартиру. »

— « Право? » сказалъ Зарѣцкой, «Все равно, я его какъ нибудь отыщу. »

— « Позвольте?... онъ теперь живетъ у меня. »

— « Въ самомъ дѣлѣ?... Но, кажется, его нѣтъ дома?... »

— « Да, онъ вышелъ; но не угодно ли въ его комнату: господинъ Капитанъ сей часъ будетъ. »

— « Нѣтъ, я лучше зайду опять. »

— « Да подождите! онъ идетъ за мной. »

— « Нѣтъ, я вспомнилъ.... мнѣ еще нужно.... я хотѣлъ.... прощайте!... »

— « Постойте, господинъ Офицеръ! постойте! » вскричалъ Нѣмецъ, взглянувъ въ окно; « да вотъ и онъ! »

Прежде чѣмъ Зарѣцкой успѣлъ образумиться, Жандармской Офицеръ, съ которымъ онъ поссорился на Каменномъ мосту, вошелъ въ комнату.

— « Вотъ господинъ Офицеръ, который отыскивалъ вашу квартиру, » сказалъ Нѣмецъ, обращаясь къ своему постояльцу. « Онъ не зналъ, что вы переѣхали жить въ мой домъ. »

Счастливая мысль, какъ молнія, блеснула въ головѣ Зарѣцкаго. « Господинъ Рено! » сказалъ онъ грознымъ голосомъ, « я обѣщался отыскать васъ и, кажется, сдержалъ мое слово. Обида, которую вы мнѣ сдѣлали, требуетъ немедленнаго удовлетворенія: мы должны сей часъ стрѣляться. »

Хозяинъ Нѣмецъ поблѣднѣлъ, началъ пятиться назадъ и исчезъ за дверьми

другой комнаты; но дочь его осталась на прежнемъ мѣстѣ и, съ дѣтскимъ любопытствомъ, устремила свои простодушные голубые глаза на обоихъ Офицеровъ.

— Прежде чѣмъ я буду отвѣчать вамъ, » сказалъ хладнокровно Капитанъ Рено, « позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? »

— « Какое вамъ до этаго дѣло? Вы видите, что я Французской Офицеръ. »

— « Извините! я вижу только, что на васъ мундиръ Французскаго Офицера. »

— « Что вы хотите этимъ сказать? » вскричалъ Зарѣцкой, чувствуя какое-то невольное сжиманіе сердца.

— « А то, сударь! что Москва теперь наполнена Русскими шпіонами во всѣхъ возможныхъ костюмахъ. »

— « Какъ, господинъ Капитанъ! вы смѣете думать?... »

— « Да, сударь! » продолжалъ Рено « Французской Офицеръ долженъ знать

службу, и не станетъ вызывать на дуель Капитана Жандармовъ, который обязанъ предупреждать всѣ подобные случаи. »

— « Но, сударь.... »

— « Французской Офицеръ не будетъ скрывать своего имени и давить народъ, чтобъ избѣжать затруднительныхъ вопросовъ, которые вправѣ ему сдѣлать каждый Офицеръ Жандармовъ. »

— « Но, сударь.... »

— « Французской Офицеръ не отлучится никогда самопроизвольно отъ своей команды. Вашъ полкъ стоитъ далеко отъ Москвы, слѣдовательно вы должны имѣть письменное позволеніе. Не угодно ли вамъ его показать? »

— « А если я его не имѣю?... »

— « Въ такомъ случаѣ, пожалуйте вашу саблю. »

— « Прекрасно, сударь!... Вы обидѣли меня, и употребляете этотъ низкой способъ, чтобъ отдѣлаться отъ по-

единка. Позвольте-жъ и мнѣ теперь спросить васъ: Французъ ли вы?»

— «Вы напрасно расточаете ваше краснорѣчіе. Быть можетъ, я нѣсколько погорячился; но извините!... Всѣ ваши отвѣты были такъ странны; лошадь, которую вы купили за половину цѣны; сабля, которая никакъ не могла быть вамъ продана, и даже это смущеніе, которое я замѣчаю въ глазахъ вашихъ, все заставляетъ меня пригласить васъ вмѣстѣ со мной къ Коменданту. Тамъ дѣло объяснится. Мы узнаемъ, долженъ ли я просить у васъ извиненія, или поблагодарить васъ за то, что вы доставили мнѣ случай доказать, что я не даромъ ношу этотъ мундиръ. Да не горячитесь: у меня въ сѣняхъ Жандармы. Пожалуйте вашу саблю!»

— «Такъ возьмите же ее сами!» вскричалъ Зарѣцкой, отступивъ два шага назадъ.

Вдругъ двери отворились и въ комнату вошелъ прекрасный собою мущи-

на, въ Кирасирскомъ мундирѣ, съ Полковничьими эполетами. При первомъ взглядѣ на Зарѣцкаго, онъ не могъ удержаться отъ невольнаго восклицанія.

— « Ахъ, это вы, Графъ !... » вскричалъ Зарѣцкой, узнавъ тотчасъ въ Офицерѣ Полковника Сеникура. « Какъ я радъ, что васъ вижу ! Сдѣлайте милость, увѣрьте господина Рено, что я точно Французской Капитанъ Данвиль. »

— « Капитанъ Данвиль !... » повторилъ Полковникъ, продолжая смотрѣть съ удивленіемъ на Зарѣцкаго.

— « Неужели, Графъ, вы меня не узнаете ?... »

— « Извините ! я васъ тотчасъ узналъ.... »

— « И вѣрно вспомнили, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я имѣлъ счастіе спасти васъ отъ смерти ? »

— « Какъ ! » вскричалъ Жандармской Капитанъ, « неужели въ самомъ дѣлѣ ?... »

— « Да, Рено, перервалъ Полковникъ, « этотъ господинъ говоритъ правду; но я никакъ не думалъ встрѣтить его въ Москвѣ, и признаюсь весьма удивленъ.... »

— « Вы еще болѣе удивитесь, Полковникъ, » подхватилъ Зарѣцкой, « когда я вамъ скажу, что не имѣю на это никакого позволенія отъ моего начальства; но вы вѣрно перестанете удивляться, если узнаете причины, побудившія меня къ этому поступку. »

— « Едва ли! » сказалъ Полковникъ, покачавъ головою; « это такая неосторожность!... Но позвольте узнать, что у васъ такое съ господиномъ Рено? »

— « Представьте себѣ, Графъ! Господинъ Рено обидѣлъ меня ужаснымъ образомъ, и когда я отыскалъ его квартиру, засталъ дома и сталъ просить удовлетворенія.... »

— « Что это все значитъ? » вскричалъ Полковникъ, глядя съ удивленіемъ на обоихъ Офицеровъ. « Вы въ Мос-

квѣ.... отыскивали Жандармскаго Капитана.... вызываете его на дуель...., Чортъ возьми, если я тутъ что нибудь понимаю! »

— « Послушайте, Графъ! » перервалъ Рено, « можете ли вы меня удостовѣрить, что этотъ господинъ точно Капитанъ Французской службы? »

— « Да развѣ вы не видите? Впрочемъ, я готовъ еще разъ повторить, что этотъ храбрый и благородный Офицеръ вырвалъ меня изъ рукъ непріятельскихъ солдатъ, и что если я могу еще служить Императору и бить Русскихъ, то конечно за это обязанъ единственно ему. »

— « О, въ такомъ случаѣ.... Господинъ Данвиль! я признаю себя совершенно виноватымъ. Но эта проклятая сабля!... Признаюсь, я и теперь не постигаю, какъ могъ Дюранъ рѣшиться продать саблю, которую получилъ изъ рукъ своей невѣсты.... Согласитесь, что я скорѣй долженъ былъ предпола-

гать, что онъ убитъ.... что его лошадь и оружіе достались непріятелю.... что вы.... Но если Графъ васъ знаетъ, то конечно....

— « И такъ, это кончено, » сказалъ Полковникъ. Я думаю, господинъ Данвиль, вы теперь довольны? Да вамъ и нѣкогда ссориться: совѣтую по дружески сей же часъ отпратиться туда, откуда вы пріѣхали. »

— « Извините, » сказалъ Рено, « я исполнилъ долгъ честнаго человѣка, признавшись въ моей винѣ; теперь позвольте мнѣ выполнить обязанность мою по службѣ. Господинъ Данвиль отлучился безъ позволенія отъ своего полка, и я долженъ непремѣнно довести это до свѣденія начальства. »

— « И, полноте, Рено! » перервалъ Полковникъ, « что вамъ за радость, если моего пріятеля накажутъ за этотъ необдуманный поступокъ? Конечно, » прибавилъ онъ, взглянувъ значительно на Зарѣцкаго, « поступокъ болѣе чѣмъ

неосторожный, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, непростительный — не спорю! но въ которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ ничего неприличнаго и унизительнаго для Офицера: въ этомъ я увѣренъ. »

— « Такъ, Полковникъ, такъ!... Однакожъ, вы знаете, что порядокъ службы требуетъ.... »

— « Знаю, знаю, Капитанъ! но представьте себѣ, что вы съ нимъ никогда не встрѣчались — вотъ и все! Пойдемте ко мнѣ, Данвиль. »

— « Ну, если, Графъ, вы непремѣнно этого хотите, то конечно я долженъ... я не могу отказать вамъ. Уѣзжайте же скорѣе отсюда, господинъ Данвиль; совѣтую вамъ быть впередъ осторожнѣе: Императоръ никогда не любилъ шутить военной дисциплиною, а теперь сдѣлался еще строже. Говорятъ, онъ безпрестанно сердится; эти проклятые Русскіе выводятъ его изъ терпѣнія. Варвары! и не думаютъ о мирѣ! Какъ буд-

то бы война должна продолжаться вѣчно. Прощайте, господа!»

— «Это ваша лошадь?» спросилъ Полковникъ, когда они вышли на крыльцо.

— «Да, Графъ.»

— «Отвяжите ее, и сдѣлайте мнѣ честь, пройдите со мною нѣсколько шаговъ по улицѣ.»

Зарѣцкой, ведя въ поводу свою лошадь, отошелъ вмѣстѣ съ Графомъ Сенпикуромъ шаговъ сто отъ дома золотыхъ дѣлъ мастера. Поглядя вокругъ себя, и видя, что ихъ никто не можетъ подслушать, Полковникъ остановился, кинулъ пронпцательный взглядъ на Зарѣцкаго и сказалъ строгимъ голосомъ: «Теперь позвольте васъ спросить, что значитъ этотъ маскарадъ?»

— «Я хотѣлъ узнать, живъ ли мой другъ, который, будучи отчаянно боленъ, не могъ выѣхать изъ Москвы въ то время, какъ вы въ нее входили.»

— «И у васъ не было никакихъ другихъ намѣреній?»

— « Никакихъ, клянусь вамъ честію. »

— « Очень хорошо. Вы храбрый и благородный Офицеръ — я вѣрю вашему честному слову ; но знаете ли , что не смотря на это , васъ должно , по всѣмъ военнымъ законамъ , разстрѣлять какъ шпіона. »

— « Знаю. »

— « И вы рѣшились , чтобъ повидаться съ вашимъ другомъ.... »

— « Да , Полковникъ ! для этого только я рѣшился надѣть Французской мундиръ и пріѣхать въ Москву. »

— « Признаюсь , я до сихъ поръ думалъ , что одна любовь оправдываетъ подобныя дурачества.... но минуты дороги: малѣйшая неосторожность можетъ стоить вамъ жизни. Ступайте скорѣй вонъ изъ Москвы. »

— « Я еще не видѣлся съ моимъ другомъ. »

— « Отложите это свиданіе до лучшаго времени. Мы не вѣчно здѣсь останемся. »

— « Надѣюсь. Графъ.... но если мой другъ, живъ, то я могу спасти его. »

— « Спасти? »

— « То есть: увезти изъ Москвы. »

— « Такъ по этому онъ военный? »

— « Да, Графъ; но, можетъ быть, ваше правительство объ этомъ не знаетъ? »

— « Извините! Я знаю теперь, что вашъ другъ Офицеръ, слѣдовательно военноплѣнный, и не можетъ выѣхать изъ Москвы. »

— « Какъ, Графъ? вы хотите употребить во зло мою откровенность? »

— « Да, сударь! Я поступилъ уже противъ совѣсти и моихъ правилъ, спасая отъ заслуженной казни человѣка, котораго законъ осуждаетъ на смерть, какъ шпіона; но я обязанъ вамъ жизнію, и хотя это не слишкомъ завидный подарокъ, » прибавилъ Полковникъ съ грустной улыбкою; « а все я, не менѣе того, былъ вашимъ долж-

никомъ; теперь мы поквитались, и я конечно не допущу васъ увезти съ собою плѣннаго Офицера. »

— « Но знаете ли Полковникъ, кто этотъ плѣнный Офицеръ? »

— « Какое мнѣ до этаго дѣло! »

— « Знаете ли, что вы успѣли уже отнять у него болѣе, чѣмъ жизнь? »

— « Что вы говорите? »

— « Да, Графъ! Этотъ Офицеръ — Рославлевъ. »

— « Рославлевъ? женихъ.... »

— « Да, бывшій женихъ Полины Лидиной. »

— « Возможно ли? » вскричалъ Сенкуръ, схвативъ за руку Зарѣцкаго. « Какъ? это тотъ несчастный?.., Ахъ, что вы мнѣ напомнили!... Ужасная ночь!... Нѣтъ!... во всю жизнь мою не забуду.... безъ чувствъ — въ крови.... у самыхъ церковныхъ дверей.... сумасшедшая!... Боже мой, Боже мой!... » Полковникъ замолчалъ. Лицо

его было блѣдно; посинѣвшія губы дрожали. « Да! » вскричалъ онъ наконецъ, « я точно отнялъ у него болѣе чѣмъ жизнь — онъ любилъ ее! »

— « Чтожъ останется у моего друга, » сказалъ Зарѣцкой, « если вы отнимите у него послѣднее утѣшеніе: свободу и возможность умереть за отечество? «

— « Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу быть дважды его убійцею; онъ долженъ быть свободенъ!... О, еслибъ я могъ хотя этимъ вознаградить его за зло, которое, клянусь Богомъ, сдѣлалъ ему невольно! Вы сохранили жизнь мою, вы причиною несчастія вашего друга, вы должны и спасти его. Ступайте къ нему; я готовъ для него сдѣлать все.... да, все!... но, Бога ради, не говорите ему.... послушайте: онъ былъ боленъ, быть можетъ, онъ не въ силахъ идти пѣшкомъ.... У самой заставы будетъ васъ дожидаться мой человѣкъ съ лошадью; скажите ему, что вы

Капитанъ Данвиль: онъ отдастъ вамъ ее.... Прощайте! я спѣшу домой!... Ступайте къ нему.... ступайте!... »

Полковникъ пустился почти бѣгомъ по площади, а Зарѣцкой, поглядѣвъ вокругъ себя и видя, что онъ стоитъ въ двухъ шагахъ отъ желтаго дома съ зелеными ставнями, подошелъ къ запертымъ воротамъ и постучался. Черезъ минуту мальчикъ, въ изорванномъ сѣромъ кафтанѣ, отворилъ калитку.

— « Это домъ купца Сезёмова? » спросилъ Зарѣцкой, стараясь выговаривать слова какъ иностранецъ.

— « Да, сударь! Да кого вамъ надобно? Здѣсь стоятъ одни солдаты. »

— « Мнѣ нужно видѣть самаго хозяина. »

— « Хозяина? » повторилъ мальчикъ, взглянувъ съ робостію на Зарѣцкаго. « Да у насъ сударь, ничего нѣтъ.... »

— « Не бойся, голубчикъ, я ничѣмъ васъ не обижу. Подержи мою лошадь. »

Мальчикъ, посматривая недовѣрчиво на Офицера, выполнилъ его приказаніе.

Зарѣцкой вошелъ на дворъ. Небольшія сѣни раздѣляли домъ на двѣ половины: въ той, которая была на улицу, раздавались громкіе голоса. Онъ растворилъ дверь и увидѣлъ сидящихъ за столомъ человѣкъ десять гвардейскихъ солдатъ: они обѣдали. « Здравствуйте, товарищи! » сказалъ Зарѣцкой. Солдаты взглянули на него, одинъ отвѣчалъ отрывистымъ голосомъ: Bon jour, monsieur! » но никто и не думалъ приподняться съ своего мѣста.

— « Куда пройдти къ хозяину дома? » спросилъ Зарѣцкой.

— « Ступайте прямо; онъ живетъ тамъ — въ угольной комнатѣ, » отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ. « Hé! la vieille!... » продолжалъ онъ, застучавъ кулакомъ по столу. « Клѣба! »

— « Что, батюшка, изволите? » сказала старуха лѣтъ шестидесяти, войдя въ комнату.

— « Arrivez donc, vieille sorcière.... Клѣба ! »

— « Нѣтъ, батюшка !... »

— « Нѣтъ, батушка !... Allons ! сей часъ !... Клѣба, — ou Sacristie !... »

— « Не трогайте эту старуху, друзья мои ! » сказалъ Зарѣцкой. « Вотъ вамъ червонецъ : вы можете на это купить и хлѣба и вина. »

— « Mercі, mon Officier ! » сказалъ одинъ усастый Гренадеръ. « Подождите, друзья ! Я сбѣгаю къ нашей маркитаншѣ : у ней все найдешь за деньги. »

Зарѣцкой, сдѣлавъ рукою знакъ старухѣ идти за нимъ, вышелъ въ другую комнату. « Послушай, голубушка, » сказалъ онъ въ полголоса, « вѣдь хозяинъ этаго дома купецъ Сезёмовъ ? »

— « Да, батюшка, я его сожительница. »

— « Тѣмъ лучше. У васъ есть больной ? »

— « Есть, батюшка ; меньшой нашъ сынъ. »

— « Неправда ; Русской Офицеръ. »

— « Видитъ Богъ, нѣтъ !... » вскричала старуха, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— « Тише, тише ! не кричи. Его зовутъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Рославлевымъ ? »

— « Ахъ, Господи !... Кто это выболталъ ?... »

— « Не бойся, я его пріятель.... и также Русской Офицеръ. »

— « Какъ сударь ?... »

— « Тише, бабушка, тише ! Проведи меня къ нему. »

— « Охъ, батюшка !... Да правду ли вы изволите говорить ?... »

— « Увидишь сама, какъ онъ мнѣ обрадуется. Веди меня къ нему скорѣе. »

— « Пожалуйте, батюшка !... Только Богъ вамъ судья, если вы меня старуху изъ ума выводите. »

Пройдя черезъ двѣ небольшія комнаты, хозяйка отворила потихоньку дверь въ свѣтлый и даже съ нѣкоторой роскошью убранный покой. На высокой кровати, съ ситцевымъ пологомъ, сидѣлъ облокотясь одной рукой на столикъ, поставленный у самаго изголовья, блѣдный и худой, какъ тѣнь, Рославлевъ. Подлѣ него старикъ, съ сѣдою бородою, читалъ съ большимъ вниманіемъ толстую книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Въ ту самую минуту, какъ Зарѣцкой показался въ дверяхъ, старикъ произнесъ въ полголоса: « ...тіе Преподобнаго Отца нашего.... »

— « Александръ !... » вскричалъ Рославлевъ.

— « Нѣтъ, батюшка ! » перервалъ старикъ, « не Александра ; а Макарія Египетскаго. »

— « Тише, мой другъ ! » сказалъ Зарѣцкой. « Такъ точно, это я ; но успокойся ! »

— « Ты въ плѣну ?... »

— « Есть, бат...
сынъ. »

— « Неправ...

— « Видн...
чала старух...
лотно.

— « Ты...
вутъ Вла...
влевым...

— «
болта

—
так...

... надѣюсь. Но
... Рославлевъ, въ
..., или шинель.
... лучше. »
... дѣло не станетъ, ба-
...сказала старуха: « платье
... глазоньки видѣть, какъ

! Сердечный! гдѣ ему и до
дотащиться! »

« Не бойтесь, » сказалъ Рославлевъ, вставая: « я почти совсѣмъ здоровъ. »

— « Мавра Андреевна! » перервалъ старикъ, « вынь-ка изъ сундука Ваничкинъ сюртукъ: онъ будетъ впору его милости. Да гдѣ Андрюшина Калмыцкая сибирка? »

— « Въ подвалѣ, Иванъ Архиповичь! Я засунула ее между старыхъ бочекъ. »

— « Принеси же ее скорѣе. Ну чтожъ, Мавра Андреевна, стоишь? Ступай! »

— « Да какъ же это, батюшка, Иванъ Архиповичь! » отвѣчала старуха, перебирая одной рукой концы своей шубейки, « въ чемъ же Андрюша-то самъ выйдетъ на улицу? »

— « Полно, матушка! не замерзнетъ и въ кафтанѣ. »

— « Скоро будутъ заморозы ; да и теперь ужъ по вечерамъ-то холодновато. »

— « Я и самъ не соглашусь, » перервалъ Рославлевъ, « чтобъ вы для меня раздѣвали вашихъ дѣтей. »

— « И, Владиміръ Сергѣичъ ! что вы слушаете моей старухи; дѣло ея бабье: сама не знаетъ, что говоритъ. »

— « Я вамъ заплачу за все чистыми деньгами, » сказалъ Зарѣцкой.

— « Слышишь , Мавра Андреевна ? Эхъ, матушка !... Вотъ до чего ты довела меня на старости !... Пошла, сударыня, пошла ! »

Старуха вышла.

— « Нѣтъ , господа ! » продолжалъ Иванъ Архиповичъ, « я, благодаря Бога, въ деньгахъ не нуждаюсь ; а если бы и это было, такъ скорѣй самъ въ одной рубашкѣ останусь, чѣмъ возьму хоть денежку съ моего благодѣтеля. Да и она не знаетъ, что мелитъ : у Андрюши есть полушубокъ ; да онъ же

теперь, слава Богу, здоровъ; а вы, батюшка, только что оправляться стали. Извольте-ка одѣваться. Вотъ вашъ кошелекъ и бумажникъ, » продолжалъ старикъ, вынимая ихъ изъ сундука. « Въ бумажникѣ пять сотъ ассигнаціями; а въ кошелькѣ — не помню пятьдесятъ, не помню шестьдесятъ рублей серебромъ и золотомъ. Потрудитесь перечесть. »

— « Какъ вамъ не стыдно, Иванъ Архиповичъ? »

— « Деньги счетъ любятъ, батюшка. »

— « Мы перечтемъ ихъ послѣ, » сказалъ Зарѣцкой, пособляя одѣваться Рославлеву. « На, вотъ твою казну.... Ну чтожъ? Положи ее въ боковой карманъ — вотъ такъ!... Ну, Владиміръ, какъ ты изхудалъ, бѣдняжка! »

— « Извольте, батюшка! » сказала старуха, входя въ комнату; « вотъ Андрюшина сибирка. Виновата, Иванъ Архиповичъ! Вѣдь я совсѣмъ забыла:

нас же припрятаны на чердакѣ два [illegible], да лисья шуба.»

— «Теперь,» перервалъ Зарѣцкой, [illegible] шляпу, или вотъ [illegible] картузъ — если позволите, Иванъ [illegible]?»

— «Сдѣлайте милость, извольте брать все, что вамъ угодно.»

— «Ну, Владиміръ, прощайся — да въ походъ!»

— «А гдѣ же мой Егоръ?» спросилъ Рославлевъ.

— «Сошелъ со двора, батюшка!» отвѣчала старуха.

— «Скажите ему, чтобъ онъ пробирался какъ нибудь до нашей арміи. Ну, прощайте, мои добрые хозяева!»

— «Позвольте, батюшка!» сказалъ [illegible]: «все надо начинать со крестомъ и молитвою, а кольми паче, когда [illegible] идетъ о животѣ и смерти. [illegible] присѣсть. Садись, Мав[illegible].»

— « Извините ! » сказалъ Зарѣцкой, « намъ должно торопиться !... »

— « Садись, Александръ ! » перервалъ въ полголоса Рославлевъ ; « не огорчай моего добраго хозяина. »

— « Я очень уважаю всѣ наши старинные обычаи, » сказалъ Зарѣцкой, садясь съ примѣтнымъ неудовольствіемъ на стулъ ; « но сдѣлайте милость, чтобъ это было покороче. »

Старикъ не отвѣчалъ ни слова. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ. Молчаніе, наблюдаемое въ подобныхъ случаяхъ всѣми присутствующими, придаетъ что-то торжественное и важное этому древнему обычаю, и донынѣ свято сохраняемому большею частію Русскихъ. Глубокая тишина продолжалась около полуминуты ; вдругъ раздался шумъ, и громкія восклицанія Французскихъ солдатъ разнеслись по всему дому. « За здоровье Императора !... Да здравствуетъ Императоръ !... » загремѣли грубые голоса въ близкомъ разсто

Казалось. солдаты вышли изъ-за стола и разбрелись по всѣмъ комнатамъ.

Старикъ, а въ слѣдъ за нимъ и всѣ, встали съ своихъ мѣстъ. Оборотясь къ иконамъ и положа три земные поклона, онъ произнесъ тихимъ голосомъ: « Матерь Божія ! сохрани раба твоего, « Владиміра, подъ Святымъ покровомъ « твоимъ ! Да сопутствуетъ ему Ангелъ « Господень ; да ослѣпитъ онъ очи « враговъ нашихъ ; да соблюдетъ его « здравымъ, невредимымъ, и сохранитъ « отъ всякаго бѣдствія ! Твое бо есть, « Господи ! еже миловати и спасати « насъ. »

— « Аминь ! » сказала старуха.

— « Vive l'amour et le vin!... » заревѣлъ отвратительный голосъ почти у самыхъ дверей комнаты.

— « Скорѣй , мой другъ ! скорѣй !...» сказалъ Зарѣцкой.

Рославлевъ , молча , обнялъ своихъ добрыхъ хозяевъ , которые разливались горькими слезами. « Владиміръ Сергѣ-

ичъ! » проговорилъ, всхлипывая, старикъ: « я долго называлъ тебя сыномъ; позволь мнѣ, батюшка, благословить тебя! » Онъ перекрестилъ Рославлева, прижалъ его къ груди своей и сказалъ: « Ну, Мавра Андреевна! проводи ихъ скорѣй заднимъ крыльцомъ. Христосъ съ вами, мои родные! ступайте съ Богомъ, ступайте! а я стану молиться. »

Старуха вывела нашихъ друзей на улицу, простилась еще разъ съ Рославлевымъ и захлопнула за ними калитку.

— « Теперь, мой другъ, не прогнѣвайся! » сказалъ Зарѣцкой, « я сяду на лошадь, а ты ступай подлѣ меня пѣшкомъ. Это не слишкомъ вѣжливо, да дѣлать нечего: надобно, чтобъ всѣмъ казалось, что я куда нибудь посланъ, а ты у меня проводникомъ. Постарайтесь только, сударь, дойдти какъ нибудь до заставы, а тамъ я вамъ позволю ѣхать со мною! »

— « Ѣхать? Но гдѣ же ты возьмешь лошадь? »

— « Это ужъ не твоя забота. Прошу только со мной не разговаривать, глядѣть на меня со страхомъ и трепетомъ, и не забывать, что я Французской Офицеръ, а ты Московской мѣщанинъ. »

Проѣхавъ благополучно поперегъ площади, покрытой непріятельскими солдатами, Зарѣцкой принялъ направо и пустился вдоль средней Донской улицы, на которой почти не было проходящихъ. Попадавшіеся имъ изрѣдка Французы не обращали на нихъ никакого вниманія. Черезъ нѣсколько минутъ показались въ концѣ улицы стѣны Донскаго монастыря, а вдали за ними гористыя окрестности живописной Калужской дороги. « Что, Владиміръ! » спросилъ Зарѣцкой, « ты очень усталъ? Ну, чтожъ ты не отвѣчаешь? Не бойся, здѣсь никого нѣтъ, » продолжалъ онъ, оглянувшись назадъ. « Что это? Куда дѣвался Владиміръ?... А! вонъ гдѣ онъ!... Какъ отсталъ, бѣдняжка! Hé! veux-tu avancer, coquin!... » закричалъ онъ сер-

дитымъ голосомъ, осадя свою лошадь; но Рославлевъ, казалось, не слышалъ ничего, и стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопаный. « Что ты, Владиміръ?» сказалъ Зарѣцкой, подъѣхавъ къ своему пріятелю. « Не отставай, братецъ! Да что ты уставился на этотъ домъ?... Эге! вижу, братъ, вижу, куда ты смотришь! Ты глядишь на эту женщину.... вонъ что стоитъ у окна, облокотясь на плечо Французскаго Полковника?... О! да она въ самомъ дѣлѣ хороша! Немножко блѣдна!... Впрочемъ, намъ теперь не до красавицъ. Полно, братецъ, ступай! »

— « Такъ, я не ошибаюсь! » вскричалъ Рославлевъ; это она! »

— « Тише, мой другъ, тише! Такъ точно! Боже мой! это Графъ Сеникуръ!»

— Да, это онъ! Прощай, Александръ. »

— « Что ты, Владиміръ? Опомнись!»

— « Злодѣй! » продолжалъ Рославлевъ, устремивъ пылающій взоръ

Полковника, « я оставилъ тебя ненаказаннымъ; но ты былъ въ плѣну, и я не видѣлъ Полины въ твоихъ объятіяхъ!... А теперь.... дай мнѣ свою саблю, Александръ!... или нѣтъ!... « прибавилъ онъ, схвативъ одинъ изъ пистолетовъ Зарѣцкаго, « это будетъ вѣрнѣе.... Онъ заряженъ.... слава Богу!... »

Зарѣцкой соскочилъ съ лошади и схватилъ за руку Рославлева.

— « Пусти меня, пусти!... » кричалъ Рославлевъ,, стараясь вырваться.

— « Слушай, Владиміръ! » сказалъ твердымъ голосомъ его пріятель, « я здѣсь подъ чужимъ именемъ, и если буду узнанъ, то меня сего дня же разстрѣляютъ какъ шпіона. »

— « Какъ шпіона!... »

— « Да. Теперь ступай, если хочешь, къ Полковнику; я иду вмѣстѣ съ тобою. »

Рославлевъ не отвѣчалъ ни слова; казалось, онъ боролся съ самимъ со-

бою. Вдругъ сверкающіе глаза его наполнились слезами, онъ закрылъ ихъ рукою, бросилъ пистолетъ, и прежде чѣмъ Зарѣцкой успѣлъ поднять его и сѣсть на лошадь, Рославлевъ былъ уже у стѣнъ Донскаго монастыря. «Тише,» кричалъ Зарѣцкой, съ трудомъ догоняя своего пріятеля; « тише, Владиміръ! ты этакъ не дойдешь и до заставы. »

— « О, не безпокойся! » отвѣчалъ Рославлевъ, остановясь на минуту, чтобъ перевести духъ; « теперь я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ уйдти на край свѣта. Впередъ, мой другъ, впередъ! »

Черезъ нѣсколько минутъ они были уже за Калужскою заставою; у самаго въѣзда въ слободу, стоялъ человѣкъ съ верховой лошадью. « Я Капитанъ Данвиль, » сказалъ Зарѣцкой, подъѣхавъ къ нему. « Отдай лошадь моему проводнику. » Слуга пособилъ Рославлеву сѣсть на коня, и наши пріятели, выѣхавъ на чистое поле, повернули въ

сторону по первой проселочной дорогѣ, которая, извиваясь между холмовъ, покрытыхъ рощами, терялась вдали среди густаго лѣса.

ГЛАВА VI.

Наши путешественники ѣхали сначала скорой рысью, наблюдая глубокое молчаніе; но когда на восьмой, или девятой верстѣ отъ города, миновавъ нѣсколько деревень, они увидѣли себя посреди лѣса, и ужъ съ полчаса не встрѣчали никого, то Зарѣцкой началъ разспрашивать Рославлева обо всемъ, что съ нимъ случилось со дня ихъ разлуки.

— « Ну, Владиміръ! » сказалъ онъ; дослушавъ разсказъ своего друга; » те-

перь я понимаю, отъ чего поблѣднѣлъ Сепикуръ, когда вспомнилъ о своемъ вѣнчаньѣ.... Ахъ, батюшки! да знаешь ли, что изъ этаго можно сдѣлать такую адскую трагедію à la madame Радклифъ, что у всѣхъ зрителей волосы станутъ дыбомъ! Кладбище.... полночь.... и въ добавокъ сумасшедшая Ѳедора.... какіе богатые матеріалы!... Ну, свадебка!... Я не охотникъ до Русскихъ стиховъ, а поневолѣ вспомнишь Озерова:

«Тамъ былъ не Гименей—Мегера тамъбыла...»

то есть косматая Ѳедора, которая, вѣроятно, ничѣмъ не красивѣе Греческой фуріи. Но вотъ чего я не понимаю, мой другъ! Ты поступилъ, какъ человѣкъ благоразумный: не хотѣлъ видѣть измѣнницу, ссориться съ ея мужемъ и, имѣя тысячу способовъ отмстить твоему беззащитному сопернику, оставилъ

его въ покоѣ ; это доказываетъ , что и въ первую минуту твой разсудокъ былъ сильнѣе страсти. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени ; твое грустное положеніе и болѣзнь должны были тебя совершенно образумить , и не смотря на это ты готовъ былъ сей часъ сдѣлать величайшее дурачество въ твоей жизни — и все для той же Полины ! Конечно , что и говорить; она очень недурна собою , сложена прекрасно , и если сверхъ этого у ней маленькая ножка , то можетъ быть и я сошелъ бы отъ нея съ ума на нѣсколько дней; но бѣсноваться цѣлый мѣсяцъ !...

— Ахъ , мой другъ ! » перервалъ Рославлевъ , « ты не знаешь , что такое любовь , ты не имѣешь понятія объ этомъ блаженствѣ м мученіи нашей жизни ! Да , Александръ ! Я и самъ былъ увѣренъ , что спокойствіе возвратилось въ мою душу. Нѣсколько разъ , испытывая себя , я воображалъ , что вижу Полину вмѣстѣ съ ея мужемъ , и мнѣ

казалось, что я могу спокойно смотрѣть на ихъ взаимныя ласки и даже радоваться ея счастью. Нѣтъ! я обманывалъ самаго себя. Когда сей часъ я взглянулъ нечаянно на окно этаго дома, когда увидѣлъ, что женщина, почти лежащая въ объятіяхъ Французскаго Полковника, походитъ на Полину, когда я узналъ ее.... О, Александръ! я почувствовалъ тогда.... Да сохранитъ тебя Богъ отъ подобнаго чувства!... Холодная, леденая смерть по всѣмъ жиламъ — и весь адъ въ душѣ!... Ахъ, мой другъ! ты не знаешь еще, къ какимъ мученіямъ способна душа наша, какія неизъяснимыя страданія мы можемъ — и вѣроятно,» прибавилъ тихимъ голосомъ Рославлевъ «должны переносить, томясь въ этой ссылкѣ, на этой каторгѣ, которую мы называемъ жизнію!...»

— «И съ которой, не смотря на это, даже и ты не захочешь разстаться!» перервалъ съ улыбкою Зарѣцкой, «Пол-

но, братецъ! Вы всѣ, чувствительные меланхолики, пренеблагодарные люди: вѣчно жалуетесь на судьбу. Вотъ хоть ты; я желалъ бы знать, казалась ли тебѣ жизнь каторгою, когда ты былъ увѣренъ, что Полина тебя любитъ?»

— «Но я ошибался, мой другъ!»

— «Да развѣ отъ этаго ты менѣе былъ счастливъ? Вотъ то-то и есть, господа! Пока все дѣлается по вашему, такъ вы еще и туда и сюда; чуть не такъ, и пошли поклепы на бѣдную жизнь, какъ будто бы вѣкъ не было для васъ радостной минуты.»

— «Но что всѣ прошедшія радости....»

— «Передъ настоящимъ горемъ?... И, mon cher! и то, и другое забывается. Конечно, я понимаю, для твоего самолюбія должно быть очень обидно....»

— «Эхъ, братецъ! какое самолюбіе....»

— « Да, любезный, не прогнѣвайся! Самолюбіе въ этомъ случаѣ играетъ пребольшую ролю. Что не говори, а вѣдь досадно, какъ отобьютъ невѣсту; да только смѣшно отъ этаго сходить съ ума: посердился, покричалъ и будетъ. Вотъ то-то же, поневолѣ похвалишь нашихъ непріятелей. Кто лучше ихъ умѣетъ пользоваться жизнію?... Французъ не задохнется отъ избытка сердечной радости, да за то и не изсохнетъ отъ печали. Посмотри, какъ онъ веселъ, какъ всегда доволенъ собою, надъ всѣмъ смѣется, все его забавляетъ. Заговоритъ дѣло — есть что послушать: все знаетъ; заговоритъ вздоръ — также заслушаешься: какая веселость въ каждомъ словѣ! И какъ милы эти фразы, въ которыхъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла! Конечно, и у нихъ есть исключенія, но они такъ рѣдки.... Печальный Французъ! не правда ли, что это даже странно слышать? А отъ чего они такъ счастливы?... Отъ того имен-

но, что душа ихъ не способна къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Они.... какъ бы это сказать по Русски?... они слегка только прикасаются къ жизни. Знаешь ли что, мой другъ? Если ты хочешь непремѣнно сравнивать съ чѣмъ нибудь жизнь, то сравни ее съ моремъ; но только, Бога ради, не съ бурнымъ, это уже слишкомъ старо!»

— «А съ какимъ же, Александръ?»

— «Да просто съ нашимъ Петербургскимъ, когда оно замерзнетъ. Катайся по немъ сколько хочешь, забавляй себя, но не забывай, что подъ этимъ блестящимъ льдомъ таится смерть и бездонная пучина; не останавливайся на одномъ мѣстѣ, не надавливай, а *скользи* только по гладкой его поверхности.»

— «То есть, не принимай ничего къ сердцу, «перервалъ Рославлевъ; «не люби никого, не жалѣй ни о комъ; бѣги отъ несчастнаго: онъ можетъ тебя опечалить; старайся не испортить же-

лудка, и какъ можно рѣже думай о томъ, что будетъ съ тобою подъ старость — то ли ты хотѣлъ сказать, Александръ? »

— « О, нѣтъ, мой другъ! я не желаю быть эгоистомъ. »

— « И въ тоже время не хочешь ни о чемъ горевать? Да развѣ это возможно? »

— « Да, конечно.... не спорю, тутъ есть по видимому какое-то противорѣчіе.... Однакожъ, я не менѣе того увѣренъ, что эта философія.... »

— « Ни чѣмъ не лучше моей. Что грѣхъ таить, Александръ! у меня вырвалась глупость, а ты, желая доказать, что я вру, и самъ заговорилъ вздоръ. По моему, жизнь должна быть вѣчной ссылкою, а по твоему, безпрерывнымъ праздникомъ. Благодаря Бога, и то и другое для насъ невозможно, Александръ! Тотъ, кто вѣчно крушится, и тотъ, кто всегда веселъ — оба эгоисты. »

— « Это почему ? »

— « А потому , что человѣкъ неспособный дѣлить ни съ кѣмъ ни радости , ни горя—любитъ одного себя. »

— « Почемужъ одного себя ? Можно любить и пріятеля — разумѣется до нѣкоторой степени. »

— « А до какой степени простирается эта любовь къ пріятелю въ человѣкѣ , который для того чтобъ съ нимъ повидаться и спасти его....

— « И полно , mon cher ! что за важность ! Ты видишь , я цѣлехонекъ. »

— « Вижу , мой другъ! Но признаюсь, удивляюсь и желалъ бы знать , какъ ты уцѣлѣлъ ? »

— « Ты еще болѣе удивишься, когда узнаешь , что я , будучи въ Москвѣ , вызывалъ на дуель Капитана Французскимъ Жандармовъ. »

— « Неужели ?... »

— « Представь себѣ: онъ вздумалъ меня разспрашивать ; я пустился ему

лгать что есть мочи, и этотъ грубіянъ осмѣлился сказать мнѣ въ глаза, что я говорю неправду... »

— « Ахъ, онъ невѣжа!... »

— « Разумѣется, я вспыхнулъ, закидалъ его Французскими фразами.... »

— « И онъ не догадался, что ты Русской? »

— « А почему бы онъ догадался? »

— « Да, помилуй! Не можетъ же быть, чтобъ ты такъ хорошо говорилъ по Французски, какъ настоящій Французъ? »

— « Не можетъ быть? Да знаете ли, сударь, какъ я былъ воспитанъ въ домѣ своей тётушки? Знаете ли, кто съ пятилѣтняго возраста былъ моимъ гувернеромъ? Извѣстна ли вамъ знаменитая фамилія Аббата Григри, который плохо зналъ правописаніе; но за то говорилъ самымъ чистымъ Парижскимъ языкомъ? Знаете ли, что я на десятомъ году не умѣлъ еще писать по Рус-

ски? Знаете ли, что весь Петербургъ дивился моему Французскому выговору, и всѣ знакомые поздравляли тётушку съ племянникомъ, который, какъ двѣ капли воды походилъ на Француза? Какъ теперь помню, добрая старушка всякой разъ крестилась и говорила со слезами: «слава Богу! я знала напередъ, что въ Сашинькѣ будетъ путь!» Чемужъ послѣ этого удивляться, что меня приняли за Француза?»

— «Хорошо, мой другъ, согласенъ: по выговору не можно было догадаться, что ты Русской; но нельзя же, чтобъ не было въ твоей манерѣ и ухваткахъ....»

— «Въ моей манерѣ? Постой, братецъ, я сей часъ представлю тебѣ лихаго Французскаго кавалериста, который только что вырвался изъ Пале-Рояля. Посмотримъ, замѣтишь ли во мнѣ хоть что нибудь Русское?»

Зарѣцкой развалился небрежно на сѣдлѣ, подбоченился и надѣлъ à la ta-

pageur свою Французскую фуражку. Въ продолженіи сихъ приготовленій къ ролѣ, которую онъ готовился играть, изъза куста выглянули двѣ, весьма некрасивыя рожи: одна съ рыжей бородою, а другая по видимому, обритая недѣли двѣ тому назадъ и обезображенная огромнымъ рубцомъ. Небольшой черный галстукъ, единственный остатокъ отъ прежняго наряда, доказывалъ, что это лицо принадлежало какому нибудь отставному солдату. Наши путешественники, не замѣчая этой засады, продолжали ѣхать потихоньку. « Ну что? » спросилъ Зарѣцкой, отпустивъ нѣсколько Парижскихъ фразъ; « замѣтенъ ли во мнѣ Русской, который прикидывается Французомъ? Посмотри на эту небрежную посадку, на этотъ самодовольный видъ — а? что братецъ?... Vive l'Empereur et la joie! Chantons! » Зарѣцкой пришпорилъ свою лошадь, и заставивъ ее сдѣлать двѣ или три лансады, запѣлъ:

«Enfant chéri des dames,
«J'étais en tout pays,
«Très bien avec les femmes,
«Et mal avec les maris. (*)

Вдругъ раздался выстрѣлъ, и человѣкъ десять вооруженныхъ крестьянъ высыпало на дорогу. Прежде чѣмъ Зарѣцкой успѣлъ опомниться и разсмотрѣть, кто на нихъ нападаетъ, второй выстрѣлъ ранилъ лошадь, на которой ѣхалъ Рославлевъ; она закусила удила и понесла вдоль дороги. Зарѣцкой пустился въ слѣдъ за нимъ; но въ нѣсколько минутъ потерялъ его совершенно изъ вида. Ослабѣвшій отъ болѣзни, Рославлевъ не могъ долго управлять своей лошадью: выскакавъ на поляну, на которой сходились три дороги, она

(*) Французскіе куплеты, которые лѣтъ двадцать тому назадъ были въ большой модѣ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ.

помчала его по одной изъ нихъ, ведущей въ самую глубину лѣса. Нѣсколько разъ принимался онъ снова ее удерживать; но все напрасно; наконецъ, проскакавъ еще версты двѣ, она повалилась на землю. Рославлевъ, видя, что лошадь его издыхаетъ, рѣшился идти пѣшкомъ по дорогѣ, которая по всѣмъ примѣтамъ должна была скоро вывести его на жилое мѣсто.

Едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ему послышались въ близкомъ разстояніи смѣшанные голоса; сначала онъ не могъ ничего разобрать, и не зналъ, долженъ ли спрятаться, или идти на встрѣчу людямъ, которые, громко разговаривая межъ собою, шли по одной съ нимъ дорогѣ. Вдругъ ясно выговоренный Нѣмецкой *шверноть* раздался онъ него въ двухъ шагахъ, и кто-то повелительнымъ голосомъ закричалъ: « allons, sacristie! en avant! » Рославлевъ кинулся въ сторону, но было уже поздно: изъ-за кустовъ показа-

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— « [illegible] » [illegible]

[illegible]

— Вы всѣ бѣдны! » [illegible]

[illegible] вольтижеръ [illegible]

[illegible] Рославлева. « Знаемъ

[illegible] Русскіе — malledetto

— « Тише, товарищи! » с

[illegible] голосомъ Ф

[illegible] гренадеръ: « не обижайте е

[illegible] по Французски. »

[illegible] Егерь, стрѣлокъ.

— « Такъ чтожъ ? » возразилъ другой Французской полупьяный солдатъ въ Уланскомъ мундирѣ, сверхъ котораго была надѣта изорванная фризовая шинель. « Можетъ быть, этотъ негодяй эмигрантъ. »

— « Въ самомъ дѣлѣ ? » перервалъ важнымъ голосомъ гренадеръ. « Прочь всѣ ! Посторонитесь ! Я допрошу его. »

— « Per Dio Sacrato! Что это ? » вскричалъ Италіянецъ: на этомъ еретикѣ крестъ ! »

— « Такъ онъ не Французъ ? сказалъ съ презрѣніемъ солдатъ въ фризовой шинели.

— « Да. еще и золотой! » продолжалъ Италіянецъ, сорвавъ съ шеи Рославлева крестъ, повѣшенный на тонкомъ шнуркѣ.

— Оставишь ли ты его въ покоѣ ? Sacré Italien ! » вскричалъ гренадеръ, оттолкнувъ прочь Италіянца. « Не бойтесь ничего, и отвѣчайте на мои вопросы: кто вы ? »

— « Московской мѣщанинъ. »

— « Вы Русской ? »

— « Да ! »

— « Отъ чего вы говорите по Французски ? »

— « Я учился. »

— « Хорошо ! это доказываетъ, что вы уважаете нашу великую націю .... Тише, господа! прошу его не трогать! Не можете ли вы намъ сказать: есть ли вооруженные люди въ ближайшей деревнѣ ? »

— « Не знаю. »

— « Не знаешь ? Донеръ-веттеръ! » заревѣлъ Баварецъ. « Какъ тебѣ не знать? Говори ! »

— « Я шелъ все лѣсомъ, и ни въ одной деревнѣ не былъ. »

— « Онъ лжетъ ! » закричалъ Италіянецъ. « Прикладомъ его — corpo de Dio! такъ онъ заговоритъ. »

— « Тише, господа ! » перервалъ гренадеръ. « Этотъ варваръ уважаетъ на-

шу націю, и я никому не дамъ его обидѣть. »

— « Въ самомъ дѣлѣ? » сказалъ Баварецъ. « А если я хочу его обижать?»

— « Не совѣтую. »

— « Право? Да чтожъ ты этакъ поговариваешь?... Ужъ не думаешь ли ты, что Баварской кирасиръ не стоитъ Французскаго гренадера? »

— « Какъ? чортъ возьми! Ты смѣешь равняться съ Французскимъ солдатомъ?... Ce misérable Allemand! Да знаешь ли ты?... »

— « Я знаю, что долженъ повиноваться моему Капитану; но если всякой Французской солдатъ.... »

— Да знаешь ли ты, животное, что такое Французской гренадеръ? Знаешь ли ты, что между тобой и твоимъ Капитаномъ болѣе разстоянія, чѣмъ между мной и Баварскимъ Королемъ? »

— « Что, что? »

— Да! такой болванъ, какъ ты, никогда не будетъ Капитаномъ; а каж-

дой Французской гренадеръ можетъ быть вашимъ Государемъ. »

— « Хоцъ таузентъ !... Да это какъ? »

— « А вотъ какъ: мой родной братъ изъ Сержантовъ въ одну кампанію сдѣлался Капитаномъ — правда онъ отнялъ два знамя и три пушки у непріятеля ; но развѣ я не могу взять дюжины знамёнъ и отбить цѣлую батарею: слѣдовательно буду , по крайней мѣрѣ, Полковникомъ, а тамъ Генераломъ , а тамъ Маршаломъ, а тамъ — при первомъ производствѣ — и въ Короли; а если на ту пору вакансія случится у васъ.... »

— « Правда , правда — il a raison ! » закричали всѣ Французскіе солдаты.

— « Ну , Нѣмецкая харя ! » продолжалъ гренадеръ, « понялъ ли ты теперь, что значитъ Французской солдатъ ? »

Баваредъ , закиданный словами и совершенно сбитый съ толку, не отвѣчалъ ни слова.

— « Господа ! » сказалъ гренадеръ , « не надобно терять времени — до Мос-

квы еще далеко: ступайте впередъ, а мнѣ нужно кой о чемъ разспросить по секрету этаго Русскаго. Allons, morbleu, avancez donc! »

Вся толпа двинулась впередъ по дорогѣ, а гренадеръ, подойдя къ Рославлеву, сказалъ въ полголоса: « Не бойтесь!... Французъ всегда великодушенъ.... но вы знаете права войны.... Есть ли у васъ деньги? »

— « Я охотно отдамъ все, что у меня есть. »

— Не безпокойтесь! » продолжалъ гренадеръ, обшаривая кругомъ Рославлева: « я возьму самъ.... Книжникъ!... ну, такъ и есть, ассигнаціи! Терпѣть не могу этихъ клочковъ бумаги: они имѣютъ только цѣну у васъ, а мы беремъ здѣсь все даромъ.... Ага! кошелекъ!... серебро.... прекрасно!... золото!... C'est charmant! Прощайте! »

— « Лавалёръ!... Ну чтожъ ты? » сказалъ Французской уланъ, идя на

встрѣчу къ гренадеру. « Ты одинъ знаешь здѣшнія мѣста—куда намъ идти? »

— « Все прямо. »

— « Да тамъ двѣ дороги. »

— « Не можетъ быть. »

— « Когда я тебѣ говорю, что двѣ... »

— « Да это отъ того, что у тебя двоится въ глазахъ. »

— « Неправда. Вотъ, напримѣръ, я вижу, что на этомъ Русскомъ только одна, а не двѣ шинели, и для того не возьму ее, а помѣняюсь. Мой плащь вовсе не грѣетъ.... Эге! да это, кажется, шуба?... Скидай ее, товарищъ! »

Рославлевъ повиновался; уланъ сбросилъ съ себя фризовую шинель и надѣлъ его сибирку. « Однакожъ, Русскіе не вовсе глупы, » сказалъ онъ, уходя вмѣстѣ съ гренадеромъ; « и если они сами изобрѣли эти шубы, то, чортъ возьми! эта выдумка не дурная! »

Когда Рославлевъ потерялъ изъ вида всю толпу мародёровъ и сталъ надѣвать

оставленную Французомъ шинель, то замѣтилъ, что въ боковомъ ея карманѣ лежало что-то довольно тяжелое; но онъ не успѣлъ удовлетворить своему любопытству и посмотрѣть, въ чемъ состояла эта неожиданная находка: въ близкомъ отъ него разстояніи раздался дикой крикъ, въ слѣдъ за нимъ загремѣли частые ружейные выстрѣлы, и черезъ нѣсколько минутъ послышался шумъ отъ бѣгущихъ по дорогѣ людей.

Рославлеву не трудно было отгадать, что Французскіе мародёры повстрѣчались съ толпою вооруженныхъ крестьянъ, и въ то самое время, какъ онъ колебался, не зная, что ему дѣлать: идти ли впередъ, или дожидаться, чѣмъ кончится эта встрѣча — человѣкъ пять Французскихъ солдатъ, преслѣдуемыхъ крестьянами, пробѣжали мимо его и разсыпались по лѣсу. «Вотъ еще одинъ,» вскричалъ молодой парень, указывая на Рославлева. «Пришиби его!» заревѣлъ высокой мужикъ съ рыжей бородою,

и вмигъ цѣлая толпа вооруженныхъ косами, ружьями и топорами крестьянъ, окружила Рославлева.

ГЛАВА VII.

Посреди большаго села, на обширномъ лугу, или площади, на которой разгуливали овцы и рѣзвились ребятишки, стояла ветхая деревянная церковь, съ высокой колокольнею. У дверей ея на одной изъ ступеней, поросшей травою лѣстницы, сидѣлъ старикъ, лѣтъ восьмидесяти, въ зеленомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ, обшитымъ позументомъ; съ полдюжины медалей, различныхъ формъ и величины, покрывали грудь его. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, который стоялъ передъ нимъ, и по наряду своему, ка-

залось, принадлежалъ къ духовному званію.

— « Нѣтъ, Александръ Дмитричъ! » говорилъ старикъ, покачивая головою, « рано ли, поздно ли, а не здобровать нашему селу; чай злодѣи-то больно на насъ зубы грызутъ. »

— « Оно и есть за что! » сказалъ молодой человѣкъ: « вѣдь мы у нихъ какъ бѣльмо на глазу. Да Богъ милостивъ! Кой-какъ до сихъ поръ съ ними справлялись. Fortes fortuna adjuvat, то есть: смѣлымъ Богъ владѣетъ, Кондратій Пахомычъ! »

— « Конечно, батюшка, за правое дѣло Богъ заступа; а все таки, какъ провѣдаютъ въ Москвѣ, что въ нашемъ селѣ легло сотъ пять, шесть Французовъ, да пришлютъ сюда полка два... »

— « Такъ чтожъ? Будемъ драться. »

— « Вотъ то-то и горе! Вы станете драться, а я что буду дѣлать? Протягивай шею, какъ баранъ. »

— « Эхъ, Кондратій Пахомычъ! Да на людяхъ и смерть красна! »

— « Не о смерти рѣчь, батюшка! Когда вы, народъ молодой, себя не жалѣете, такъ мнѣ ли старику торговаться; да каково подумать, что эти злодѣи наругаются надъ моей сѣдой головою? Пожалуй, насмѣкъ живаго оставятъ. Эхъ, старость, старость! Какъ бы прежніе годы, такъ я бы трехъ поджарыхъ Французовъ на одинъ штыкъ посадилъ. Не бось, Турки ихъ дюжѣе, да и тѣхъ, бывало, какъ примусь нанизывать, такъ Господи Боже мой! считать не поспѣваютъ. Вотъ какъ мы съ батюшкой, Графомъ Суворовымъ, штурмовали Измаилъ.... Тогда былъ нашимъ Капитаномъ Его Благородіе, Сергѣй Дмитричъ — царство ему небесное! Отецъ, а не Командиръ! И что за молодецъ!... какъ теперь гляжу — мигнуть не успѣли, а ужъ нашъ соколъ на стѣнѣ, вся рота за нимъ — ура!... »

— « Ты ужъ мнѣ это разсказывалъ, Кондратій Пахомычъ! »

— « Вотъ, батюшка, тогда дѣло другое: и подраться-то было куражнѣе! Зналъ что живой въ руки не дамся; а теперь что я?... малой ребенокъ одолѣетъ. Пробовалъ вчера стрѣлять изъ ружья — куда те! Такъ въ рукахъ ходуномъ и ходитъ! Мѣтилъ въ заборъ, а подстрѣлилъ батькину корову. Да что отецъ Егоръ, вернулся чтоль? »

— « Нѣтъ еще. Я слышалъ, будто бы его Французы въ полонъ захватили. »

— « Ахъ, они разбойники! Ужъ и поповъ стали хватать! А того не подумаютъ, басурманы, что этакъ нашъ братъ старикъ и безъ исповѣди умретъ. »

— « Видно узнали, что онъ изъ нашего села. Вѣдь Французы-то называютъ насъ бунтовщиками. »

— Бунтовщиками? Ахъ, они проклятые! да какъ бы они смѣли это сказать? Развѣ мы бунтуемъ противъ на-

шего Государя? Развѣ мы ихъ гладимъ по головкѣ?»

— «Въ томъ-то и дѣло, что не гладимъ. Они говорятъ; tui, quid nihil refet, ne cures, то есть: не мѣшайся не въ свое дѣло; а мы толкуемъ: cuneus cuneum trudit, сирѣчь — клинъ клиномъ выбивай.»

— «Эхъ, батюшка! да перестанешь ли ты говорить не по Русскому?»

— «Привыкъ, Пахомычъ! У насъ на Перервѣ безъ Латинской пословицы ступить нельзя.»

— «Да что вы въ Перервинскомъ монастырѣ всѣ Латыши чтоль, а не Русскіе? Знаешь ли, какъ это не понутру нашимъ мужичкамъ? Что дискать за притча такая? Кажись, церковникъ-то, что къ намъ присталъ, дѣтина бравый, а все по Французскому говоритъ.»

— «По Французскому! Невѣжды!...»

— «Александръ Дмитричъ!» раздался голосъ съ колокольни, «никакъ наши идутъ.»

— « Наши ли, Андрюша? » сказалъ Семинаристъ, поднявъ кверху голову. Посмотри-ка хорошенько!

— « Точно наши. Вотъ впереди Ерема косой, да солдатъ Потапычъ; они ведутъ какого-то чужаго: никакъ Француза изловили. »

— « На врядъ Француза, » сказалъ, покачавъ головой, старый Унтеръ-Офицеръ. « Они бы ужъ его дорогою разъ десять уходили; а не захватили ли они, какъ ономнясь Бронницкіе молодцы, какого нибудь измѣнника, или шпіона. »

— « Что ты Пахомычъ! Боже сохрани! Будетъ съ насъ и того, что одинъ Русской осрамился и служилъ нашимъ злодѣямъ. »

— « Эхъ, батюшка! въ семьѣ не безъ урода. »

— « Вотъ ужъ наши ребята изъ-за рощи показались. Пойдемъ, Кондратій Пахомычъ, въ мірскую избу. Если они въ самомъ дѣлѣ захватили какого ни-

будь подозрительнаго человѣка, такъ надобно его порядкомъ допросить; а то пожалуй, у нашихъ молодцовъ и правый будетъ виноватъ: auri est bonus....

— « Да полно тебѣ языкъ-то коверкать!... » перервалъ съ досадою старикъ. « Что за Латышъ — въ самомъ дѣлѣ? Смотри, Александръ Дмитричъ, не сдобровать тебѣ, если ты заговоришь на мірской сходкѣ этимъ Чухонскимъ нарѣчіемъ. »

— « Чухонскимъ! » повторилъ сквозь зубы Семинаристъ; « Чухонскимъ!... Ignarus, barbarus!...

— « Полно бормотать-то: вѣдь я дѣло говорю. Пойдемъ! А ты, Андрюша, » продолжалъ Инвалидъ, обращаясь къ молодому парню, который стоялъ на колокольнѣ, « лишь только завидишь супостатовъ, тотчасъ и давай знать. Пойдемъ, Александръ Дмитричъ! »

Мірская изба, построенная на томъ же лугу или площади, противъ самой церкви, отличалась отъ прочаго жилья

только тѣмъ, что не имѣла двора и была нѣсколько просторнѣе другихъ избъ. Когда Инвалидъ и Семинаристъ вошли въ эту Управу сельскаго благочинія, то нашли уже въ ней человѣкъ пять стариковъ и Сотника. Сержантъ и нашъ ученый Латинистъ, поклонясь присутствующимъ, заняли передній уголъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошли въ избу: отставной солдатъ съ ружьемъ, а за нимъ широкоплечій крестьянинъ съ рыжей бородою, вооруженный также ружьемъ и большимъ поварскимъ ножемъ, заткнутымъ за поясъ. Въ сѣняхъ и вокругъ избы столпилось человѣкъ двѣсти крестьянъ, по большой части съ ружьями, отбитыми у Французскихъ солдатъ.

— « Ну что, братцы ? » спросилъ Сотникъ ; » захватили ли вы въ селѣ Богородскомъ Французовъ ? »

— Нѣтъ-ста, Никита Пахомычъ ! » отвѣчалъ рыжій мужикъ. « Ушли, пострѣлы ! А, баютъ, они съ утра до са-

мыхъ полудёнъ ужъ буянили, буянили на барскомъ дворѣ. Прикащика въ гробъ заколотили. Слышь ты, давай ихъ все калачей, а на нашъ хлѣбъ такъ и плюютъ. »

— « Ахъ, они безбожники! » вскричалъ Сотникъ; « плевать на даръ Божій! Эка нехристь проклятая! »

— « Вишь какіе прихотники! « сказалъ одинъ осанистый крестьянинъ въ синемъ кафтанѣ, « трескалибъ, разбойники, то, что даютъ. Вѣдь матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ, а пшеничка по выбору. »

— « Народъ-то въ Богородскомъ такой несмышленый! » примолвилъ рыжій мужикъ. « Гонца къ намъ послали, а сами разбѣжались по лѣсу. Имъ бы принять злодѣевъ-то съ хлѣбомъ и съ солью, да пивца, да винца, да того, да другаго — убаюкали бы ихъ, голубчиковъ, а мы бы какъ тутъ! Нагрянули въ расплохъ, да и катай ихъ чѣмъ ни попало. »

— « Какъ мы шли назадъ, » сказалъ отставной солдатъ, « такъ наткнулись въ лѣсу на Французовъ, на тѣхъ ли самыхъ, на другихъ ли — лукавый ихъ знаетъ! »

— « Ну что, ребятушки? » вскричалъ Сержантъ, » разчесали чтоль ихъ? »

— « Какъ пить дали, Пахомъ Кондратьичъ! »

— « Неужли-то и отпору вамъ не было? »

— « Какъ не быть! Мы, знаешь, сначала изъ-за кустовъ какъ шарахнули! Вотъ они приостановились да и ну отстрѣливаться; а пуще какой-то въ мохнатой шапкѣ, командиръ чтоль ихъ, такъ и загорланилъ: алонъ камратъ! Да другіе-то прочіе не такъ чтобъ очень: все какая-то вольница; стрѣльнули раза три, да и въ разсыпную. Не знаю, сколько ихъ ушло, а кучка порядочная въ лѣсу осталась. »

— « Что за притча такая? » сказалъ сотникъ; « откуда берутся эти Француз-

зы? Бьемъ, бьемъ — а все ихъ много! »

— « Видно, сватъ Пахомычъ, » перервалъ крестьянинъ въ синемъ кафтанѣ, « они какъ осенніе мухи. Да вотъ погоди! какъ придетъ на нихъ Егорій съ гвоздемъ, да Никола съ мостомъ, такъ всѣ передохнутъ. »

— « Мы, Пахомычъ! » сказалъ рыжій мужикъ, « захватили одного живьемъ. Кто его знаетъ? баитъ по нашему и стоитъ въ томъ, что онъ православный. Онъ наговорилъ намъ съ три короба: вишь, ушелъ изъ Москвы, и Русской-то онъ Офицеръ, и вовсе не якшается съ нашими злодѣями, и то и се, и дьяволъ его знаетъ! Да все лжетъ, проклятый! не вѣрьте; онъ притоманный Французъ. »

— « А почемужъ ты это думаешь? » спросилъ Семинаристъ. « Ну если въ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ правду? »

— « Правду? Такъ коего жъ чорта ему было таскаться вмѣстѣ съ Французами! »

— « Но развѣ онъ не могъ съ ними повстрѣчаться также, какъ и вы? »

— « А за чѣмъ же онъ, » перервалъ солдатъ, « вотъ этакъ съ часъ назадъ, ѣхалъ верхомъ вмѣстѣ съ Французскимъ Офицеромъ? Я и лошадь-то его подстрѣлилъ. »

— « Какъ съ Французскимъ Офицеромъ? »

— « Да также! »

— Но почему ты знаешь, что этотъ Офицеръ Французской? »

— « Почему знаю? Вотъ еще что! Нѣтъ, господинъ церковникъ! мы получше твоего знаемъ Французскіе-то мундиры: подъ Устерлицемъ я на нихъ насмотрѣлся. Да и станетъ ли Русской Офицеръ пѣть Французскія пѣсни? А онъ такъ горло и дралъ. »

— « А тотъ, что мы захватили, ему подтягивалъ, » примолвилъ рыжій мужикъ; » я самъ слышалъ. »

— « Я хоть и не слыхалъ, » перервалъ солдатъ; « да видѣлъ, что они

Ѣхали дружно, рядышкомъ, словно братья родные. »

— « Такъ чтожъ и калякать? » вскричалъ Сотникъ. « Вѣстимо онъ Французъ: не такъ ли, православные? »

— « Такъ, Никита Пахомычь! Такъ! » повторили всѣ старики.

— « А если Французъ, » примолвилъ одинъ лысый старикъ: « на осину его! »

— « Какъ бы не такъ! » перервалъ Сотникъ, « еще веревку припасай. Въ колодезь къ товарищамъ, такъ и концы въ воду. »

— « Ей не торопись, ребята! » сказалъ Семинаристъ. « Melior est consulta.... »

— « Что ты, сумасшедшій, перестань! » шепнулъ Сержантъ, дернувъ за рукавъ своего сосѣда. « Православные! » продолжалъ онъ, « послушайтесь меня старика: чтобъ не было оглядокъ, такъ не лучше ли его хорошенько допросить? »

— « Да, скажетъ онъ тебѣ правду, дожилайся ! » перервалъ лысый старикъ.

— « Погодите, братцы ! » заговорилъ крестьянинъ въ синемъ кафтанѣ ; « коли этотъ полонянникъ доподлинно не Русской, такъ мы такую найдемъ улику, что ему и пикнуть нечя будетъ. Не велика фигура, что онъ бантъ по нашему: вѣдь Французы на все смышлены, только Бога-то не знаютъ. Помните ли, ребята, аномнясь, какъ мы ихъ сотни полторы въ одно утро уходили, былъ ли хоть на одномъ изъ этихъ басурмановъ крестъ Господень ? »

— « Ни на одномъ не было, Терентій Иванычъ ! » отвѣчалъ Сотникъ ; « я самъ видѣлъ. »

— « Такъ и на этомъ не будетъ, коли онъ Французъ ; а если православный, такъ носитъ крестъ — не правда ли ! »

— « Правда, Терентій Иванычъ, правда ! » повторили всѣ присутствующіе.

— « Такъ давайте же его сюда. По-

смотримъ, есть ли у него на шеѣ-то отцовское благословленіе? »

Два крестьянина, вооруженные топорами, ввели Рославлева въ избу. « Ваня! » сказалъ Терентій одному изъ нихъ, « разстегни-ка ему воротъ у рубахи — вотъ такъ! »

— « Что вы дѣлаете, ребята? » перервалъ Рославлевъ. « Я точно Русской! »

— « Ладно, братъ! увидимъ-ста, Русской ли ты. Ну что, Ваня, есть ли на немъ крестъ? » спросилъ Сотникъ.

— « Нѣтъ, Пахомычь! ни креста, ни образа! »

— « Видите, православные! » сказалъ рыжій Ерема. « Чего же вамъ еще? »

— « Въ колодезь его! » завопили почти всѣ крестьяне.

— « Послушайте, братцы! » вскричалъ Рославлевъ: « видитъ Богъ, на мнѣ былъ крестъ, да меня ограбили Французы. »

— « Что съ нимъ растабарывать! »

подхватилъ Сотникъ. « Тащите его ! въ колодезь ! »

— « Да что вамъ дался колодезь ? » перервалъ Ерема. « И такъ всѣ колодцы перепортили. Много ли ему надобно? Эй, Ваня ! что ты смотришь басурману-то въ зубы ? Обухомъ его ! »

— « И то правда ! » закричали другіе мужики. « Пришиби его ! »

Одинъ изъ крестьянъ, которые карауливши Рославлева, вынулъ изъ-за пояса свой топоръ.

— « Постойте, дѣтушки ! » перервалъ Сержантъ. « Экъ у васъ руки-то расходились ! Убить недолго. Ну если его въ самомъ дѣлѣ ограбили Французы ?... »

— « И онъ дѣйствительно Русской Офицеръ ? » примолвилъ Семинаристъ.

— « А это что ? » вскричалъ Ерема, вынимая изъ боковаго кармана Рославлевой шинели кошелекъ съ деньгами. « Что, братъ ? видно они тебя грабили, да не дограбили ? Смотрите, православные ! И деньги-то не наши. »

— « Эта шинель не моя, » сказалъ Рославлевъ. « Одинъ изъ Французовъ помѣнялся со мной насильно. »

— « А деньги-то далъ въ придачу что-ль? » закричалъ Ерема « Ахъ, ты проклятый басурманъ! Что мы тебѣ олухи достались? Да что съ тобой калякать? Ваня! хвати его по маковкѣ!... Чтожъ ты?... Полно, братъ, не переминайся! а не то я самъ....» примолвилъ Ерема, вынимая изъ-за пояса свой широкой ножъ.

— « Погоди, кумъ, не торопись! » сказалъ Иванъ. « Послушай-ка, молодецъ: ты баишь, что съ тебя сняли крестъ Французы. Ну! а какой онъ былъ? деревянный, или серебряный?»

— « Нѣтъ, золотой! » отвѣчалъ Рославлевъ.

— « Ладно. А на какомъ онъ висѣлъ гайтанѣ—на чорномъ, или красномъ? »

— « Нѣтъ, на зеленомъ шелковомъ спуркѣ. »

— « Что, ребята, вѣдь онъ баитъ правду: вотъ и крестъ; я вынулъ его изъ кармана у одного убитаго Французa. »

— « Да повѣрьте мнѣ, братцы! » сказалъ Рославлевъ, « я васъ не обманываю: я точно Русской Офицеръ. »

— « И впрямь, православные! » примолвилъ Терентій, « ужъ не Русской ли онъ? »

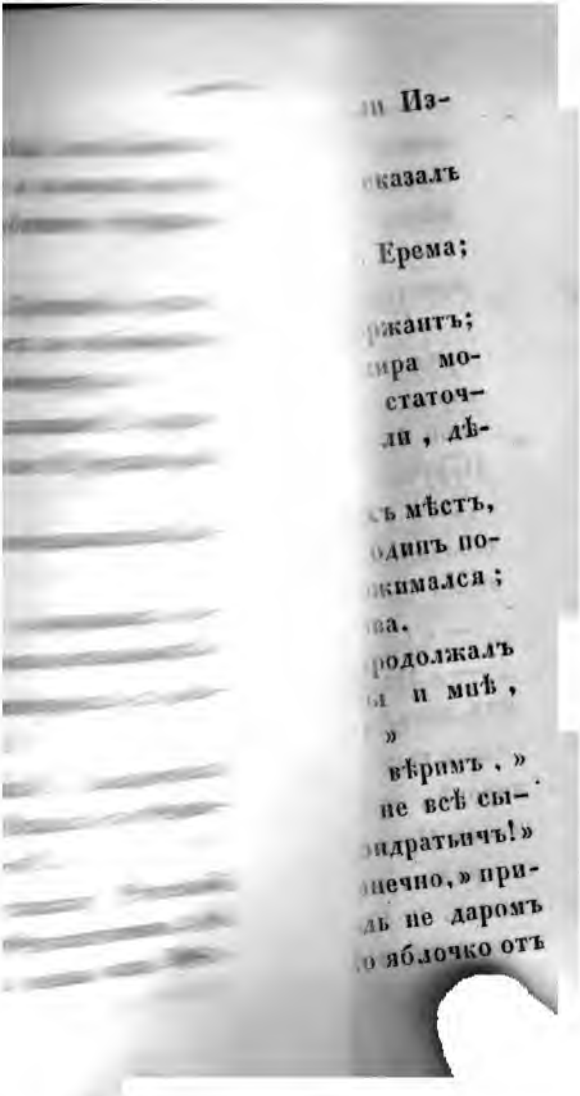
— « Точно Русской! » подхватилъ Семинаристъ.

— А если Русской, » возразилъ отставной солдатъ, «такъ онъ измѣнникъ!»

— « Измѣнникъ! » повторилъ съ негодованіемъ Рославлевъ.

— « Вѣстимо измѣнникъ! » закричалъ Ерема. « Ради чего ты ѣхалъ съ Французскимъ Офицеромъ — а? »

— « Мой товарищъ также Русской Офицеръ, а нарядился Французомъ для того, чтобъ выручить меня изъ Москвы. »



— « [illegible] съ тѣхъ [illegible] [illegible] . [illegible] Русской Офицеръ [illegible] эти [illegible] ? »

— « Вѣстимо не станет крестьяне.

— « Клянусь вамъ Бого продолжалъ Рославлевъ, варищъ — мы оба Русск ской Ротмистръ Зарѣцкой Поручикъ Рославлевъ. »

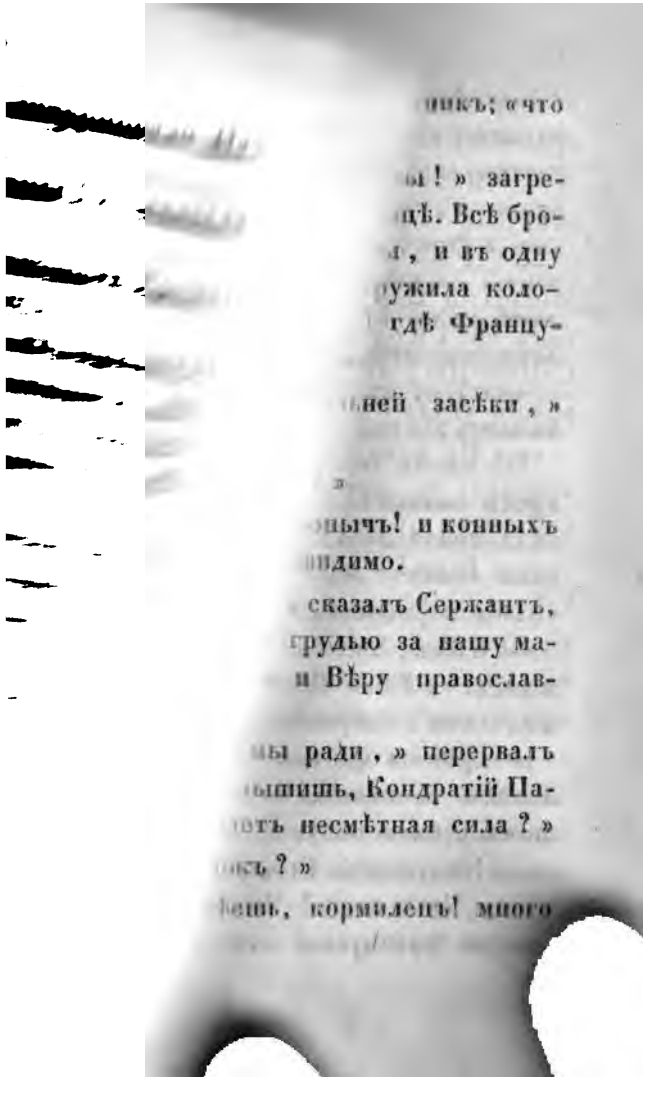
— « Рославлевъ! » по обычайною живостію Сер звали вашего батюшку?

— « Сергѣемъ Дмитри

— « Не припомните л онъ изволилъ служить

— « Онъ служилъ Кап воровѣ, въ Фанагорійск

— « Ну, такъ и ест съ радостію Сержантъ скамьи. « Ваше Благор тюшка вашъ былъ моим



— « Да и Французовъ-то вѣрно не больше, » сказалъ Рославлевъ; « они растянулись по дорогѣ, такъ издали и кажется, что ихъ много. »

— « Охъ, батюшка! » подхватилъ Терентій, « хитры они, злодѣи! не пошлютъ мало. Вѣдь они, басурманы, ужъ давнымъ давно до насъ добираются. »

— « Ну, православные! » сказалъ Пахомычъ, « говорите, что дѣлать? »

Ни одинъ голосъ не отозвался на вопросъ Сотника. Всѣ крестьяне поглядывали молча другъ на друга, и на многихъ лицахъ ясно изображались недоумѣніе и робость.... »

— « Эхъ, худо дѣло! » шепнулъ Сержантъ. « Ваше Благородіе! » продолжалъ онъ, обращаясь къ Рославлеву, « не припять ли вамъ команды? Вы человѣкъ военный, такъ авось это нашихъ ребятъ покуражитъ. Эй, братцы, сюда! слушайте Его Благородія! »

— « Какъ такъ? Что такое? Да развѣ онъ не Французъ? » заговорили крестьяне.

— « Нѣтъ, дѣтушки! Его Благородіе Русской Офицеръ, сынъ моего бывшаго Капитана. »

— « Ой ли? Вотъ-те разъ! Слышите, ребята!... Вотъ что!...» загремѣли восклицанія изъ удивленной толпы.

— « Друзья! » сказалъ Рославлевъ, « чего хотите вы? Покориться ли злодѣямъ нашимъ, или биться съ ними до послѣдней капли крови?... Ну, чтожъ вы молчите? »

— « Да вотъ что, » сказалъ одинъ крестьянинъ: « Андрюха-то говоритъ, что ихъ больно много. »

— « Такъ чтожъ, ребята? » подхватилъ Семинаристъ; « хоть покоримся, хоть нѣтъ, а все намъ отъ нихъ милости никакой не будетъ: мало ли мы ихъ передушили! »

— « Вѣстимо, » сказалъ отставной солдатъ: « мы имъ пардону не давали, такъ и они намъ не дадутъ. »

— « А еслибъ и дали, » возразилъ Рославлевъ, « такъ не грѣшно ли вамъ

Экъ мы въ догонку и откроемъ
огонь? Понимаю, господинъ
Это въ родѣ тѣхъ засадъ, о
которыхъ Цезарь въ Коммента-
своихъ de bello Gallico.... »
Да полно, Александръ Дмитричъ!»
залъ Сержантъ. « Экъ тебѣ ней-
»
Ты, служивый, и ты, молодецъ»
олжалъ Рославлевъ, обращаясь къ
авному солдату и Еремѣ: « возьми-
съ собой человѣкъ сто также съ
кьями, ступайте къ рѣчкѣ, разло-
йте мостъ, и когда Французы ста-
тъ переправляться въ бродъ....»

— « То мы изъ-за деревьевъ пустимъ
о нихъ такую дробь, » перервалъ сол-
атъ, « что имъ и небо съ овчинку по-
кажется. »

— « А мы съ тобой, сослуживецъ
моего батюшки, » примолвилъ Рослав-
левъ, взявъ за руку Сержанта, « съ
остальными встрѣтимъ непріятеля у са-
мой деревни, и если я отступлю хот

будетъ выдать руками женъ и дѣтей вашихъ? Эхъ, братцы! ужъ если вы начали служить вѣрой и правдой Царю православному, такъ и дослуживайте! Что намъ считать, много ли ихъ? Наше дѣло правое — съ нами Богъ!»

— «А съ ними чортъ!» заревѣлъ Ерема. «Что въ самомъ дѣлѣ, драться такъ драться.»

— «Такъ за мной, православные!» воскликнулъ отставной солдатъ. «Ура! за Батюшку Царя и святую Русь!»

— «Ура!» подхватила вся толпа.

— «Весь въ покойника!» шепталъ потихоньку Сержантъ, глядя на Рославлева; «какъ двѣ капли воды!»

— «Теперь слушайте, ребята!» продолжалъ Рославлевъ. «Ты, я вижу, господинъ церковникъ, молодецъ! Возьми-ка съ собой человѣкъ пятьдесять съ ружьями, да засядь вонъ тамъ въ кустахъ, за болотомъ, около дороги, и лишь только непріятель васъ минуетъ...»

— « Такъ мы въ догонку и откроемъ по немъ огонь? Понимаю, господинъ Офицеръ. Это въ родѣ тѣхъ засадъ, о коихъ говоритъ Цезарь въ Комментаріяхъ своихъ de bello Gallico.... »

— « Да полно, Александръ Дмитричъ! » закричалъ Сержантъ. « Экъ тебѣ неймется! »

— « Ты, служивый, и ты, молодецъ » продолжалъ Рославлевъ, обращаясь къ отставному солдату и Еремѣ: « возьмите съ собой человѣкъ сто также съ ружьями, ступайте къ рѣчкѣ, разломайте мостъ, и когда Французы станутъ переправляться въ бродъ....»

— « То мы изъ-за деревьевъ пустимъ по нихъ такую дробь, » перервалъ солдатъ, « что имъ и небо съ овчинку покажется. »

— « А мы съ тобой, сослуживецъ моего батюшки, » примолвилъ Рославлевъ, взявъ за руку Сержанта, « съ остальными встрѣтимъ непріятеля у самой деревни, и если я отступлю хоть

на шагъ, такъ назови мнѣ по имени прежняго твоего Командира, и ты увидишь — сынъ ли я его! Ну, ребята, съ Богомъ! »

Крестьяне, зарядивъ свои ружья, отправились въ назначенныя для нихъ мѣста, и на лугу осталось не болѣе осьмидесяти человѣкъ вооруженныхъ по большой части дубинами, топорами и рогатинами. Къ нимъ вскорѣ присоединилось сотни три женщинъ съ ухватами и вилами. Ребятишки, старики, больные, однимъ словомъ, всякой, кто могъ только двигаться и подымать руку, вооруженную чѣмъ ни попало, вышелъ на лугъ.

Въ глубокой тишинѣ, изрѣдка прерываемой рыданіями и молитвою, стояла вся толпа вокругъ церкви. « Что, Андрюша? » закричалъ наконецъ Сержантъ, « близко ли наши злодѣи? »

— « Близехонько, Крёстной! » отвѣчалъ съ колокольни мальчикъ; « на самомъ выгонѣ — вонъ ужъ поровнялись

съ нашими, что засѣли на болотѣ; да они ихъ не видятъ.... Впереди ѣдутъ конные.... въ желѣзныхъ шапкахъ съ хвостами.... Крёстной! крёстной! да на нихъ и одёжа-та желѣзная!... такъ отъ солнышка и свѣтитъ!... Эва! сколько ихъ!... Вотъ пошли пѣшіе!... Эге! да народъ-то все мѣлкой, крёстной! Наши съ ними справятся.... »

— « То-то ребячья простота! » сказалъ Сержантъ, покачивая головою. « Эхъ, дитятко! вѣдь они не въ кулачки пришли драться; съ пулей да штыкомъ бороться не станешь; да Богъ милостивъ! »

— « Кондратій Пахомычъ! » закричалъ мальчикъ, «они подъѣхали къ рѣчкѣ.... остановились.... вотъ человѣкъ пять выѣхало впередъ.... стали въ кучку.... Эхъ, какой верзила! Ну, этотъ всѣхъ выше!... а лошадь-то подъ нимъ такъ и пляшетъ!... Видно это ихъ набольшій.... »

Вдругъ вдали раздался залпъ изъ ружьевъ, и въ слѣдъ за нимъ загремѣли частые выстрѣлы по сю сторону рѣчки, на берегу которой стояли Французы.

— « Помоги, Господи ! » сказалъ Сержантъ, перекрестясь.

— « Крёстной! » закричалъ мальчикъ, « наша взяла ! Длинной-то упалъ съ лошади ; вонъ и другіе стали падать.... Да что это ? Они не бѣгутъ !. . Вотъ и они принялись стрѣлять.... Ну, все застлало дымомъ: ничего не видно. »

Минутъ двадцать продолжалась жаркая перестрѣлка; потомъ выстрѣлы стали рѣже, раздался конской топотъ, и мальчикъ закричалъ: « Крёстной, крёстной ! никакъ нашихъ гонятъ назадъ. »

— « Впередъ, друзья ! » воскликнулъ Рославлевъ; но въ ту же самую минуту показались на улицѣ бѣгущіе безъ порядка крестьяне, преслѣдуемые Французскими Латниками.

— « За мной, ребята, на паперть ! » закричалъ Рославлевъ. Сержантъ и че-

ловѣкъ тридцать крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, кинулись въ слѣдъ за нимъ, а остальные разсыпались во всѣ стороны. Непріятельская конница выскакала на площадь. « Ну, братцы ! » сказалъ Рославлевъ, « если злодѣи насъ одолѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, не дадимся живые въ руки. Стрѣляйте по коннымъ, да мѣтьте хорошенько ! »

Въ полминуты человѣкъ десять Латниковъ слетѣло съ лошадей.

— « Славно, дѣтушки ! » вскричалъ Сержантъ ; « знатно ! вотъ такъ!... Саржируй ! то есть, заряжай проворнѣй, ребята, Ай да Герасимъ !... другова-то еще !... Смотри, вотъ этого-то, что юлитъ впереди !... Свалилъ !... Ну, молодецъ !... Эхъ, братъ ! въ Фаногорійцы бы тебя !...

— « Старикъ ! » сказалъ въ полголоса Рославлевъ, « думалъ ли ты на штурмѣ Измаила, что умрешь подлѣ сына твоего Капитана ? »

— « Авось не умремъ, » отвѣчалъ Сержантъ; « Богъ милостивъ, Ваше Благородіе! »

— « Да, мой другъ! Онъ точно милостивъ! Страданія наши не будутъ продолжительны. Смотри! »

Старикъ устремилъ свой взоръ въ ту сторону, въ которую показывалъ Рославлевъ: густая колонна непріятельской пѣхоты приближалась скорымъ шагомъ къ площади. « Ребята! » вскричалъ Сержантъ, « стыдно и грѣшно старому солдату умереть съ пустыми руками: дайте и мнѣ ружье! »

Вдругъ дикой, пронзительный крикъ пронесся отъ другаго конца селенія, и человѣкъ двѣсти Казаковъ, наклоня свои дротики, съ визгомъ промчались мимо церкви. Въ одну минуту Латники были смяты, пѣхота опрокинута, и въ тоже время, Русское: ура! загремѣло въ тылу Французовъ; человѣкъ триста крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень и Семинаристъ съ своимъ отрядомъ, ударили

въ разстроеннаго непріятеля. Съ четверть часа, окруженные со всѣхъ сторонъ, Французы упорно защищались; наконецъ болѣе половины непріятельской пѣхоты и почти вся конница, легли на мѣстѣ, остальные положили оружіе.

Въ продолженіи этого короткаго, по жаркаго дѣла, Рославлевъ замѣтилъ одного Русскаго Офицера, который, по видимому, командовалъ всѣмъ отрядомъ; онъ леталъ и крутился, какъ вихрь, впереди своихъ наѣздниковъ: лихой горской конь его перепрыгивалъ черезъ кучи убитыхъ, топталъ въ ногахъ Французовъ, и съ быстротою молніи переносилъ его съ одного мѣста на другое. Когда сраженье кончилось и всѣхъ плѣнныхъ окружили цѣпью Казаковъ, едва успѣвающихъ отгонять крестьянъ, которые, какъ дикіе звѣри, рыскали вокругъ побѣжденныхъ. Начальникъ отряда, окруженный Офицерами, подъѣхалъ къ церкви. При первомъ взглядѣ

на его вздернутый кверху носъ, черные густые усы и живые, исполненные ума и веселости глаза, Рославлевъ узналъ въ немъ, не смотря на странный полу-казачій и полу-крестьянской нарядъ, старинаго своего знакомца, который въ мирное время—пѣвецъ любви, вина и славы — обворожалъ друзей своей любезностію и добродушіемъ; а въ военное, какъ Ангелъ истребитель, являлся съ своими крылатыми полками, какъ молнія губилъ и исчезалъ среди враговъ, изумленныхъ его отвагою; но и посреди безпрерывныхъ тревогъ войны, подобно древнему Скальду, онъ не оставлялъ своей златострунной пѣвницы:

....Славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла.

— « Эго ты » раздался знакомый голосъ на церковной паперти. «Ты живъ,

мой другъ? Слава Богу!» Рославлевъ обернулся—передъ нимъ стоялъ Зарѣцкой въ томъ же Французскомъ мундирѣ, но въ Русской кавалерійской фуражкѣ и форменной сѣрой шинели.

ГЛАВА VIII.

—«Нѣтъ, братецъ, рѣшено! ни Русскіе, ни Французы, ни люди, ни судьба, ничто не можетъ насъ разлучить,» Такъ говорилъ Зарѣцкой, обнимая своего друга. «Думалъ ли я,» продолжалъ онъ, «что буду сегодня въ Москвѣ, перебранюсь съ жандарскимъ Офицеромъ; что по милости Французскаго Полковника выѣду вмѣстѣ съ тобою изъ Москвы, что насъ разлучатъ Русскіе крестьяне, что они подстрѣлятъ твою лошадь и выберутъ

тебя потомъ въ свои главнокомандующіе ?... »

— « Прибавь, мой другъ ! » перервалъ Рославлевъ, « что съ часъ тому назадъ они хотѣли упрятать своего главнокомандующаго въ колодезь. »

— « За что ? »

— « А за то, что пріятель, съ которымъ онъ ѣхалъ, поетъ хорошо Французскіе куплеты. »

— « Неужели ? »

— « Да, братецъ ; они вѣрить не хотѣли, что я Русской. »

— « Ахъ, они бородачи ! Такъ по этому, еслибъ я имъ попался.... »

— « То вѣрно бы тебѣ пришлось хлебнуть колодезной водицы. »

— « Вотъ, чортъ возьми! а я терпѣть не могу и нашей Невской. Пойдемъ-ка, братецъ, выпьемъ лучше бутылку вина: у Русскихъ партизановъ оно всегда водится. »

— « Ты какъ попалъ сюда, Александръ? » спросилъ Рославлевъ, сходя вмѣстѣ съ нимъ съ паперти.

— « Нечаяннымъ, но самымъ натуральнымъ образомъ! Помнишь, когда рапили твою лошадь и ты помчался отъ меня какъ бѣшеный, Въ полминуты я потерялъ тебя изъ вида. Проплутавъ съ полчаса въ лѣсу, я повстрѣчался съ летучимъ отрядомъ нашего общаго знакомаго, который, вѣроятно, не ожидаетъ увидѣть тебя въ этомъ нарядѣ: впрочемъ, и то сказать, мы всѣ трое въ маскарадныхъ платьяхъ: хорошъ и онъ! Разумѣется, передовые Козаки сочли меня сначала за Французскаго Офицера. Не смотря на всѣ увѣренія въ противномъ, они обшарили меня кругомъ и принялись было раздѣвать; но, къ счастію, прежде чѣмъ успѣли кончить мой туалетъ, подъѣхалъ ихъ отрядный начальникъ: онъ узналъ меня, велѣлъ отдать мнѣ все, что у меня отняли, замѣнилъ мою синюю шинель и Фран-

пузскую фуражку вотъ этими, и хорошо сдѣлалъ: въ этомъ полу-Русскомъ нарядѣ, я не рискую, чтобъ какой нибудь деревенской витязь застрѣлилъ меня изъ-за куста, какъ тетерева. Проѣзжая недалеко отъ здѣшняго селенія, мы услышали перестрѣлку; не трудно было догадаться, что это шалятъ Французскіе фуражиры. Мы пустились во всю рысь, и какъ видишь, подоспѣли въ самую пору. Жаль мнѣ ихъ, сердечныхъ! Дрались, дрались, а не поживятся ни однимъ теленкомъ.»

— «Да неужели это въ самомъ дѣлѣ фуражиры? Ихъ что-то очень много.»

— «Цѣлый батальонъ пѣхоты и эскадронъ конницы.»

— «Ктожъ посылаетъ фуражировать такіе сильные отряды?»

— «Кто? да Французы. Ты жилъ затворникомъ у своего Сезёмова, и ничего не знаешь: имъ скоро придется давать генеральныя сраженія для того только, чтобъ отбить у насъ кулей десять муки.»

У мірской избы сидѣлъ на скамьѣ начальникъ отряда и нѣкоторые изъ его Офицеровъ. Кругомъ толпился народъ, а подлѣ самой скамьи стояли Сержантъ и Семинаристъ. Узнавъ въ блѣдномъ молодомъ человѣкѣ, который въ изорванной фризовой шинели походилъ болѣе на нищаго, чѣмъ на Русскаго Офицера, стариннаго своего знакомца, начальникъ отряда обнялъ по дружески Рославлева, и пожимая ему руку, не могъ удержаться отъ невольнаго восклицанія: « Боже мой! какъ вы перемѣнились! »

— « Онъ очень былъ болѣнъ, » сказалъ Зарѣцкой.

— « Это замѣтно. А запретилъ ли вамъ Лѣкарь пить вино? »

— « Моимъ Лѣкаремъ была одна молодость, » сказалъ съ улыбкой Рославлевъ.

— « О! такъ съ этимъ медикомъ можно ладить! Эй, Жигулинъ! бутылку вина! Не знаю, хорошо ли: я еще его не пробовалъ. »

— « Я вамъ порукою, что хорошо, » сказалъ одинъ смугловатый и толстый Офицеръ въ Черкеской буркѣ. Его везли въ Москву для Раппа; а говорятъ, этотъ лихой Генералъ также терпѣть не можетъ дурнаго вина, какъ не терпитъ трусовъ. »

— « Да гдѣ нашъ сорви голова? » спросилъ Начальникъ отряда.

— « Старикъ Есаулъ? Онъ отправляетъ плѣнныхъ въ Главную квартиру. »

— « Скажи ему, братъ, чтобъ онъ поторапливался: мы здѣсь слишкомъ близко отъ непріятеля. » Офицеръ въ буркѣ всталъ и пошелъ къ толпѣ плѣнныхъ, которыхъ обезоруживали и строили въ колонну. »

— « Ну, православные! » продолжалъ начальникъ отряда, обращаясь къ крестьянамъ, « исполать вамъ! Да вы всѣ чудо-богатыри! Смотрите-ка, сколько передушили этихъ буяновъ! Славно, ребята, славно!... и впередъ стойте грудью за Вѣру православную и Царя Государя,

такъ и Онъ васъ пожалуетъ, и Господь Богъ помилуетъ. »

— « Ради стараться, батюшка ! » закричали крестьяне. « Готовы и напредки. »

— « Да гдѣ у васъ этотъ молодецъ, который съ своими ребятами отрѣзалъ Французовъ отъ рѣчки ? Кажется, онъ изъ церковниковъ ? Что онъ — дьячекъ чтоль ? »

— « Студентъ Перервинской Семинаріи, Ваше Благородіе ! » сказалъ Семинаристъ, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— « А, старый знакомый ! » вскричалъ Зарѣцкой. « Ну вотъ, Богъ привелъ намъ опять встрѣтиться. Помните ли, господинъ Студентъ, какъ я догналъ васъ около Останкина ? »

— « Какъ не помнить, господинъ Офицеръ ! »

— « Ну что? помогаютъ ли вамъ комментаріи Кесаря бить Французовъ ? »

— « Какъ бы вамъ сказать, сударь ? Страшное дѣло! Кажется и Кесарь драл-

ся съ тѣми же Французами, да теперешніе-то вовсе на прежнихъ не походятъ, и признаюсь, я весьма начинаю подозрѣвать, что образъ войны совершенно перемѣнился. »

— « Неужели ? »

— « Да, сударь, да ! Кесарь говоритъ одно, а дѣлается совсѣмъ другое; разумѣется въ такомъ случаѣ Experientia est optima magistra — сирѣчь: опытъ самый лучшій наставникъ. Конечно, умъ хорошо, а два лучше: plus vident oculi... »

— « Полно, Александръ Дмитричь, не срамись ! » шепнулъ Сержантъ, толкнувъ локтемъ Семинариста.

— « Вотъ и вино! » перервалъ Начальникъ отряда, откупоривая бутылку, которую, вмѣстѣ съ серебряными стаканами, подалъ ему Казачій Урядникъ. « Милости просимъ, господа, по чаркѣ вина, за здоровье воина Семинариста. »

— « Bene tibi ! Доктумъ Семинаристумъ ! » закричалъ Зарѣцкой, выпивая свой стаканъ.

— « Respondebo tibi propinanti ! » возразилъ Семинаристъ, протягивая руку.

— « То есть, » подхватилъ Начальникъ отряда: « и ваша ученость хочетъ выпить стаканчикъ ? Милости просимъ ! Ну, что ? » продолжалъ онъ, обращаясь къ подходящему Офицеру, « наши плѣнные ушли ? »

— « Отправились, » отвѣчалъ Офицеръ. « Къ нимъ въ проводники вызвался одинъ рыжій мужикъ, который берется довести ихъ до нашего войска такими тропинками, что они не только съ Французами, но и съ Русскими не повстрѣчаются. »

— « Приказалъ ли ты построже, чтобъ ихъ дорогой Казаки и крестьяне не обижали ? »

— « Приказывалъ. Да вѣдь на нихъ не угодишь. Представьте себѣ: одинъ изъ этихъ Французовъ, Кирасирской Поручикъ, такъ и вопитъ, что у него отняли — и какъ вы думаете что ? Деньги ? нѣтъ! — Часы, вещи? — и то нѣтъ!

Какія-то любовныя записочки и волосы! Повѣрите ли, почти плачетъ! А кажется, славный Офицеръ и лихо дрался. »

— « Какъ! » вскричалъ Начальникъ отряда, « у этаго молодца отняли письма и волосы той, которую онъ любитъ? Ахъ, чортъ возьми! да отъ этаго и я бы взвылъ! Бѣдняжка! А знаете ли, какой онъ долженъ быть славный малый? Онъ любитъ и дрался какъ левъ! Знаете ли, товарищи, что еслибъ этотъ Кирасиръ не былъ нашимъ непріятелемъ, то я помѣнялся бы съ нимъ крестами? Да, господа, когда въ булатной груди молодца бьётся сердце, способное любить, то онъ братъ мой! И на что этимъ пострѣламъ его любовная переписка? Эй, Жигулинъ! узнай сей часъ, кто обобралъ плѣннаго Кирасирскаго Офицера? Деньги и вещи перелъ ними; но чтобъ всѣ его бумаги были отысканы. »

— « Не извольте безпокоиться, » сказалъ Семинаристъ, подавая Начальни-

ку отряда, вышитый по канвѣ книжникъ: « я захватилъ его изъ предосторожности —Diffidentia tempestiva.... »

— « Давай его сюда! » перервалъ Начальникъ отряда.

— « Извольте хорошенько разсмотрѣть, Ваше Высокоблагородіе! Между бумагами могутъ быть важные документы. »

— « О, преважные! но только не для насъ, » перервалъ Начальникъ отряда, разсматривая книжникъ. « Adorable ami... cher Adolphe.... А вотъ и локонъ волосъ.... »

— « Какая прелесть! » вскричалъ Зарѣцкой: « черные какъ смоль! »

— « Портретъ!... Да она въ самомъ дѣлѣ хороша. Бѣдняжка! ну какъ же ему не ревѣть? Жигулинъ! садись на коня: ты догонишь транспортъ и отдашь Кирасирскому плѣнному Офицеру этотъ бумажникъ; да постой, я напишу къ нему записку. »

Начальникъ отряда вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги, карандашъ и написалъ слѣдующее:

« Recevez, monsieur, les effets qui « vous sont si chers. Puissent-ils, en « vous, rappelant l'objet aimé, vous prou- « ver que le courage et le malheur sont « respectés en Russie comme ailleurs. (*) « Жигулинъ! отдай ему эту записку, да смотри, не потеряй бумажника.... Боже тебя сохрани! Отправляйся! Ну, господа! » продолжалъ Начальникъ отряда, обращаясь къ нашимъ пріятелямъ, « что намѣрены вы теперь дѣлать? Я, можетъ быть, подвинусь съ моимъ отрядомъ къ Вязьмѣ, и стану

(*) Примите, милостивый государь, вещи, которыя для васъ столь дороги; пусть онѣ, напоминая вамъ о предметѣ любви вашей, послужатъ доказательствомъ, что храбрость и несчастіе уважаются въ Россіи точно также, какъ и въ другихъ странахъ.

кочевать въ тылу у Французовъ; а вы, вѣроятно, желаете пробраться къ нашей арміи?»

— «Да,» отвѣчалъ Зарѣцкой, «я давно уже тоскую о моемъ эскадронѣ, а по Владимірѣ вѣрно вздыхаетъ нашъ Дивизіонный Генералъ.»

— «Такъ отправляйтесь въ слѣдъ за плѣнными. Потрудитесь, Владиміръ Сергѣевичъ, выбрать любую лошадь изъ отбитыхъ у непріятеля; да и съ Богомъ! Не надобно терять времени; догоняйте скорѣе транспортъ, надъ которымъ, Зарѣцкой, вы можете принять команду: я пошлю съ вами Казака.

Наши пріятели, распростясь съ Начальникомъ отряда, отправились въ дорогу, и догнавъ въ четверть часа плѣнныхъ, были свидѣтелями восторговъ Кирасирскаго Офицера. Покрывая поцѣлуями портретъ своей любезной, онъ повторялъ: «Боже мой, Боже мой! кто могъ бы подумать, чтобъ этотъ Казакъ, этотъ варваръ имѣлъ такую душу! ... О,

этотъ Русской достоенъ быть Французомъ! Il est Français dans l'âme! »

Остальную часть дня и всю ночь плѣнные, подъ прикрытіемъ тридцати Казаковъ и такого же числа вооруженныхъ крестьянъ, шли почти не отдыхая. Передъ разсвѣтомъ Зарѣцкой сдѣлалъ привалъ и послалъ въ ближайшую деревню за хлѣбомъ: въ полчаса крестьяне навезли всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Покормивъ и своихъ и непріятелей, Зарѣцкой двинулся впередъ. Вскорѣ стали имъ попадаться наши разъѣзды, и часу въ одиннадцатомъ утра, они подошли наконецъ къ аван-постамъ Русскаго авангарда.

ГЛАВА IX.

Узнавъ на аванпостахъ, что полкъ Зарѣцкаго стоитъ биваками въ первой линіи авангарда, наши пріятели пустились не медля его отыскивать. Трудно было описать радость и удивленіе сослуживцевъ Зарѣцкаго и Рославлева, когда они явились передъ ними въ своихъ маскарадныхъ костюмахъ. Выходцевъ съ того свѣта не закидали бы такимъ множествомъ вопросовъ, какъ нашихъ друзей, которые были въ Москвѣ и видѣли своими глазами все, что тамъ дѣлается. Офицеры на радостяхъ затѣяли пирушку: самоваръ закипѣлъ, пошла попойка, явились пѣсельники и грянули хоромъ авангардную пѣсню, сочиненную однимъ изъ нашихъ воиновъ-по-

этомъ. Постукивая стаканами, Офицеры повторяли съ восторгомъ первый куплетъ ея:

Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить;
Защитимъ свою Державу —
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!

Едва оправившійся отъ болѣзни Рославлевъ, не могъ подражать своимъ товарищамъ, и въ то время, какъ они веселились и опоражнивали стаканы съ пуншемъ, онъ подсѣлъ къ двумъ заслуженымъ Ротмистрамъ, которые также принимали не слишкомъ дѣятельное участіе въ шумной радости другихъ Офицеровъ. « Ну что вы, господа подѣлываете съ Французами? » спросилъ Рославлевъ.

— « Да покамѣстъ ничего! » отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, закручивая свои густые съ просѣдью усы. « Мы стоимъ другъ противъ друга, на передовыхъ

цѣпяхъ отъ скуки перестрѣливаются; иногда наши Казаки выѣзжаютъ погарцовать въ чистомъ полѣ, рисуются, тратятъ даромъ заряды, поддразниваютъ Французовъ: вотъ и все тутъ. »

— « А никто такъ ихъ не дразнитъ, какъ нашъ удалой авангардный Начальникъ! » подхватилъ другой Ротмистръ, помоложе перваго. « Онъ каждый день, такъ—для моціону, прогуливается вдоль непріятельской цѣпи. »

— « Да ему тамъ только и весело, гдѣ свистятъ пули, » перервалъ старый Ротмистръ. « Всякой разъ его встрѣчаютъ и провожаютъ съ пальбою; а онъ все таки цѣлехонекъ. Ну, правду онъ говоритъ, что его и смерть боится. »

— « Противъ насъ командуетъ Мюратъ, » сказалъ другой Ротмистръ: « также молодецъ! Не знаю, каково онъ представляетъ Короля у себя во дворцѣ; но въ дѣлѣ, а особливо въ Кавалерійской атакѣ, дьяволъ! — такъ все и ломитъ. Нечего сказать, боекъ и онъ,

а все за нашимъ Графомъ не угоняется. Я слышалъ что на этихъ дняхъ Мюрату вадумалось подъ выстрѣлами Русскихъ часовыхъ кушать кофе. На ту пору Графъ выѣхалъ также за нашу цѣпь; пули посыпались на него со всѣхъ сторонъ, но не помѣшали ему замѣтить удальство Неаполитанскаго Короля. « Богъ мой! » вскричалъ онъ, « что это? Ужъ не хочетъ ли Мюратъ удивить Русскихъ?... Столъ и приборъ! я здѣсь обѣдаю. » Не знаю, правда ли, только это очень на него походитъ. »

— « А можете ли вы мнѣ сказать, господа, » спросилъ Рославлевъ: « гдѣ теперь Полковникъ Сурской? »

— « Здѣсь, » отвѣчалъ старый Ротмистръ.

— « Такъ онъ ужъ не служитъ при главномъ Штабѣ? »

— « Я думаю, онъ скоро нигдѣ служить не будетъ. »

— « Какъ? »

— « Да, вчера онъ пріѣхалъ съ приказаніями къ нашему авангардному Начальнику, обѣдалъ у него, и потомъ отправился вмѣстѣ съ нимъ прогуливаться вдоль нашей цѣпи; какая-то шальная пуля попала ему въ грудь, и если Доктора говорятъ правду, такъ онъ не жилецъ. »

— « Ахъ, Боже мой! » вскричалъ Рославлевъ; « сдѣлайте милость, господа, скажите, гдѣ мнѣ его отыскать? »

— « Онъ долженъ быть въ обозѣ, вонъ за этимъ лѣсомъ » сказалъ старый Ротмистръ. « Да постойте, » продолжалъ онъ: « васъ въ этомъ нарядѣ примутъ за маркитанта: надѣньте хоть мою шинель. »

Рославлевъ накинулъ шинель Ротмистра и отправился къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ обозъ нашего авангарда. Повстрѣчавшійся съ нимъ полковой фельшеръ указалъ ему на низкую избенку, которая, вѣроятно, уцѣлѣла отъ того, что стояла въ нѣкоторомъ раз-

стояніи отъ бѣльшой дороги. Рославлевъ подошелъ къ избѣ въ ту самую минуту, какъ выходилъ изъ нее Лѣкарь. « Что, Полковникъ? » спросилъ онъ. Лѣкарь пожалъ плечами.

— « И такъ нѣтъ никакой надежды? »

— « Никакой! Впрочемъ, онъ въ полной памяти и всѣхъ узнаетъ — пожалуйте !... »

Рославлевъ вошелъ въ избу. Въ переднемъ углу, на лавкѣ, лежалъ раненый. Всѣ признаки близкой смерти изображались на лицѣ умирающаго, но кроткой взоръ его былъ ясенъ и покоенъ.

— « Это ты, Рославлевъ? » сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ. « Какъ я радъ, что могу, еще хоть разъ, поговорить съ тобою. Садись! »

— « Но я думаю, вамъ запрещено говорить? » сказалъ Рославлевъ.

— « Да, было запрещено вчера, а сегодня я получилъ разрѣшеніе. »

— « По этому вы чувствуете себя лучше ? »

— « О, гораздо ! я черезъ нѣсколько часовъ умру. »

— « Нѣтъ ! » вскричалъ Рославлевъ, « не можетъ быть.... я не хочу вѣрить.... »

— « Чтобъ старый твой пріятель могъ умереть ? » перервалъ съ улыбкою Сурской. « Въ самомъ дѣлѣ, это невѣроятно ! »

— « Но вы такъ спокойны ?... »

— « Да о чемъ же мнѣ безпокоиться? Ты вѣрно знаешь, кто сказалъ: « придите вси труждающіе, и Азъ успокою васъ. » А я много трудился, мой другъ! Долго былъ игралищемъ всѣхъ житейскихъ непогодъ и, видитъ Богъ, усталъ. Всю жизнь боролся съ страстями, рѣдко оставался побѣдителемъ, грѣшилъ, гнѣвилъ Бога ; но всегда съ дѣтской любовію лобызалъ руку, меня наказующую — такъ чего же мнѣ бояться ? Я иду къ Отцу моему ! »

Сурской замолчалъ. Нѣсколько минутъ Рославлевъ смотрѣлъ, не говоря ни слова, на это кроткое, спокойное лице умирающаго Христіанина. »Боже мой! вскричалъ онъ наконецъ, « что сказалъ бы невѣрующій, еслибъ онъ также, какъ я, видѣлъ послѣднія ваши минуты?

— « Онъ сказалъ бы, мой другъ, » перервалъ Сурской, » что̀ я въ сильномъ бреду; что легковѣрное малодушіе свойственно дѣтямъ и умирающимъ; что увѣренность въ лучшей жизни, есть необходимое слѣдствіе недостатка просвѣщенія; что я человѣкъ запоздалый, что я нейду въ слѣдъ за моимъ вѣкомъ. О мой другъ! гордость и самонадѣянность найдутъ всегда тысячи способовъ затмить истину. Нѣтъ, Рославлевъ! одинъ Богъ можетъ смягчить сердце невѣрующаго. Я самъ былъ молодъ, и часто сомнѣніе, какъ лютый врагъ, терзало мою душу; разсудокъ обдавалъ ее холодомъ; я читалъ, искалъ вездѣ истины, готовъ былъ ѣхать за нею на край

свѣта, и нашелъ ее въ самомъ себѣ. Да, мой другъ! что значатъ всѣ разсужденія, трактаты, опроверженія, доводы, всѣ эти блёстки ума, передъ простымъ, безотчетнымъ убѣжденіемъ того, кто вѣруетъ? Все, что непонятно для нашего земнаго разсудка — такъ чисто, такъ ясно для души его! Она видитъ, осязаетъ, вѣруетъ, тогда какъ мы, съ бѣднымъ умомъ нашимъ, бродимъ въ потемкахъ и, желая достигнуть свѣта, часъ отъ часу становимся слѣпѣе....

Сурской остановился; силы его примѣтнымъ образомъ ослабѣвали. «Несчастные! « продолжалъ онъ, послѣ короткаго молчанія, « еслибъ они знали, чего имъ стоитъ, ихъ утѣшенное самолюбіе? Кто укрѣпляетъ ихъ въ бѣдствіи? Кого благодарятъ они въ минуту радости? Бѣдные, жалкіе сироты! они отреклись добровольно отъ Отца своего, заключили жизнь въ ея тѣсные, земные предѣлы. Ахъ, ихъ сердца, изсушен-

ныя гордостію и невѣріемъ, не испытаютъ никогда этой чистой, небесной любви, этаго неизъяснимаго спокойствія души.... ты понимаешь меня, Рославлевъ!... Бездушный противникъ вѣры, отрицающій все неземное, не можетъ любить; кто любитъ, тотъ вѣруетъ: а ты любилъ, мой другъ!

Сурской остановился; дыханіе его сдѣлалось чаще, прерывистѣе; онъ взялъ за руку Рославлева. « Да, Владиміръ Сергѣевичь, » сказалъ онъ, « я умираю спокойно; одна только мысль тревожитъ мою душу....» и свѣтлый взоръ умирающаго помрачился, а на блѣдномъ челѣ изобразились сердечная грусть и безпокойство. « Что станется съ нашей милой родиной? продолжалъ онъ. Неужели Господь насъ не помилуетъ? Неужели попуститъ Онъ злодѣямъ наругаться надъ всѣмъ, что для насъ свято, и сгубитъ до конца землю Русскую? Ахъ, мой другъ! еслибъ непреклонное правосудіе было прибѣжищемъ нашимъ,

то я потерялъ бы всю надежду. Не сами ли мы хотѣли быть рабами тѣхъ, кому покланялись, какъ идоламъ? Насмѣхаясь надъ добродушіемъ нашихъ предковъ — которые, при всемъ невѣжествѣ своемъ, были люди — не добивались ли мы чести называться обезьянами Французовъ? Вотъ они, наши образцы и наставники! Вотъ эти Французы, у которыхъ мы до сихъ поръ умѣли перенимать только то, что достойно порицанія! Намъ ли прибѣгать къ правосудію небесному? Нѣтъ! одно милосердіе Божіе можетъ спасти насъ. Ахъ, Рославлевъ! для чего я не умеръ годомъ прежде! Я не унесъ бы съ собою въ могилу ужасной мысли, что, можетъ быть, Русскіе будутъ рабами иноземцевъ, что кровь нашихъ воиновъ будетъ литься не за отечество, что они станутъ служить не Русскому Царю! О, эта мысль отравляетъ послѣднія мои минуты! Чувствую, мой другъ, что я грѣшу предъ Господомъ; что слишкомъ

еще привязанъ къ моему земному отечеству. Желалъ бы побѣдить это чувство, но оно такъ сильно, такъ связано съ моею жизнію.... а я живъ еще! Отечество!... Россія!... Пусть судитъ меня Господь! но я чувствую, что даже и тамъ — не перестану быть Русскимъ.»

Двери отворились, и полковой Священникъ вошелъ въ избу. «Теперь ступай, Владиміръ Сергѣевичъ!» сказалъ Сурской; «зайди ко мнѣ опять, часа черезъ два; быть можетъ, ты меня не застанешь; но я все таки не прощаюсь съ тобою. Я знаю твою душу, Рославлевъ: рано или поздно, а мы увидимся. И такъ до свиданья, мой другъ!»

Случалось ли вамъ провожать пріятеля, который, послѣ долгаго отсутствія, возвращается наконецъ на свою родину? Вамъ грустно съ нимъ разстаться; но если вы точно его любите, то по неволѣ улыбаетесь сквозь слезы, воображая, какъ весело будетъ ему обнять жену и дѣтей, увидѣть снова домъ отцевъ сво-

ихъ и отдохнуть въ немъ отъ всѣхъ трудовъ утомительной и скучной дороги. Точно тоже чувствовалъ Рославлевъ, прощаясь съ своимъ другомъ. Какое-то грустное и вмѣстѣ пріятное чувство, наполняло его душу; слезы градомъ катились по лицу его, по сердце было совершенно спокойно. Отойдя отъ избы, онъ пустился прямо полемъ къ тому мѣсту, гдѣ чернѣлись биваки передовой линіи. Когда Рославлевъ сталъ подходить къ балагану, въ которомъ Офицеры праздновали его возвращеніе, ему попался на встрѣчу Зарѣцкой. «Ага, бѣглецъ!» закричалъ онъ, увидя Рославлева; «развѣ этакъ порядочные люди дѣлаютъ? Мы пьемъ за твое здоровье, а ты далъ тягу!»

— «Ты знаешь, мой другъ, я много пить не люблю.

— «А я и люблю, да не могу: тотчасъ голова закружится. Я вышелъ немного провѣтриться. Да кстати! Графъ сей часъ поѣхалъ на передовую цѣпь; пойдемъ и мы туда.

— « Пожалуй, пойдемъ.

— « Правда по насъ будутъ стрѣлять, да вѣрно не попадутъ.

— « Не бѣда если и попадутъ, мой другъ.

— « А! да ты опять захандрилъ! Пойдемъ скорѣй, Владиміръ: я замѣтилъ, что подъ пулями ты всегда становишься веселѣе. »

Миновавъ биваки передовой линіи, они подошли къ нашей цѣпи. Впереди ея, на одномъ открытомъ и нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стоялъ, окруженный Офицерами, Русской Генералъ небольшаго роста, въ звѣздахъ и въ трехъугольной шляпѣ съ высокимъ салтаномъ. Казалось, онъ смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на одного молодцоватаго Французскаго кавалериста, который, отдѣлясь отъ непріятельской цѣпи, ѣхалъ прямо на нашу сторону впереди нѣсколькихъ всадниковъ, составляющихъ, повидимому, его свиту.

— « Какъ я радъ , » сказалъ Рославлевъ смотря на Русскаго Генерала, « что увижу наконецъ вблизи нашего Баярда. Представь себѣ , мнѣ до сихъ поръ не удалось ни разу хорошенько его разсмотрѣть !

— « Да , его надобно видѣть во время дѣла , перервалъ Зарѣцкой; « а если такъ , то онъ покажется тебѣ весьма обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ некрасавецъ , немолодецъ собою и даже неловокъ ; а взгляни на него , когда онъ въ самомъ пылу сраженія летаетъ соколомъ вдоль рядовъ своего безстрашнаго авангарда ; когда одинъ взглядъ его , одно слово , воспламеняетъ души всѣхъ солдатъ. Ученикъ и сослуживецъ Суворова , онъ обладаетъ, подобно ему, счастливымъ даромъ — увлекать за собою сердца Русскихъ воиновъ: указываетъ имъ на батарею — и она взята : даритъ ихъ непріятельскими колоннами — и онѣ истреблены. Но что это? никакъ парламентеръ? Видишь этихъ Фран-

цузовъ? Они ѣдутъ прямо на насъ. Пойдемъ поближе. »

Рославлевъ и Зарѣцкой смѣшались съ толпою Офицеровъ, которые окружали Начальника авангарда. Межъ тѣмъ Французы медленно приближались къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Русской Генералъ. Впереди ѣхалъ, видный собою мужчина, на сѣромъ красивомъ конѣ; черные, огненные глаза и густые бакенбарты, придавали мужественный видъ его прекрасной и открытой физіономіи; но въ тоже время, золотыя серьги, распущенные по плечамъ локоны, и вообще какая-то не-*мужская* щеголеватость, составляла самую чудную противуположность съ остальною частію его воинственнаго наряда, и безъ того отмѣнно страннаго. Онъ былъ въ куртκѣ готическаго покроя, съ стоячимъ воротникомъ, на которомъ блистало генеральское шитье: надѣтая немного на бокъ Польская шапка, украшенная пукомъ строусовыхъ перьевъ; пунцовыя

гусарскія чихчиры и богатый Персидской кушакъ; желтые ботинки, и осыпанная бриліантами Турецкая сабля; Французское сѣдло, и вся остальная сбруя Азіатская; вмѣсто чепрака тигровая кожа, однимъ словомъ: весь нарядъ его и уборъ лошади, составляли такое странное смѣшеніе Азіатскаго съ Европейскимъ, древняго съ новѣйшимъ, мужскаго съ женскимъ, что Зарѣцкой не могъ удержаться отъ невольнаго восклицанія и сказалъ вслухъ: « Кой чортъ! что это за Герольда выслали къ намъ Французы? Ужъ нѣтъ ли у нихъ конныхъ тамбуръ-мажоровъ? »

— « Что вы? » шепнулъ одинъ изъ Адьютантовъ Русскаго Генерала; « это Мюратъ. »

— Какъ! Неаполитанской Король? »

— « Да. »

— « Хорошо же ему такъ дурачиться; вздумалъ бы этакъ пошалить нашъ братъ простой Офицеръ....

« Такъ его бы посадили въ сумасшедшій домъ — разумѣется! Но тише: онъ слѣзаетъ съ лошади; вотъ и Графъ къ нему подошелъ.... Подойдемте и мы поближе. Нашъ Генералъ не Дипломатъ, и любитъ вслухъ разговаривать съ непріятелемъ. »

Зарѣцкой и Рославлевъ подошли вмѣстѣ съ Адьютантомъ къ Русскому Генералу въ то время, какъ онъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, спрашивалъ Мюрата о томъ, что доставило ему честь видѣть у себя въ гостяхъ Его Королевское Величество?

— « Генералъ! » сказалъ Мюратъ, « извѣстны ли вамъ поступки вашихъ Казаковъ? Они стрѣляютъ по фуражирамъ, которыхъ я посылаю въ разныя стороны; даже крестьяне ваши, при ихъ помощи, убиваютъ нашихъ отдѣльныхъ Гусаръ. »

— « Я очень радъ, » отвѣчалъ Русской Генералъ, « что Казаки въ точности исполняютъ мои приказанія; мнѣ

также весьма пріятно слышать изъ устъ Вашего Величества, что крестьяне наши показываютъ себя достойными имени Русскихъ. »

— « Но это совершенно противно принятымъ повсюду обыкновеніямъ, и если это продолжится, то я буду вынужденъ посылать цѣлыя колонны для прикрытія моихъ фуражировъ. »

— « Тѣмъ лучше, Ваше Величество. Офицеры мои жалуются, что уже три недѣли ничего не дѣлаютъ: они горятъ желаніемъ брать пушки и знамена. »

— « Но къ чему стараться раздражать другъ противъ друга два народа, достойные во всѣхъ отношеніяхъ взаимнаго уваженія? »

— « Я и Офицеры мои всегда готовы оказывать Вашему Величеству всевозможные знаки почтенія; но фуражировъ вашихъ всегда будемъ брать въ плѣнъ, и всегда разбивать колонны, которыя вы станете посылать для ихъ прикрытія. »

Мюратъ нахмурился, и помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ съ досадою: « Генералъ! непріятеля не бьютъ словами; взгляните на карту: вы увидите занятыя нами у васъ провинціи, и то, куда мы зашли. »

— « Карлъ двѣнадцатый заходилъ еще далѣе, » отвѣчалъ спокойно Русской Генералъ: « онъ былъ въ Полтавѣ. »

— « Но мы всегда оставались побѣдителями, » сказалъ съ гордымъ взглядомъ Мюратъ.

— « Всегда? Русскіе сражались только при Бородинѣ. »

— « Да, и послѣ этаго сраженія мы взяли Москву. »

— « Извините, Ваше Величество! Москва была оставлена. »

— « Какъ бы то ни было, но мы владѣемъ вашей древней Столицею. »

— « Такъ, Ваше Величество! и эта мысль мучительна для всякаго Русскаго! Это величайшая жертва, принесенная

нами для спасенія Отечества, и мы начинаемъ уже пользоваться выгодами, происходящими отъ этого пожертвованія.»

— « Выгодами? Какими? »

— « Мнѣ извѣстно, что Наполеонъ посылалъ Генерала Лористона къ нашему Главнокомандующему, для переговоровъ о мирѣ; я знаю, что ваши войска должны довольствоваться, въ теченіи двухъ и болѣе сутокъ, тѣмъ, что едва достаточно для прокормленія ихъ въ одни сутки.... »

— « Эти извѣстія совершенно ложны, » перервалъ Мюратъ.

— « Я знаю, » продолжалъ хладнокровно Русской Генералъ, » что Король Неаполитанскій пріѣхалъ ко мнѣ просить пощады своимъ фуражирамъ и и завести родъ переговоровъ, чтобъ успокоить, хотя нѣсколько, своихъ солдатъ.

— « Извините! » перервалъ Мюратъ, стараясь скрывать свою досаду и сму-

щеніе ; « я посѣтилъ васъ совершенно случайно: мнѣ хотѣлось только открыть вамъ , происходящія у васъ злоупотребленія; неустройство большое несчастіе для арміи: оно ослабляетъ ее. »

— « Но въ такомъ случаѣ , » возразилъ съ улыбкою Русской Генералъ , « Вашему Величеству надлежало бы поощрять насъ къ этому. Прекрасное неустройство , которымъ мы истребляемъ Французскихъ фуражировъ ! »

— « Впрочемъ , Генералъ ! вы ошибаетесь на счетъ нашего положенія. Москва всѣмъ достаточно снабжена; мы ожидаемъ безчисленныхъ подкрѣпленій, которыя къ намъ идутъ. »

— « Но неужели , Ваше Величество , думаете , что мы далѣе отъ нашихъ подкрѣпленій , чѣмъ вы отъ своихъ ? »

Мюратъ снова замолчалъ. Смущеніе его становилось часъ отъ часу замѣтнѣе ; онъ перебиралъ концы своего богатаго кушака , поглядывалъ съ разсѣ-

яшнымъ видомъ на всѣ стороны и рѣшился наконецъ объявить, что пріѣхалъ жаловаться на нашихъ аванпостныхъ начальниковъ. « Я отдаюсь на ваше правосудіе, Генералъ! » сказалъ онъ, « ваши солдаты дважды стрѣляли по нашимъ парламентерамъ. »

— « Да мы и слышать о нихъ не хотимъ, » отвѣчалъ Русской Генералъ. « Мы желаемъ сражаться, а не переговоры вести. И такъ примите ваши мѣры.... »

— « Какъ, сударь? » вскричалъ Мюратъ, по этому и я здѣсь не въ безопасности? »

— « Ваше Величество на многое отважитесь, если въ другой разъ захотите сюда пріѣхать; но сего дня я буду имѣть честь самъ проводить васъ до вашихъ аванпостовъ. Гей, лошадь! »

— « Признаюсь, я никогда не слыхивалъ о такомъ образѣ войны! » сказалъ съ досадою Мюратъ.

— « А я думаю, что слышали, » возразилъ Русской Генералъ, садясь на лошадь.

— « Но гдѣ же? »

— « Въ Испаніи. »

— « Ну, » сказалъ Рославлевъ, « смотря въ слѣдъ за уѣзжающимъ Мюратомъ, « напрасно же Его Величество изволилъ трудиться.... »

— « Знаешь ли, что онъ мнѣ теперь напомнилъ? » перервалъ Зарѣцкой. « Лафонтень разсказываетъ объ одной безхвостой лисицѣ....

— « А вѣдь это хорошая примѣта, » сказалъ Рославлевъ, « когда волки становятся лисицами?...

— « Такъ видно догадались, что попали въ западню, » примолвилъ Зарѣцкой. « Ну что, Владиміръ, » продолжалъ онъ, « не отправиться ли намъ пообѣдать, чѣмъ Богъ послалъ? »

— « Ступай, мой другъ! а я зайду на минуту провѣдать Сурскаго. »

Рославлевъ засталъ еще въ живыхъ своего умирающаго друга; но онъ не могъ уже говорить. Спокойно, съ тихою улыбкою на устахъ, закрылъ онъ на вѣкъ глаза свои. Послѣдній вздохъ его былъ молитвою за милую родину!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

РОСЛАВЛЕВЪ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ЧАСТЬ IV.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЗАГОСКИНА.

Изданіе третье.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 14 дня, 1850 года.

Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

РОСЛАВЛЕВЪ,

или

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА I.

Мы не можемъ и не должны описывать всѣхъ подробностей Отечественной войны 1812-го года. Романъ не Исторія. Но порядокъ нашего повѣствованія требуетъ, чтобъ мы, хотя въ короткихъ словахъ, разсказали, что̀ дѣлалось въ Россіи до того времени, когда намъ можно будетъ вывести снова на сцену, и заставить говорить дѣйствующія лица этой повѣсти. Всѣмъ извѣстно, какъ Наполеонъ оставилъ

Москву; но не всѣ еще увѣрены, что онъ по неволѣ долженъ былъ отступить по Смоленской дорогѣ. Чтожъ могло заставить Наполеона идти назадъ, черезъ мѣста совершенно опустошенныя войною, и слѣдовательно уморить навѣрное голодной смертію свое войско? Что?... Все, что вамъ угодно. Наполеонъ сдѣлалъ это по упрямству, по незнанію, даже по глупости—только непремѣнно по собственной своей волѣ: ибо, въ противномъ случаѣ, надобно сознаться, что Русскіе били Французовъ, и что подъ Малымъ Ярославцемъ не мы, а они были разбиты; а какѣ согласиться въ этомъ, когда Французскіе бюллетени говорятъ совершенно противное? Но если мы никогда не били непріятеля, то отъ чего же погибла вся армія Наполеона? И, Боже мой!... а морозъ-то на что?—Такъ говоритъ самъ Наполеонъ, такъ говорятъ почти всѣ Французскіе писатели; а есть люди (мы не скажемъ, къ какой они принадлежатъ націи), которые

полагаютъ, что Французскіе писатели всегда говорятъ правду — даже и тогда, когда увѣряютъ, что въ Россіи нѣтъ соловьевъ; но есть за то фруктъ, величиною въ вишню, который называется арбузомъ; что Русскіе происходятъ отъ Татаръ, а Венгерцы отъ Славянъ; что Кавказскія горы отдѣляютъ Европейскую Россію отъ Азіятской; что у насъ, знатныхъ людей обыкновенно вѣнчаютъ Архіереи; что *нѣма глебонишъ попоиско рюскофъ* — самая употребительная фраза на чистомъ Русскомъ языкѣ; что названіе Славянъ происходитъ отъ Французскаго слова Esclaves, и что, наконецъ, въ 1812 году Французы били Русскихъ, когда шли впередъ, били ихъ же, когда бѣжали назадъ; били подъ Москвою, подъ Тарутиномъ, подъ Краснымъ, подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Полоцкомъ, подъ Борисовымъ и даже подъ Вильною, то есть: тогда уже, когда не кому насъ было бить, еслибъ мы и сами этого хотѣли. —И такъ,

не вступая по сему предмету ни въ какіе споры съ людьми, которые стоятъ въ томъ,

Что всякой логики сильнѣе
Француза милаго слова!

мы скажемъ только, что непріятель оставилъ Москву 10-го Октября, прогостивъ въ ней мѣсяцъ и восемь дней. Наполеонъ, прощаясь навсегда съ древней столицею Россіи, велѣлъ подорвать Кремль. Это варварское, достойное среднихъ временъ, приказаніе, было выполнено. Въ военномъ отношеніи, Московской Кремль нельзя назвать не только крѣпостію, но даже простымъ укрѣпленнымъ лагеремъ; слѣдовательно раззореніе его не могло ни въ какомъ случаѣ быть полезнымъ для Французовъ; а раззорять, что бы то ни было, безъ взякой пользы и для себя и для другихъ, свойственно только варварамъ и сумасшедшимъ. Мы представляемъ безусловнымъ обожателямъ Наполеона оправдать чѣмъ нибудь этотъ Вандальской по-

ступокъ; вѣроятно, они откроютъ какія нибудь *геніальныя* причины, побудившія Императора Французовъ къ сему безумному и дѣтскому мщенію; и трудно ли этимъ господамъ доказать такую бездѣлку, когда они математически доказываютъ, что Наполеонъ былъ не только величайшимъ военнымъ геніемъ, въ чемъ никто съ ними и не споритъ; но что онъ, въ то же время, могъ служить образцемъ всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей, то есть: что онъ былъ добръ, справедливъ и даже.... чувствителенъ!!!

Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ, чтобы прорваться въ богатѣйшія провинціи Россіи, разстроенный, сбитый съ толку знаменитымъ фланговымъ маршемъ нашего безсмертнаго Князя Смоленскаго, Наполеонъ долженъ былъ по неволѣ отступить по той же самой дорогѣ, по которой шелъ къ Москвѣ.

Мы не станемъ исчислять всѣхъ неизъ-

ственныхъ бѣдствій, постигшихъ Французовъ во время сего гибельнаго отступленія. И какое перо опишетъ это быстрое, а вмѣстѣ медленное истребленіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ воиновъ, привыкшихъ побѣждать, или умирать съ оружіемъ въ рукахъ, на полѣ чести, но незнакомыхъ еще съ ужасами безпорядочнаго отступленія? Какое описаніе можетъ дать, хотя слабое понятіе, о цѣлыхъ тысячахъ людей, полузамерзшихъ, не имѣющихъ человѣческаго образа, готовыхъ пожирать другъ друга? Нѣтъ! надобно было слышать эти дикіе вопли, этотъ отвратительный, охрипшій вой людей, умирающихъ отъ голода; надобно было видѣть этотъ безумный, неподвижный взоръ какого нибудь стараго солдата, который, сидя на грудѣ умершихъ товарищей, воображалъ, что онъ въ Парижѣ, и разговаривалъ вслухъ съ дѣтьми своими. Надобно было все это видѣть и привыкнуть смотрѣть на это, чтобъ постигнуть наконецъ, съ какимъ

отвращеніемъ слушаетъ похвалы доброму сердцу и чувствительности Императора Французовъ тотъ, кто былъ свидѣтелемъ сихъ ужасныхъ бѣдствій и знаетъ адское восклицаніе Наполеона: «*солдаты?... и, полноте! поговоримте-ка лучше о лошадяхъ!*» (*)

Переправа черезъ Березину довершила гибель непріятеля: самъ Наполеонъ едва успѣлъ спастись; но за то послѣдняя надежда Французской арміи, корпусъ Нея, былъ совершенно разбитъ. Послѣ сраженія подъ Борисовымъ, отступленіе Французовъ превратилось въ настоящее бѣгство. Цѣлыя колонны, побросавъ оружіе, спѣшили спасаться отъ холодной смерти

(*) Такъ отвѣчалъ Наполеонъ одному изъ Генераловъ, который сталъ ему докладывать о бѣдственномъ положеніи его *солдатъ*. Можетъ быть, этотъ анекдотъ не справедливъ; но прочтя со вниманіемъ всю политическую и военную жизнь Наполеона, какъ не скажешь: si non é vero é ben trovato.

[illegible] наши вой-
[illegible] остановлены,
[illegible] будутъ испол-
[illegible] Государя: «*ни*
[illegible] *врага не оста-*
[illegible] *Царства.*» Но
[illegible] а поднявъ его
[illegible] народовъ всей Евро-
[illegible] войска, одинъ, про-
[illegible] во Францію, все еще
[illegible] Германіи. Наши ле-
[illegible] преслѣдуя остатки бѣгу-
[illegible] перешли за границу.
[illegible] одушевило всѣ серд-
[illegible] возстали первые, и
[illegible] мѣсяцемъ, надмен-
[illegible] местью въ сердцѣ,
[illegible] предводительствуя
[illegible] опять на бере-
[illegible] уже искалъ ра-
[illegible] его волѣ: вездѣ встрѣ-
[illegible] свободные сыны Герма-
[illegible] радостныя восклицанія и наши

Волжскія пѣсни, гремѣли тамъ, гдѣ нѣкогда раздавались побѣдные крики его войска и вопли угнетенныхъ народовъ.

Генералъ, при которомъ служилъ Рославлевъ, порейдя за границу, присоединился съ своей дивизіею къ войскамъ, назначеннымъ для осады Данцига; а полкъ Зарѣцкаго остался по прежнему въ авангардѣ Русской большой арміи. Съ большимъ горемъ простились наши друзья. « Послушай, Владиміръ! » сказалъ Зарѣцкой, обнимая въ послѣдній разъ Рославлева: « говорятъ, что въ Данцигѣ тысячь тридцать гарнизона, а что всего хуже, этимъ гарнизономъ командуетъ молодецъ Рапп, такъ вы не скоро добьетесь толку, и простоите долго на одномъ мѣстѣ. Я буду къ тебѣ писать, а ты не безпокойся: по всему видно, что наша большая армія не будетъ отдыхать на лаврахъ, а отправится прямой дорогой.... Ахъ, братецъ! то-то бы славно, визитъ за визитъ! Какое бы письмо я написалъ тебѣ изъ Па-

рить! Ну, прощай, мой другъ! да смотри—не хандри; сдѣлайся по прежнему нашимъ братомъ весельчакомъ, влюбись въ какую нибудь Нѣмецкую Шарлотту, такъ авось Русская Полина выдетъ у тебя изъ головы.

— «Несчастная!» сказалъ Рославлевъ «гдѣ она теперь?»

— «Гдѣ? Если осталась въ Москвѣ, то вѣроятно жива; если же, на бѣду, потащилась за своимъ мужемъ....»

— «О, безъ всякаго сомнѣнія! Ты не знаешь, къ чему способна эта необыкновенная женщина: она скорѣй разсталась бы съ своимъ мужемъ, еслибъ онъ былъ счастливъ. Всѣмъ пожертвовать тому, кого она любитъ, дѣлить его страданія, умереть вмѣстѣ съ нимъ мучительной смертію, однимъ словомъ: все то, что для другой женщины было бы высочайшей степенью самоотверженія — такъ обыкновенно, такъ легко для Полины! Если ей удастся облегчить хотя на минуту муче-

нія своего друга, то она станетъ благословлять судьбу—благодарить Бога за всѣ свои страданія! Ахъ, мой другъ! для чего не суждено ей было принадлежать мнѣ?»

— «Полно, братецъ! перестань объ этомъ думать. Конечно жаль, что этотъ Французъ приглянулся ей больше тебя, да вѣдь этому помочь не льзя, такъ о чемъ же хлопотать? — Прощай, Рославлевъ! Жди отъ меня писемъ; да въ самомъ дѣлѣ, поторопись влюбиться въ какую нибудь Нѣмку. Говорятъ, онѣ всѣ пресантиментальныя, и если у тебя не пройдетъ охота вздыхать, такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ кому поплакать вмѣстѣ съ тобою Ну, до свиданья, Владиміръ!»

Начиная снова нашу повѣсть, доведенную нами до перехода Русскихъ за границу, мы должны предувѣдомить читателей, что дѣйствіе происходитъ уже въ

Ноябрѣ мѣсяцѣ 1813 года, подъ стѣнами Данцига, осажденнаго Русскимъ войскомъ, въ помощь которому прикомандировано было нѣсколько баталіоновъ Прусскаго Ландвера или Ополченія.

ГЛАВА II.

Нѣмцы называютъ Нерунгомъ узкую полосу земли, которая, идя отъ самаго Данцига, вдается длиннымъ мысомъ въ заливъ Балтійскаго моря, извѣстный въ Германіи подъ названіемъ *Фришъ-Гафа*. Этотъ клочекъ земли, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ и покрытый зеленѣющими садами, посреди которыхъ мелькаютъ красивыя деревенскія усадьбы, походитъ, съ перваго взгляда, на узорчатую ленту, которая, какъ будто бы опоясывая весь

заливъ, и становясь часъ отъ часу блѣднѣе, исчезаетъ наконецъ изъ глазъ, сливаясь вдали съ туманнымъ горизонтомъ, на краю котораго бѣлѣются высокія колокольни Прусскаго городка Пилау. Небольшой Артиллерійскій паркъ и отрядъ Русскаго войска, состоящій изъ одной сильной пѣхотной роты, расположены были на этомъ мысѣ въ деревенькѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ садами. Находясь позади всѣхъ нашихъ линій и верстахъ въ пяти отъ траншей, коими обхвачены были всѣ передовыя укрепленія непріятельскія, сей резервный отрядъ смотрѣлъ только за тѣмъ, чтобъ деревенскіе жители не провозили моремъ въ осажденный городъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ гарнизонъ давно уже нуждался.

Въ просторномъ домѣ одного богатаго Ландсмана (*), посреди свѣтлой комнаты,

(*) *Ландсманъ*, зажиточный крестьянинъ, имѣющій собственную землю.

украшенной необходимыми для каждаго зажиточнаго крестьянина старинными стѣнными часами, широкою рѣзною кроватью и огромнымъ сундукомъ изъ орѣховаго дерева, сидѣли за налощеннымъ дубовымъ столомъ, составляющимъ также часть наслѣдственной мебели: Артиллерійскій Поручикъ Ленской, пріѣхавшій навѣстить его Уланской Ротмистръ Сборской и старый нашъ знакомецъ, Командиръ пѣхотной роты, Капитанъ Зарядьевъ. Передъ ними, въ нѣсколькихъ красивыхъ фаянсовыхъ блюдахъ, поставленъ былъ, весьма опрятно и разнообразно приготовленный картофель. Огромная кружка съ пивомъ и высокіе стеклянные стаканы занимали остальную часть стола.

— «Не угодно ли покушать?» сказалъ улыбаясь Сборской, подвигая къ Ленскому новое блюдо, которое хозяйка дома, съ вѣжливою улыбкою, поставила на столъ.

— «Тьфу пропасть!» вскричалъ съ досадою Ленской. «Вареный картофель,

печеный картофель! жареный картофель!... Да будетъ ли конецъ этому проклятому картофелю? »

— « А тебѣ бы хотѣлось такъ, какъ у насъ въ Петербургѣ, у Жискара, кусокъ хорошаго бивстекса?... Не правда ли? Котлету съ трюфелями?... Сотеде-Желитонъ? »

— « Эхъ, полно, братецъ! не дразни. Да неужели и сего дня не пріѣдутъ съ провіантомъ изъ Дершау? Вотъ ужъ третій день, какъ мы здѣсь на пищѣ Святаго Антонія. »

— « Такъ чтожъ? » сказалъ хладнокровно Капитанъ Зарядьевъ, который, опорожнивъ глубокую тарелку съ вареннымъ картофелемъ, закурилъ спокойно свою корневую трубку. « Оно и кстати: о Спажинкахъ на святой Руси и волею постятся. »

— « Оспажинкахъ? Что за Спажинки? » спросилъ Сборской.

Зарядьевъ перестaлъ курить, и взглянувъ съ удивленіемъ на Сборскаго, повторилъ « Что за Спажинки?... Неужели ты не знаешь?... Да, бишь, виноватъ!... совсѣмъ забылъ: вѣдь вы кавалеристы народъ модный, воспитанный, шаркуны! Вотъ кабы я заговорилъ съ тобой по-Французски, такъ ты бы каждое слово понялъ.... У насъ на Руси зовутъ Спажинками Успенской постъ. »

— « А все это проклятые Французы! » перервалъ Ленской. « Въ послѣднюю вылазку кругомъ насъ обобрали, разбойники! По ихъ милости, во всей нашей деревнѣ не осталось двухъ курицъ на лицо. »

— « Да! былъ на ихъ улицѣ праздникъ, » примолвилъ Сборской, « побуянили порядкомъ! За то теперь притихли, голубчики: не смѣютъ носа показать изъ крѣпости. »

— « Не смѣютъ? а проходитъ ли хотя одна ночь, чтобъ они не тревожили наши аванпосты? »

— « Да это все проказитъ..., тотъ.... какъ бишь его? ну вотъ тотъ.... чортъ его побери.... »

— « Шамбюръ? »

— « Да, да! Шамбюръ. Говоритъ, что онъ изо всего гарнизона выбралъ себѣ сотню такихъ же сорванцовъ, какъ онъ самъ, и назвалъ ихъ: La compagnie infernale.... »

— « Какъ? » спросилъ Зарядьевъ.

— « La compagnie infernale, то есть: адская рота. »

— « Ахъ, они самохвалишки! Адская рота!... Помнится, они называли Гренадерскіе полки, которыми командовалъ Удинотъ, также адскою Дивизіею; однакожъ подъ Клястицами, а потомъ, подъ Полоцкомъ....»

— « Что? чай дурно дрались? » спросилъ насмѣшливо Сборской.

— « Дрались-то хорошо, а все-таки Полоцка не отстояли. Что они, запугать столь насъ хотятъ? Адская рота!... »

— «Я нечаянно сказалъ.» перервалъ Сборской. «Этотъ Шамбюръ колдунъ! И чортъ его знаетъ, какъ онъ всегда вывернется? Откуда ни появится съ своей ротою, нашумитъ, напугаетъ, всѣхъ перетревожитъ, да и былъ таковъ!»

— «А кто такой этотъ Шамбюръ?» спросилъ Ленской.

— «Разумѣется — Французскій Офицеръ.»

— «Пѣхотинецъ?»

— «И! что ты? вѣрно Кавалеристъ.»

— «А почему не пѣхотный?» спросилъ Зарядьевъ.

— «Почему?... почему?... Во первыхъ потому, что Рославлевъ, котораго посылали изъ главной квартиры парламентеромъ въ Данцигъ, видѣлъ его въ Гусарскомъ мундирѣ....»

— «Такъ по этому онъ и Кавалеристъ?» возразилъ Зарядьевъ. «Да развѣ у этихъ Французовъ есть какая нибудь форма? Кто какъ хочетъ, такъ и одѣвайся,

Насмотрѣлся я на эту вольницу: у одного на мундирѣ шесть пуговицъ, у другаго восемь; у этого портупея по мундиру, у того подъ камзоломъ; ну вовсе на военныхъ не походятъ. Поглядѣлъ бы я на ихъ ученье — то-то, чай, умора! А ужъ какъ они ретировались изъ Москвы—Господи, Боже мой!... Кто въ дамскомъ салопѣ, кто въ лисьей шубѣ, кто въ стихарѣ—ну сущій маскарадъ!»

— «Хороши были и мы!» сказалъ Ленской.

— «Конечно, и у насъ единообразія не было, а все-таки, бывало, хоть въ нагольномъ тулупѣ, а шарфомъ подвяжешься.... Чу!... что это?... выстрѣлъ!»

— «Это Двинской съ своимъ рундомъ, сказалъ Ленской, взглянувъ въ окно. «Я слышу его голосъ.»

— «Какъ же онъ смѣлъ дѣлать тревогу?... Развѣ я не отдалъ въ приказѣ по ротѣ....»

— «У нихъ ружья заряжены, такъ можетъ быть, кто нибудь изъ солдатъ не остережется.... Ну такъ и есть!... Я слышу, онъ кричитъ на Унтеръ-Офицера».

Черезъ нѣсколько минутъ Двинской вошелъ въ комнату. «Господинъ Подпоручикъ!» сказалъ Зарядьевъ, «что значитъ этотъ безпорядокъ?... Стрѣлять по пробитіи зари!...»

— «Это случилось нечаянно, Василій Ивановичъ!» отвѣчалъ почтительно Двинской. «Унтеръ-Офицеръ, Дёминъ, сталъ спускать курокъ....»

— «Вотъ я его выучу спускать курокъ.... Завтра, какъ пробьютъ зорю....

— «Василій Ивановичъ!» перервалъ въ полголоса Двинской, «вы вѣрно не забыли, что въ прошломъ мѣсяцѣ, когда непріятель дѣлалъ вылазку....»

— «Извольте, сударь, молчать! Или вы думаете, что ротный Командиръ хуже васъ знаетъ, что Дёминъ Унтеръ-Офицеръ исправный и въ дѣлѣ молодецъ?... Но та-

кая непростительная оплошность.... Прикажите Фельд-фебелю нарядить его дежурить по ротѣ безъ очереди на двѣ недѣли; а такъ какъ вы, господинъ Подпоручикъ, отвѣчаете за вашу команду, то если въ другой разъ случится подобное происшествіе....»

— «Тьфу, дьявольщина! какой ты строгой начальникъ, Зарядьевъ!» сказалъ, улыбаясь, Сборской.

— «Прошу не погнѣваться! Мы не кавалеристы, и лучше вашего знаемъ дисциплину; дружба дружбой, а служба службой.... Рекомендую вамъ впередъ быть осторожнѣе, господинъ Подпоручикъ! А межъ тѣмъ садись-ка, братъ! Ты, чай! усталъ, и хочешь что нибудь перекусить.»

Ласковыя слова Капитана въ одну минуту развеселили Двинскаго, который, хотя почтительно, но съ примѣтнымъ неудовольствіемъ выслушалъ строгой выговоръ своего взыскательнаго начальника. «Нѣтъ, господа!» сказалъ онъ, снимая свою

саблю, «позвольте мнѣ васъ поподчивать: я захватилъ цѣлую лодку съ провіантомъ, и если вамъ угодно разговѣться....»

— «Какъ не угодно!» вскричалъ Ленской. «Однакожъ, послушай! Ужъ не однимъ ли картофелемъ нагружена твоя лодка?...»

— «Не бойтесь! Найдется кой-что и на бивстексъ.»

— «Брависсимо!... Вели же скорѣй варить и жарить.... Эй, хозяйка!... Мадамъ!... Либе фрау!... Сборской! скажи ей по-Нѣмецки, что мы просимъ ее заняться стряпнею.»

— «Господинъ Подпоручикъ!» сказалъ Зарядьевъ, «для чего вы не отрапортовали мнѣ, что взяли лодку съ провіантомъ?»

— «Да развѣ ты глухъ?» вскричалъ Сборской. «Какого еще надобно тебѣ рапорта?»

— «Извольте, сударь, рапортовать по формѣ,» продолжалъ Зарядьевъ, вставая важно съ своего мѣста.

— «Честь имѣю донести,» сказалъ Двинской, опустя руки по швамъ, «что я, обходя цѣпь, протянутую по морскому берегу, замѣтилъ, шагахъ въ пятидесяти отъ него, лодку, которая плыла въ Данцигъ; и когда гребцы, не смотря на окликъ часовыхъ, не отвѣчали и не останавливались, то я велѣлъ закричать лодкѣ причаливать къ берегу; а чтобъ приказаніе было скорѣе исполнено, скомандовалъ моему рунду приложиться.»

— «Хорошо!»

— «Гребцы не слушались. Я приказалъ фланговому солдату выстрѣлить.»

— «Хорошо!»

— «Пулею сшибло одному гребцу шляпу....»

— «Хорошо! А кто былъ фланговымъ?»

— «Иванъ Петровъ».

— «Хорошій стрѣлокъ!»

— «Лодка остановилась, и когда я закричалъ, что открою по нихъ батальный

огонь, гребцы принялися за веслы, причалили къ берегу....»

— «Довольно!» вскричалъ Сборской: «остальное мы знаемъ.»

— «Я не слышалъ и не знаю ничего: извольте продолжать.»

— «По обыску въ лодкѣ нашлись съѣстные припасы; гребцы объявили, что везли ихъ въ Данцигъ для стола Французскаго Коменданта, Генерала Раппа...»

— «Ага!» вскричалъ Ленской, «такъ Его Превосходительство будетъ завтра постничать!...»

— «Вотъ вздоръ!» перервалъ Сборской; «они еще не всѣхъ лошадей переѣли. Рославлевъ сказывалъ, что видѣлъ въ городѣ цѣлый взводъ конныхъ Егерей.»

— «Господинъ Подпоручикъ!» сказалъ Зарядьевъ, «завтра, чѣмъ свѣтъ, извольте отправить гребцовъ за крѣпкимъ карауломъ въ главную квартиру; а подъ захваченный вами непріятельской провіантъ по-

требуйте—также завтра, изъ ближайшаго парка нужное число форшпанокъ.»

— «За чѣмъ?» спросилъ Сборской.

— «Я при рапортѣ представлю его въ главную квартиру.»

— «Съ ума ты сошелъ!» вскричалъ Ленской; «иль ты думаешь, что въ главной квартирѣ нечего ѣсть?»

— «Это не мое дѣло.»

— «Помилуй, братецъ! Мы умираемъ здѣсь съ голоду.»

— «Неправда! у насъ есть картофель».

— «Чортъ возьми твой картофель, и тебя съ нимъ вмѣстѣ! Послушай, Зарядьевъ! оставь здѣсь хоть половину!»

— «Не могу. Все захваченное у непріятеля должно доставлять при рапортѣ въ главную квартиру.»

— «Голубчикъ! душенька!... пожалуйста! хоть на сегодняшній и завтрашній день.»

— «Ну, добро, такъ и быть! ѣшьте

сего дня вдоволь, а завтра.... вы слышали мое приказаніе, господинъ Подпоручикъ».

— « Слышишь, Двинской ? » закричалъ Ленской. «Вели же поскорѣй отпустить хозяйкѣ все, чего она потребуетъ. Эй, мадамъ !... мутерхенъ !... мы хотимъ эсенъ!...много—очень много—филь! Сборской! скажи ей, чтобъ она готовила на десятерыхъ: можетъ быть, кто нибудь заѣдетъ; а не заѣдетъ, такъ мы и завтра доѣдимъ остальное».

— « Кому теперь заѣхать ?» сказалъ Зарядьевъ, посмотрѣвъ на свои огромные серебряные часы: « половина десятаго, и когда поспѣетъ вамъ ужинъ?»

— « Долго ли приготовить нѣсколько кусковъ бивстекса: это минутное дѣло.»

— « Постойте-ка! » сказалъ Ленской ; «мнѣ кажется, кто-то въѣхалъ къ намъ въ ворота.... Посмотрите, если къ намъ не нагрянутъ гости: чай, теперь на всѣхъ аванпостахъ знаютъ, что мы захватили обѣдъ господина Раппа.... Ну, не отгадалъ

ли я? Вотъ ужъ изъ главной квартиры стали къ намъ наѣзжать.»

— «Здравствуйте, господа!» сказалъ Рославлевъ, войдя въ комнату. «На силу я выбралъ время, чтобъ съ вами повидаться. Ну, что, какъ поживаете?»

— «Здорово, Владиміръ!» вскричалъ Сборской. «Милости просимъ! Ты ужинаешь съ нами?»

— «И даже ночую.»

— «Ну, садись и разсказывай, что слышно новаго? Что у васъ дѣлаютъ? Долго ли намъ кочевать вокругъ Данцига? Не поговариваютъ ли о сдачѣ? Вѣдь мы здѣсь настоящіе провинціалы: не знаемъ ничего, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ. Ну, чтожъ молчишь? Говори, что новаго?».

— «Во-первыхъ новое то, что вы видите меня живаго.»

— «Какъ такъ?»

— «Да такъ. Вчера вечеромъ меня послали въ траншеи съ приказаніями къ отрядному начальнику. Исполнивъ данное

мнѣ порученіе, я сталъ въ промежуткѣ пушечныхъ выстрѣловъ, кой о чемъ болтать съ артиллерійскими Офицерами. Между тѣмъ на дворѣ смерклось; наши выстрѣлы стали рѣже; влѣво на Гагельсбергѣ (*) Французы продолжали отстрѣливаться, а противъ насъ на Бишофсбергѣ вдругъ все замолкло; мы подошли поближе къ туранъ, выглянули, и я въ первый разъ увидѣлъ вблизи этотъ грозный Бишофсбергъ, который, какъ громовая туча, заслонялъ отъ насъ городъ. При каждомъ взрывѣ нашихъ бомбъ и гранатъ освѣщались непріятельскія батареи; но солдатъ не было видно; Французы сидѣли спокойно за толстымъ брустверомъ и отмалчивались. «Кой чортъ?» сказалъ артиллерійской Капитанъ, который стоялъ возлѣ меня, «что они — заснули что-ль? «Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ вдругъ..., Господи Боже мой!... мнѣ

(*) Гагельсбергъ и Бишофсбергъ, двѣ укрѣпленныя горы, подлѣ самой крѣпости города Данцига.

показалось, что весь Бишефсбергъ вспыхнулъ; народъ закипѣлъ на непріятельскихъ батареяхъ, ядра посыпались, и поднялась такая адская трескотня! .. Ну повѣрите-ль? до сихъ поръ еще гудитъ въ ушахъ. Одно ядро попало въ амбразуру, подлѣ которой я стоялъ; меня съ ногъ до головы осыпало землею, и пока я отряхался и ощупывалъ себя, чтобъ увѣриться, на своемъ ли мѣстѣ моя голова и руки, справа въ траншеяхъ раздался крикъ: en avant! зазверкали огоньки, и двѣ или три пули свиснули у меня подъ самымъ носомъ.... «Французы, Французы!...» Гдѣ? спросилъ артиллерійской Капитанъ. «Здѣсь! въ траншеяхъ!...» — «Становись!... стрѣлки впередъ!» закричалъ отрядный начальникъ, и съ прострѣленной головой повалился на меня; на него упало еще человѣка два. Тутъ я ничего не взвидѣлъ, а слышалъ только, что надо мной визжали пули и раздавался крикъ Французскаго Офицера, который ревѣлъ, какъ бѣшеный: «ferme!...

feu de peloton!» Я сталъ выдираться изъ-подъ убитыхъ, и лишь только высвободилъ голову, какъ этотъ проклятый крикунъ сталъ одной ногой мнѣ на грудь и заревѣлъ опять: «en arrière! feu de-fil! bien, mes enfans!» Задыхаясь отъ боли и досады, я собирался уже укусить за ногу этого злодѣя; но онъ закричалъ: «repliez —vous!» отскочилъ назадъ, въ одинъ мигъ исчезъ вмѣстѣ съ своими солдатами; и я успѣлъ только замѣтить, при свѣтѣ выстрѣловъ, что этотъ крикунъ былъ въ богатомъ гусарскомъ мундирѣ.

— «Такъ это молодецъ Шамбюръ?» перервалъ Сборской.

— «Да, онъ. Мы узнали отъ двухъ захваченныхъ въ плѣнъ солдатъ, что они принадлежатъ къ адской ротѣ, которою командуетъ этотъ сорви-голова.

— «Ну, право, я дорого бы заплатилъ,» вскричалъ Ленской, «за то, чтобъ взглянуть на этого удалаго малаго!«

— «А я бы не далъ за это ни гроша,»

сказалъ Зарядьевъ. «Дѣло другое, еслибъ я могъ разможжить ему голову.... Неугомонный! буянъ!... Ну что прибыли, что онъ ворвался въ траншеи съ сотнею солдатъ?... Эка потѣха!... терять людей изъ одного удальства!...»

— « Онъ дѣлаетъ свое дѣло,» возразилъ Сборской. « Шамбюръ какъ партизанъ, долженъ насъ всячески тревожить. »

— « Партизанъ!... партизанъ!... Посмотрѣлъ бы я этого партизана передъ ротою — чай не знаетъ, какъ взводъ завести! Терпѣть не могу этихъ удальцовъ! То ли дѣло нашъ братъ фрунтовой: безъ команды впередъ не суйся, а стой себѣ какъ вкопаный и умирай, не сходя съ мѣста. Вотъ это служба! А то подкрадутся, да подползутъ, какъ воры.... Удалось—хорошо! не удалось—подавай Богъ ноги!... Провалъ бы взялъ этихъ партизановъ! Мнѣ и Кабардинцы на Кавказской линіи надоѣли!»

— « Въ томъ-то, братъ, и дѣло!» ска-

залъ Сборской. «Надо почаще надоѣдать непріятелю. Какъ не дашь ему ни на минуту покоя, такъ у него и руки опустятся. Вотъ, напримѣръ, этотъ молодецъ, Шамборъ, чай у всѣхъ нашихъ аванпостныхъ, какъ бѣльмо на глазу.»

— «Тьфу пропасть!» вскричалъ Зарядьевъ, бросивъ на полъ свою трубку, «наладилъ одно: молодецъ, да молодецъ! Давай сюда этого молодца! Милости просимъ на чистоту: такъ я съ однимъ взводомъ моей роты разчешу его адскую сотню такъ, что и праха ея не останется. Что, въ самомъ дѣлѣ, за отметной соболь? Господи, Боже мой! Да пусть пожалуетъ къ намъ сюда, на Нерунгъ — хоть днемъ, хоть ночью!»

— «Сюда?» повторилъ Рославлевъ. «Какъ это можно? Позади всѣхъ нашихъ линій, за пять верстъ отъ своихъ аванпостовъ. — Что ты! Развѣ онъ сумасшедшій!»

— «Смотри, Зарядьевъ,» сказалъ Сбор-

ской, мигнувъ потихоньку другимъ Офицерамъ, «не накличь бѣды на свою голову! Теперь ты храбришься, а какъ вдругъ онъ нагрянетъ....»

— «Такъ что-жъ? Добро пожаловать! Не испугаемся.»

— «Ну, не ручайся, братъ: не ровна минута. Скажи-ка правду: не ужели ты во всю свою жизнь никогда и ничего не пугался?»

— «Никогда.»

— «Я про себя этого не скажу,» продолжалъ Зборской. «Я однажды такъ трухнулъ, что у меня волосы стали дыбомъ и языкъ отнялся.»

— «Въ дѣлѣ?» спросилъ Зарядьевъ.

Сборской покраснѣлъ, провелъ рукою по своимъ чернымъ усамъ, и помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ: «Слушай, Зарядьевъ: мы пріятели; но если ты въ другой разъ сдѣлаешь мнѣ такой глупой вопросъ, то я пущу въ тебя во[illegible]

кружкою. Развѣ Русской Офицеръ и кавалеристъ можетъ струсить въ дѣлѣ?»

— «Не знаю, кавалеристъ, а напъ братъ пѣхотинецъ....»

— «Послушайте-ка, господа» перервалъ Ленской, стараясь замять разговоръ, который могъ дурно кончиться, «если говорить правду, такъ вотъ насъ здѣсь пятеро: всѣ мы народъ обстрѣленный, хорошіе Офицеры; а вѣрно каждый изъ насъ, хотя одинъ разъ въ жизни, чувствовалъ, что онъ робѣлъ.»

— «Признаюсь,» сказалъ Рославлевъ, «со мною что-то похожее недавно было.»

— «И я мѣсяца два тому назадъ,» прибавилъ Двинской, «испугался не на шутку.»

— «Что грѣхъ таить,» продолжалъ Ленской, «и я однажды больно струсилъ. А ты, Зарядьевъ?»

— «Я ужъ сказалъ, что никогда и ничего не боялся.»

— «Право? А не случилось ли тебѣ

ошибаться во фрунтѣ передъ твоимъ бригаднымъ Командиромъ?»

— «Передъ бригаднымъ Командиромъ?... Да нѣтъ, я никогда не ошибался.»

— «Какъ вы думаете, господа!» подхватилъ Рославлевъ! «мы еще не скоро ляжемъ спать; пусть каждый изъ насъ разскажетъ исторію своего испуга: это должно быть очень любопытно.»

— «И вовсе необыкновенно,» прибавилъ Сборской. «Вѣрно не было примѣра, чтобъ четверо храбрыхъ и обстрѣленныхъ Офицеровъ, вмѣсто того, чтобъ говорить о своихъ подвигахъ, разсказывали другъ другу о томъ, что они когда-то трусили и боялись чего бы то ни было.»

— «А чтобъ намъ веселѣе было болтать,» продолжалъ Рославлевъ, «такъ велите-ка внести кулечикъ, который я привезъ съ собою: въ немъ полдюжины Шампанскаго.»

— «Ай да пріятель!» вскричалъ Сборской. «Шампанское! Давай его сюда!... Тьфу, чортъ возьми!... Хорошо вамъ жить въ главной квартирѣ: все есть.»

Вино принесли, пробки полетѣли въ потолокъ, Шампанское запѣнилось, и Рославлевъ, опорожнивъ однимъ духомъ свой стаканъ, началъ:

Парламентеръ.

«Вы слышали, я думаю, господа, что Генералъ Рапшъ запретилъ принимать нашихъ парламентеровъ. Тому назадъ недѣли двѣ, посылали для переговоровъ, въ предмѣстье Лангфуртъ, Маіора Ольгина; его встрѣтили на непріятельскихъ аванпостахъ ружейными выстрѣлами, убили лошадь и сшибли пулею съ головы фуражку Изъ этого ласковаго пріема нетрудно было заключить, что господинъ Рапшъ не напшутку взволитъ на насъ дуться, и что всякой Русской парламентеръ будетъ уго-

щенъ не лучше Ольгина. Но такъ какъ Его Превосходительство не въ первый уже разъ изволилъ отдавать и отмѣнять подобные приказы, то дня черезъ три послѣ этого, велѣли мнѣ отвезти къ нему письмо, въ которомъ нашъ корпусный Командиръ убѣждалъ его принять обратно въ городъ высланныхъ имъ жителей. Вы вѣрно знаете, что Раппъ выгналъ изъ Данцига болѣе четырехъ сотъ обывателей, въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣтей. Дабы предупредить эти эмиграціи, которыя, уменьшая число жителей крѣпости, способствовали гарнизону долѣе въ ней держаться, отданъ былъ строгой приказъ не пропускать ихъ сквозь нашу передовую цѣпь: и эти несчастные должны были оставаться на неутральной землѣ, среди нашихъ и непріятельскихъ аванпостовъ, подъ открытымъ небомъ, безъ куска хлѣба и, при первомъ аванпостномъ дѣлѣ—между двухъ перекрестныхъ огней.»

«Въ провожаніи драгунскаго трубача, я

выѣхалъ за нашу передовую цѣпь. Надобно вамъ сказать, что съ этой стороны дорога къ непріятельскимъ аванпостамъ идетъ по узкому и высоку валу; на лѣво подлѣ него течетъ рѣчка Родауна, а по правую сторону разстилаются низкіе и обширные луга Нидерланда, къ которому примыкаетъ Ора, городское предмѣстіе, занятое Французами. Получивъ приказаніе отправиться парламентеромъ рано поутру, я не успѣлъ напиться чаю и потому въ деревнѣ, занимаемой нашей передовой линіею, купилъ у булошника нѣсколько кренделей, располагаясь позавтракать на открытомъ воздухѣ, во время переѣзда моего отъ нашихъ аванпостовъ къ непріятельскимъ. Погода была ясная, но сильный вѣтеръ дулъ мнѣ прямо въ лицо, и доносилъ до меня стонъ и рыданія умирающихъ съ голода Данцигскихъ изгнанниковъ. Лишь только они завидѣли приближающагося къ нимъ Русскаго Офицера, какъ весь ихъ станъ пришелъ въ движе-

ніе одни ползкомъ спѣшили добраться до вала, по которому я ѣхалъ; другіе съ громкимъ воемъ, бѣжали ко мнѣ на встрѣчу... Ахъ любезные друзья! Есть минуты, въ которыя нашъ братъ военный проклинаетъ войну! Не ядра непріятельскія, не смерть ужасна: объ этомъ солдатъ не думаетъ; но быть свидѣтелемъ опустошенія прекрасной и цвѣтущей стороны, смотрѣть на гибель несчастныхъ семействъ, видѣть стариковъ, женъ и дѣтей, умирающихъ съ голода, слышать ихъ отчаянный вопль и изъ состраданія — затыкать себѣ уши!... Вотъ что истинно-ужасно, товарищи! Вотъ отъ чего и у Русскаго солдата подчасъ заноетъ и кровью обольется ретивое! »

« По невольному и совершенно безотчетному движенію, я придержалъ мою лошадь. Въ одну минуту столпилось человѣкъ двадцать около того мѣста, тдѣ я остановился; мужчины кричали невнятнымъ голосомъ, женщины стонали; всѣ наперe-

…ба!... ему!... »
…ъ немъ не было
…ать вамъ, что
…у въ душѣ мо-
…этотъ ужасный
…е было что-то
…ается въ ушахъ
… что зажмурилъ
… мою лошадь и
…ь, съ полверсты
…ше Благородіе! »
Французской пи-
…, я былъ уже по-
…тіе Ора. Шагахъ
…, передъ однимъ
…ь, ходилъ непрія-
…авшись въ синюю
…ь ружье, онъ мѣр-
взадъ и впередъ,
…да поглядывалъ на-
…какъ будто бы на-
… въ мою сторону.
…ь я драгуну. О…

нялся трубить; но сильный вѣтеръ относилъ назадъ всѣ звуки, и непріятельской часовой продолжалъ расхаживать передъ домомъ, не обращая на насъ никакого вниманія. Я подъѣхалъ ближе, остановился; драгунъ началъ опять трубить; звуки трубы сливались по прежнему съ воемъ вѣтра; а проклятый Французъ, какъ на смѣхъ, не подымалъ головы и, остановясь на одномъ мѣстѣ, принялся чертить штыкомъ по песку, вѣроятно, вензель какой нибудь Парижской красавицы. »

— « Ахъ онъ ротозей! » вскричалъ Зарядьевъ. « Да я бы этого часоваго на ногахъ уморилъ!... Сохрани Боже! У меня, и въ мирное время попробуй-ка махальный прозѣвать Генерала, такъ я.... »

— « Полно, братецъ! » сказалъ Сборской; » не мѣшай ему разсказывать. Ну чтожъ, Рославлевъ, ты подъѣхалъ къ нему подъ носъ?... »

— « Почти. Шагахъ въ пятнадцати отъ часоваго валъ оканчивался глубокой кана-

вою; черезъ нее переброшаны были двѣ узенькія дощечки. Я взъѣхалъ на этотъ живой мостъ, который гнулся подъ моей лошадью, и велѣлъ драгуну трубить что есть мочи. Лишь только онъ затянулъ первый аккордъ, какъ вдругъ часовой встрепенулся, отпрыгнулъ два шага назадъ и схватился за ружье. «Parlementaire, camarade!» сказалъ я громкимъ голосомъ. «Parlementaire!» Но Французъ, не говоря ни слова, взвелъ курокъ и прицѣлился въ мою лошадь. «Труби, разбойникъ!» закричалъ я моему драгуну; «труби!» и мой драгунъ затрубилъ такъ, что у меня въ ушахъ затрещало; но часовой продолжалъ цѣлиться, только уже не въ лошадь, а прямо мнѣ въ грудь. Ахъ, чортъ возьми! Въ пятнадцати шагахъ и плохой стрѣлокъ не дастъ пуделя; я же на этомъ проклятомъ мостикѣ не могъ повернутся ни направо, ни налѣво, и стоялъ неподвижно, какъ мишень. Межъ тѣмъ часовой, какъ будто бы желая вѣр-

ніе отправить меня на тотъ свѣтъ, приподнялъ немного ружье и уставилъ дуло прямехонько противъ моего лба. «Finissez, finissez!...» закричалъ я, махая бѣлымъ платкомъ, не тутъ-то было! Какъ видно, этому бездѣльнику показалось забавно разстрѣливать меня по немногу: онъ повернулъ ружье и прицѣлился мнѣ въ високъ; я осадилъ лошадь, Французъ спустилъ курокъ—осѣчка! Все это происходило въ теченіи какой нибудь полуминуты и, честію клянусь, не могу сказать, чтобъ я былъ совершенно спокоенъ, однакожъ не чувствовалъ ничего необыкновеннаго; но когда этотъ злодѣй взвелъ опять курокъ и преспокойно прилюжился мнѣ снова въ самую средину лба: то сердце мое сжалось, въ глазахъ потемнѣло, и я почувствовалъ что-то такое.... какъ бы вамъ сказать?... Да тьфу пропасть! что тутъ торговаться: я струсилъ. Къ счастію, мой драгунъ, видя бѣду неминучую, пустилъ на своей трубѣ такую

чертовскую трель, что караульный Офицеръ опрометью выскочилъ изъ дома, закричалъ на часоваго, и давъ мнѣ знакъ рукою съѣхать съ мостика, подошелъ ко мнѣ. Подлинно—у страха глаза велики: когда непріятельской Офицеръ выбѣжалъ изъ караульни, то показался мнѣ и красавцемъ и молодцемъ; а когда подошелъ ко мнѣ поближе, то я увидѣлъ, что онъ дуренъ какъ смертный грѣхъ, и по росту годился бы въ безсмѣнные форейторы. Этотъ уродецъ объявилъ мнѣ на дурномъ Французскомъ языкѣ, что Парламентеровъ не принимаютъ, что велѣно по нихъ стрѣлять, и что я долженъ благодарить Бога за то, что онъ не Французъ, а Голландской подданый, и всегда любилъ Русскихъ. Распрощавшись съ нимъ, я отправился обратно и, признаюсь, во весь тотъ день походилъ на человѣка, который съ похмѣлья не можетъ ни о чемъ думать, и хотя не пьянъ, а шатается, какъ будто бы выпилъ стакановъ пять пуншу.

нѣе отправить меня на
поднялъ немного ружье
прямехонько противъ м
sez, finissez'... » закрич
лымъ платкомъ, не ту
видно, этому бездѣльни
бавно разстрѣливать м
онъ повернулъ ружье
въ високъ; я осадилъ л
спустилъ курокъ—осѣч
исходило въ теченіи ка
минуты и, честію кляну
зать, чтобъ я былъ сове
однакожъ не чувствовал
кновеннаго; но когда это
опять курокъ и преспок
мнѣ снова въ самую
сердце мое сжалось, въ
ло, и я почувствовалъ
какъ бы вамъ сказать?..
пасть! что тутъ торговат
Къ счастію, мой драгунъ
минучую, пустилъ на сво

ода послѣ сраженія подъ
одномъ жаркомъ аван-
мнѣ прострѣлили правую
лъ былъ въ то время,
и быстро подвигались впе-
полтара мѣсяца въ гряз-
шомъ жидовскомъ мѣстеч-
писать вамъ, до какой сте-
чительно мое положеніе.
жидовскомъ кагалѣ, кро-
ыло ни одного раненаго
я, сбираясь въ походъ, я
обой дюжины двѣ книгъ;
а нѣсколько дней до сра-
й и трезвый мой слуга,
жилъ ихъ за полштофа вина
ркитанту, который отправил-
за войскомъ. Я умиралъ отъ
лать было нечего. Всѣ мои
яли только въ томъ,
нилъ моего хозя

каннаго Жида, съ рыжей бородою; а вечеромъ принималъ гостей, отъ которыхъ подчасъ не льзя было повернуться въ моей комнатѣ. Черезъ мѣстечко проводили ежедневно цѣлыя колонны плѣнныхъ непріятелей, и лишь только начинало смеркаться, я высылалъ на улицу Афоньку приглашать ко мнѣ всѣхъ отсталыхъ Французовъ, которые, не находя ни гдѣ пріюта, бродили какъ тѣни взадъ и впередъ по улицѣ. Честные Евреи, осыпая ихъ всѣми жидовскими клятвами, отгоняли отъ своихъ дверей, и не смотря на жестокой морозъ, не дозволяли имъ входить даже въ сѣни своихъ домовъ, чтобъ хотя нѣсколько обогрѣться. Разумѣется, эти несчастные спѣшили воспользоваться приглашеніемъ моего слуги. Сначала они, молча, лѣзли всѣ къ печкѣ; потомъ выпивъ по стакану горячаго збитня, начинали понемногу отогрѣваться, и черезъ полчаса въ комнатѣ моей повторялась, въ маломъ видѣ, суматоха, бывшая послѣ потопа

при Вавилонскомъ столпотвореніи: латники, гренадеры, волтижеры, конные, пѣшіе—всѣ начинали говорить въ одинъ голосъ: на Французскомъ, Италіянскомъ, Голландскомъ.... словомъ на всѣхъ извѣстныхъ Европейскихъ языкахъ. Бывало, обыкновенно Французы переговорятъ всѣхъ, и тутъ-то пойдутъ рóзказни о большой арміи, о побѣдахъ Наполеона, о пожарѣ Московскомъ. « Ah, monsieur ! au commencement nous avions tout: provisions de bouche, vins, liqueurs, et puis tout d'un coup.... Sacristie!... Comme c'est dommage ! brûler une si belle ville! » (*) Признаюсь, господа, люблю этотъ безпечный и веселый народъ! Французъ умираетъ съ голода, до половины замерзъ, и лишь только начнетъ оттаивать, съѣстъ кусокъ хлѣба, заговоритъ о

(*) Ахъ, сударь! сначала у насъ было все: провизія, вина, ликеры—и вдругъ!... какая жалость сжечь такой прекрасный городъ!...

своей *прекрасной* Франціи, и все забыто. Сколько разъ я слышалъ: Oui, mon officier; j'ai beaucoup souffert, mais une fois de retour à Paris.... Diable! ce n'est pas comme chez vous: on se divertit, on dèpence gaiement son argent et vive la joie! (*) Бѣдняжка!... а черезъ нѣсколько часовъ.... но что говорить объ этомъ. Мнѣ каждый разъ становится грустно, когда подумаю, какимъ ужаснымъ образомъ сгибли, исчезли съ лица земли цѣлыя сотни тысячь этихъ вѣтреныхъ, но храбрыхъ и любезныхъ Французовъ. Полно хмуриться, Зарядьевъ! вѣдь они такіе же люди, какъ мы. »

— « А чортъ ихъ просилъ къ намъ въ гости! » сказалъ Зарядьевъ, вытряхая свою трубку.

(*) Да, господинъ Офицеръ! я много терпѣлъ; но только бы добраться до Парижа—чортъ возьми! тамъ не такъ, какъ у васъ!... Тѣшутъ себя, тратятъ на забавы свои деньги и — да здравствуетъ веселость!

— « Эхъ, братецъ! ругай того, к
ихъ привелъ съ собою. Солдатъ иде
туда, куда ему прикажутъ. »

— « Оно бы и такъ! Я самъ ротн
Командиръ, и если скомандую моей р
тѣ идти впередъ.... »

— « Вотъ то-то же! По моему, б
непріятеля, пока онъ стоитъ, а объ
жачемъ не грѣшно и пожалѣть; но не
томъ дѣло—гдѣ бишь я остановился? »

— « Покамѣстъ еще въ жидовско
мѣстечкѣ, » сказалъ Ленской.

— « Да!... Ну вотъ, прошло ужъ шес
недѣль, мнѣ стало получше, и хотя я
владѣлъ еще рукою, но рѣшился на
нецъ не дожидаясь совершеннаго выз
ровленія, отправиться догонять мой пол
который былъ уже за границею. Не с
ну вамъ разсказывать, какъ я доѣхалъ
Вильны: благодаря нашимъ побѣдамъ,
ня по всей дорогѣ принимали ласко
осыпали вѣжливостями, и даже иногда
полголоса бранили вмѣстѣ со мною На

леона. На пятый день, подъ вечеръ, я спустился, или лучше сказать скатился съ горъ, которыя окружаютъ Вильну. Нѣтъ! никогда не изгладится изъ моей памяти ужасная противоположность, поразившая мои взоры, когда я въѣхалъ въ этотъ городъ; противоположность, которая могла только встрѣтиться въ эту народную войну, поглотившую цѣлыя поколѣнія. За версту отъ городскихъ воротъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиналися, безъ всякаго прибавленія, двѣ толстыя стѣны, сложенныя изъ замерзшихъ труповъ. Я не разъ видѣлъ, и привыкъ уже видѣть, землю, устланную тѣлами убитыхъ на сраженіи; но эта улица показалась мнѣ столь отвратительною, что я нехотя зажмурилъ глаза, и лишь только въѣхалъ въ городъ, вдругъ сцена перемѣнилась: красивая площадь, кипящая народомъ, Русскіе Офицеры, національная Польская Гвардія, красавицы, толпы суетливыхъ Жидовъ, шумъ, крикъ, пѣсни, веселыя

лица, однимъ словомъ: вездѣ, повсюду жизнь и движеніе. Мнѣ случалось веселиться съ товарищами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько минутъ до того мы дрались съ непріятелемъ; но на полѣ сраженія мы видимъ убитыхъ, умирающихъ, раненыхъ; а тутъ смерть сливалась съ жизнію, безъ всякихъ оттѣнокъ: шагъ впередъ—и жизнь во всей красотѣ своей; шагъ назадъ—и смерть со всѣми своими ужасами! »

« Вильна была наполнена Русскими Офицерами; одинъ лѣчился отъ ранъ, другой отъ болѣзни, третій ни отъ чего не лѣчился; но, такъ какъ непріятельская армія существовала въ однихъ только Французскихъ бюллетеняхъ, и первая компанія казалась совершенно конченною, то Русскіе Офицеры не слишкомъ торопились догонять свои полки, изъ которыхъ многіе, перейдя за границу, формировались и поджидали спокойно свои резервы. Хотя въ продолженіи всей зимней кампаніи,

безсмертной въ лѣтописяхъ нашего Отечества, но тяжкой и изнурительной до высочайшей степени, мы страдали менѣе Французовъ отъ холода и недостатка, и если иногда желудки наши тосковали, то за то на сердцѣ всегда было весело; однакожъ не смотря на это, мы такъ много натерпѣлись всякой нужды, что при первомъ случаѣ отдохнуть и пожить весело у всѣхъ Русскихъ Офицеровъ закружились головы. Придумывая различные способы, какъ бы въ короткое время убить поболѣе денегъ, наша молодежь составила общество, и назвала его: Лейбъ-Шампанскимъ; всѣ члены разъѣзжали по пріятельскимъ баламъ и редутамъ (*), посѣщали ежедневно Театръ, сыпали деньгами, играли съ поляками, любезничали съ Полячками, и чтобъ оправдать свое

(*) Публичные балы, на которыхъ каждый можетъ быть за опредѣленную цѣну, объявленную въ особой афишкѣ.

названіе, пили Шампанское какъ воду. Меня хотѣли было также завербовать въ Лейбъ-Шампанцы; но я не могъ долго оставаться въ Вильнѣ: непреодолимая страсть влекла меня за границу.... »

— « Какъ? » вскричалъ Ленской, « ты любишь? а я до сихъ поръ не зналъ этого! »

— « Да, мой другъ!» продолжалъ Сборской, « любилъ, люблю и буду любить безъ памяти мой эскадронъ, съ которымъ я тогда почти два мѣсяца былъ въ разлукѣ. Повеселясь порядкомъ и оставя половину моей казны въ Вильнѣ, я на четвертый день отправился далѣе, на пятый переѣхалъ Неманъ, а на шестой увѣрился изъ опыта, что въ эту національную войну, Пруссія была нашимъ вторымъ отечествомъ. »

— « Что правда, то правда! » перервалъ Рославлевъ; « добрые и честные Пруссаки принимали насъ, какъ родныхъ братьевъ. »

— «И побратались съ нами послѣ на ратномъ полѣ,» сказалъ Ленской. «Молодцы! лихо дерутся!»

— «И славно знаютъ фрунтовую службѣ,» примолвилъ Зарядьевъ. «Какъ я поглядѣлъ въ Кенигсбергѣ на ихъ разводъ, такъ — нечего сказать — засмотрѣлся! Конечно, нашъ братъ, старый ротный Командиръ, могъ бы кой-что замѣтить въ ружейныхъ хваткахъ; но за то, какъ они прошли церемоніальнымъ маршемъ, такъ — я тебѣ скажу—чудо!»

— «Да, Василій Ивановичъ! я думаю и въ этомъ они намъ не уступятъ. Однакожъ, прошу не перерывать меня, а не то я никогда не доскажу вамъ моего приключенія à la madame Radcliffe.»

«Привыкнувъ видѣть однѣ запачканныя Жидовскія мѣстечки, я не могъ довольно налюбоваться, въ первые два дня моего путешествія по Пруссіи на прекрасныя деревни, богатыя усадьбы помѣщиковъ

на красивые города, въ которыхъ встрѣчали меня съ ласкою и гостепріимствомъ, напоминающимъ Русское хлѣбосольство; словомъ: все плѣняло меня въ этой землѣ устройства, порядка и благочинія. Начальники квартирныхъ коммиссій и Бургомистры городовъ, въ которыхъ я останавливался, отводили мнѣ всегда спокойныя и даже роскошныя квартиры; но въ семьѣ не безъ урода, говоритъ Русская пословица. На третій день моего путешествія, я опоздалъ нѣсколько выѣхать изъ деревни, въ которой г. Шульцъ (*), ревностный патріотъ и большой политикъ, вздумалъ угощать обѣденнымъ столомъ, въ моемъ единственномъ лицѣ, все Русское войско. Этотъ деревенскій дипломатъ осыпалъ меня вопросами, разсказывалъ о тайныхъ намѣреніяхъ своего Правительства, о поголовномъ возстаніи храбрыхъ нѣмцовъ, о Рускихъ Козакахъ, о

(*) Староста.

Прусскомъ Ландштурмѣ, и объявилъ мнѣ, между прочимъ, что Пруссія ожидаетъ къ себѣ одного великаго гостя. «Вы меня понимаете?» сказалъ онъ значительнымъ голосомъ. «Я пью за здоровье этого спасителя Пруссіи и всей Европы—гура!... И за здоровье отца нашего Фридриха—гура! А знаете ли вы?» продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, «что при свитѣ сего августѣйшаго посѣтителя ѣдетъ инкогнито Турецкій Султанъ?... За здоровье высокой особы, ѣдущей инкогнито.... гура!» Я смѣялся, но кричалъ отъ всей души съ добрымъ моимъ хозяиномъ, который почти со слезами простился со мною, когда я подъ-вечеръ пустился снова въ дорогу. Доѣхавъ часу въ одиннадцатомъ до небольшаго городка, въ которомъ мнѣ должно было ночевать, я отправился къ Бургомистру. Стукнулъ, сначала довольно тихо, мѣдной скобою въ толстую дубовую дверь: отвѣта не было; я застучалъ громче: никто не шевелился въ цѣ-

домъ домѣ. Ночь была холодная; я прозябъ до костей, усталъ и хотѣлъ спать; слѣдовательно ни мало не удивительно, что позабылъ все приличіе и началъ такъ постукивать тяжелой скобою, что окна затряслись въ домѣ, и грозное: «хоцъ таузентъ! васъ истъ дасъ?» прогремѣло наконецъ за дверьми; онѣ растворились; толстая мадамъ съ заспанными глазами высунула огромную голову въ миткалевомъ чепцѣ, и повторила вовсе не ласковымъ голосомъ свое: «васъ истъ дасъ?» «Руссишеръ Капитенъ!» закричалъ я также не слишкомъ вѣжливо; миткалевой чепецъ спрятался, двери захлопнулись, и я остался опять на холоду, который часъ отъ часъ становился чувствительнѣе. Спустя нѣсколько минутъ, я принялся было снова за скобку; но двери наконецъ отворились, и та же толстощекая барыня впустила меня въ сѣни, взвела на двѣ лѣстницы, и почти втолкнула въ небольшую комнату, освѣщеную двумя сальными

огарками. Передъ столомъ, накрытымъ зеленымъ запачканнымъ сукномъ, сидѣлъ прегордый мусью съ краснымъ носомъ; безконечныя, журавлиныя его ноги, не умѣщаясь подъ столомъ, тянулись величественно до половины комнаты; бѣлый халатъ, сшитый балахономъ, и превысокой накрахмаленный колпакъ, довершали сходство этого надменнаго Градоначальника съ какимъ-то святошнымъ пугаломъ. По лѣвую его сторону, въ изношенномъ сюртукѣ, съ видомъ глубочайшаго смиренія, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; въ зубахъ держалъ онъ перо, а на длинномъ его носѣ едва умѣщались.... какъ бы вамъ сказать?... не смѣю назвать очками эти огромныя клещи со стеклами, въ которыхъ былъ ущемленъ осанистый носъ сего господина. Когда я вошелъ въ комнату, геръ Бургомейстеръ приподнялся на свои ходули, и показавъ мнѣ, молча, порожній стулъ, принялъ снова положеніе, приличное своему высокому сану. « Что

вамъ угодно? » спросилъ онъ важнымъ голосомъ.

— « Квартиру, » отвѣчалъ я.

— « Кто вы? »

— « Русской Офицеръ. »

— « Вашъ чинъ? »

— « Штабсъ-Ротмистръ. «

— « Гмъ, гмъ! Штабсъ-Ротмистръ? Не болѣе?... Писарь, пиши къ Готлибу Фрейману. »

Писарь снялъ свои огромныя очки, протеръ ихъ своимъ носовымъ платкомъ, но за перо не принимался.

— « Чтожъ ты не пишешь? » спросилъ Бургомистръ сердитымъ голосомъ.

— « Не ошиблись ли вы? » сказалъ писарь: « къ Готлибу Фрейману? »

— « Да. »

— « Но если я осмѣлюсь вамъ замѣтить.... »

— « Гальцъ мауль! » закричалъ Бургомистръ, « дѣлай, что приказываютъ. »

Писарь замолчалъ, написалъ квариирный билетъ, и проводя меня до самой улицы, растолковалъ фурману, куда ѣхать. Минуты черезъ три, мы остановились у небольшаго дома, въ которомъ нижній этажъ былъ освѣщенъ довольно ярко, а второй и третій казались вовсе необитаемыми. « Ого! » подумалъ я, входя въ просторную комнату, « да мой хозяинъ, какъ видно живетъ весело! » Въ самомъ дѣлѣ, за тремя столами пировало человѣкъ двадцать по большой части дурно одѣтыхъ и полупьяныхъ людей. Хозяинъ принялъ меня очень вѣжливо; но казалось, смотрѣлъ съ удивленіемъ на мои эполеты и Офицерскую саблю съ серебрянымъ темлякомъ. « Гдѣ же моя комната?» спросилъ я.

— « Вотъ здѣсь, Геръ Капитанъ! » отвѣчалъ хозяинъ, показывая на дверь.

— « Какъ! за этой перегородкой! »

— « Да, за этой перегородкой, Геръ Маіоръ. »

— « Дайте мнѣ другую комнату. »

— « Извините; у меня нѣтъ другой. »

— « А долго ли будутъ здѣсь пировать ваши гости? »

— « Можетъ быть, всю ночь. »

— « Какъ, чортъ возьми! » закричалъ я; « чтожъ это значитъ? Гдѣ я? »

— « Въ кабакѣ, Геръ Гауптманъ! » отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ хозяинъ. « Не прикажете ли чего покушать? »

Вмѣсто отвѣта, я накинулъ мою шинель, отправился назадъ къ Бургомистру и поднялъ такой ужасный стукъ, что перебудилъ всѣхъ сосѣдей. Опять за дверьми закричали: *хоцъ таузентъ!* Та же мадамъ прежнимъ порядкомъ ввела меня къ господину Бургомистру, который, выслушавъ мои жалобы, поправилъ свой колпакъ и сказалъ: « пиши къ Адаму Фишеру. » Писарь хотѣлъ было опять что-то возразить, но упрямый Бургомистръ закричалъ громче прежняго: « Гальцъ мауль! » и я съ новымъ билетомъ пустился отыскивать

другую квартиру. На этотъ разъ вояжъ мой былъ продолжительнѣе. « Кой чортъ! скоро ли мы доѣдемъ? » спросилъ я наконецъ моего фурмана.

— « Сей часъ, господинъ Офицеръ! » отвѣчалъ фурманъ, рисуя по воздуху венделя длиннымъ своимъ бичемъ.

— « Но мы ужъ, кажется, выѣхали изъ города? »

Фурманъ, не отвѣчая ни слова, взъѣхалъ на длинную плотину, остановился, и приподнявъ свою шляпу, сказалъ: « вотъ ваша квартира, господинъ Офицеръ! »

— « Гдѣ? » спросилъ я, глядя во всѣ стороны.

— « Вотъ здѣсь! » продолжалъ ямщикъ, указывая бичемъ на высокую водяную мѣльницу.

Я соскочилъ съ телѣги; напудренный съ ногъ до головы работникъ принялъ мой билетъ, и я въ вслѣдъ за нимъ вскарабкался по узенькой лѣстницѣ, въ небольшую свѣтелку, устроенную почти

надъ самыми жерновами. Говорятъ, что пріятно дремать подъ шумомъ водопада: этого я не испыталъ; но могу васъ увѣрить, что, не смотря на мою усталость, не могъ бы никакъ заснуть въ этой каморкѣ, въ которой полъ ходилъ ходуномъ; а стѣны дрожали и колебались, какъ будто бы отъ сильнаго землетрясенія. Признаюсь я разсердился не на шутку, и принялся кричать такъ громко, что самъ хозяинъ мѣльницы спустился ко мнѣ изъ другой свѣтлицы, которая, вѣроятно, была подалѣе отъ жернововъ, и увидя, что постоялецъ его Русской Офицеръ, принялся шумѣть громче моего и ругать безъ милосердія Бургомистра.

— « Погодите, господинъ Офицеръ! » вскричалъ онъ, отпустивъ дюжины двѣ швернотовъ, « погодите! Я сбѣгаю къ Бургомистру, я растолкую этому дураку!... да, дураку! Адамъ Фишеръ не заикнется сказать правду.... швернотъ! Я скажу ему, что Русской Офицеръ —

доннеръ-веттеръ! долженъ имѣть лучшую квартиру въ городѣ—сакрементъ!... Небось онъ не смѣлъ сажать Французскихъ Офицеровъ на мѣльницу—хоцъ таузентъ! Гей, трость! шляпу!... Я поговорю съ этимъ Бургомистромъ!... Я съ нимъ поговорю! Подождите, господинъ Офицеръ, подождите!.. Креицъ-веттеръ баталіонъ!...» Вспыльчивый мѣльникъ, ухватя свою шляпу и трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, бросился, какъ бѣшеный, вонъ изъ комнаты, зацѣпилъ за что-то ногою, скатился кубаремъ съ лѣстницы, и черезъ минуту бѣжалъ ужь по тропинкѣ, крича во все горло: «Я поговорю съ нимъ — саперлотъ!... Я съ нимъ поговорю!»

Черезъ полчаса онъ возвратился съ торжествующимъ видомъ, держа въ рукахъ новый билетъ. «Вотъ, господинъ Офицеръ,» сказалъ онъ, «извольте! Я говорилъ вамъ, что Бургомистръ отъ меня не отдѣлается. Мы, Пруссаки, должны любить и угощать Русскихъ, какъ род-

ныхъ братьевъ; Адамъ Фишеръ природный Пруссакъ, а не выходецъ изъ Баваріи—доннеръ-веттеръ! «

— « Куда-жъ мнѣ теперь ѣхать?» спросилъ я.

— « Въ самую средину города на площадь. Вамъ отведена квартира въ домѣ Профессора Гутмана.... Правда, ему теперь не до того; но у него есть жена.... дѣти.... а къ тому же одна ночь.... Прощайте, господинъ Офицеръ! Не судите о нашемъ городѣ по Бургомистру: въ немъ нѣтъ ни капли Прусской крови.... Чортъ его просилъ у насъ поселиться — шверноть!... Жилъ бы у себя въ Баваріи — хоцъ доннеръ-веттеръ! »

Вотъ я отправился снова странствовать по городу. У дверей высокаго каменнаго дома встрѣтила меня съ фонаремъ молодая служанка и повела вверхъ по устланной коврами лѣстницѣ. Необыкновенная чистота и примѣтный во всемъ порядокъ,

мнѣ очень нравились; одно только казалось мнѣ страннымъ: служанка на всѣ мои вопросы отвѣчала съ какимъ-то смущеннымъ видомъ, въ полголоса, и какъ будто бы къ чему-то прислушивалась. Когда мы взошли во второй этажъ, выскочила на лѣстницу высокая и блѣдная женщина; она отвела къ сторонѣ служанку и начала съ нею шептаться. Вдругъ громкій вопль раздался въ сосѣдственномъ покоѣ; дверь была до половины растворена; я не могъ удержаться, и заглянулъ въ комнату. Молодая дѣвушка испуская пронзительные крики, въ сильномъ нервическомъ припадкѣ каталась по полу; около нее суетились двѣ старухи въ черномъ платьѣ. Я поспѣшилъ къ нимъ на помощь, и пособляя положить на диванъ больную, не замѣтилъ сначала, что посреди комнаты въ открытомъ гробѣ лежитъ усопшій. И самъ не знаю, почему мнѣ вздумалось посмотрѣть на покойника. Онъ былъ роста необыкновеннаго и чрезвычайно худъ;

но на блѣдномъ лицѣ его незамѣтно было ничего смертнаго; казалось, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ и готовъ былъ ежеминутно пробудиться: это былъ хозяинъ дома, умершій поутру, а молодая дѣвушка дочь его. Пока мы хлопотали около больной, горничная, войдя въ комнату, пригласила меня идти за собою и повела опять вверхъ по лѣстницѣ. Насчитавъ еще ступеней тридцать, я начиналъ уже опасаться, что послѣ кабака и мѣльницы, попаду на чердакъ; но въ третьемъ этажѣ служанка остановилась, отворила дверь, и введя меня въ просторный покой, засвѣтила двѣ восковыя свѣчи.

Съ перваго взгляда я удостовѣрился, что эта комната никогда не служила спальнею. Шкапы съ книгами, ландкарты, глобусы, бюсты древнихъ мудрецовъ, большой письменный столъ, заваленный бумагами: все доказывало, что я нахожусь въ кабинетѣ ученаго человѣка. Узнавъ, что я не хочу ужинать, проворная служанка

въ двѣ минуты приготовила мнѣ на широкомъ диванѣ мягкую постель, а для меня Алоньки постлала матрацъ — вѣроятно для разительной противоположности — между двухъ шкаповъ съ Латинскими и Греческими мудрецами. Я раздѣлся; Алоньки погасилъ свѣчи, повалился на свой матрацъ и запыхтѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ. Не смотря на мою усталость, я не могъ долго заснуть: мнѣ безпрестанно мерещился покойникъ; всѣ черты лица его такъ живо врѣзались въ мою память, что, казалось, я видѣлъ его предъ собою. Какъ я не старался думать о другомъ, но напрасно: мой хозяинъ не выходилъ у меня изъ головы и мѣшалъ мнѣ заснуть. Не видя прока лежать съ закрытыми глазами, я принялся, отъ нечего дѣлать, разсматривать мою комнату. Ночь была лунная; вполовину освѣщенные шкапы, на которыхъ стояли вазы, походили на какія-то надгробные памятники: изъ одного угла смотрѣлъ на меня Сократъ, изъ другаго

выглядывалъ Цицеронъ. Казалось, всѣ эти гипсовыя головы готовы были заговорить со мною; но пуще всѣхъ надоѣлъ мнѣ колоссальный бюстъ Демокрита: вполнѣ освѣщенный луною, онъ стоялъ на высокомъ бѣломъ піедесталѣ, противъ самой моей постели, скалилъ зубы и глядѣлъ на меня съ такою дьявольскою усмѣшкой, что я не видя возможности отдѣлаться иначе отъ этого нахала, зажмурилъ опять глаза, повернулся къ стѣнѣ и наконецъ, хотя съ трудомъ, но заснулъ. Проклятый Демокритъ не хотѣлъ и тутъ со мной разстаться: мнѣ снилось, что онъ на томъ же высокомъ піедесталѣ стоитъ по прежнему противъ меня, что глаза его вертятся ужаснымъ образомъ, что онъ щелкаетъ на меня зубами.... Вотъ, гляжу— онъ зашевелился.... медленно сталъ ко мнѣ подходить.... зашатался.... упалъ мнѣ на грудь... Я вскрикнулъ, проснулся—и чтожъ увидѣлъ передъ собою? Человѣка.... нѣтъ! чудовище въ [illegible]са-

ваніѣ, положа мнѣ на грудь, какъ свинецъ, тяжелую руку, и нагнувшись надо мною, смотрѣло мнѣ прямо въ лицо. Оно было гигантскаго роста; глаза его сверкали. Я хотѣлъ вскочить съ постели; но въ эту самую минуту страшилище повернуло головою, и луна освѣтила лицо его. Волосы мои стали дыбомъ я обмеръ.... это былъ покойникъ! Съ полминуты, не имѣя силы тронуться ни однимъ членомъ, смотрѣлъ я молча на этого ужаснаго гостя, въ груди моей не было голоса, языкъ мой онѣмѣлъ. Наконецъ, съ величайшимъ усиліемъ, я прокричалъ кой-какъ имя моего слуги. Аѳонька приподнялся, заговорилъ вздоръ, почесалъ въ головѣ и захрапѣлъ громче прежняго; а покойникъ, какъ будто бы разсердясь за мою попытку, заскрипѣлъ зубами, и продолжая одной рукой давить мнѣ грудь, схватилъ другою за горло, стиснулъ: вся кровь бросилась мнѣ въ голову, въ глазахъ потемнѣло—и я обезпамятѣлъ.

« Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ чувствъ, только когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что мертвецъ, крѣпко обхвативъ меня руками, лежитъ подлѣ меня лицемъ къ лицу; какъ ледъ холодная щека его, прикасается къ моей щекѣ; раскрытые глаза его неподвижны.... онъ не дышетъ. Я рвусь, хочу высвободиться изъ этихъ адскихъ объятій — невозможно!... Меня обнимаетъ бездушный трупъ и руки, которыми я обхваченъ, замерли, окостенѣли. Не приведи Господи испытать никому того, что было со мною въ эту ужасную минуту! Я чувствовалъ—да, господа! я чувствовалъ, какъ кровь застывала понемногу въ моихъ жилахъ, какъ холодъ смерти переливался изъ бездушнаго трупа во всѣ оледенѣвшіе мои члены.... Я снова лишился чувствъ. На этотъ разъ безпамятство мое было гораздо продолжительнѣе: я очнулся уже на другой день по-утру. Подлѣ меня сидѣли докторъ и хозяйка дома съ своей до-

черью. Мнѣ пустили кровь, и когда я нѣсколько пообразумился, вдова съ горькими слезами объяснила мнѣ все приключеніе. Мужъ ея былъ боленъ сильнымъ воспаленіемъ въ мозгу; по-утру, въ день моего пріѣзда въ ихъ городъ, съ нимъ сдѣлался летаргическій припадокъ, обманувшій даже медика; никто не сомнѣвался въ его смерти, но онъ былъ еще живъ. Ночью, въ то время, какъ всѣ его домашніе, утомленные безсонницей, заснули, онъ всталъ, и хотя въ совершенномъ безпамятствѣ, но по какой-то машинальной привычкѣ, отправился прямо въ свой кабинетъ и пришелъ умереть на моей постели. »

— « Чортъ возьми! » вскричалъ Ленской; « это подлинно эпизодъ изъ Удольфскихъ таинствъ! »

— « И весьма поучительный, » продолжалъ Сборской. « Этотъ случай сдѣлалъ меня снисходительнѣе къ слабостямъ другихъ. Бывало, я смѣялся надъ трусами и

презиралъ ихъ, а теперь,... знаете ли, что я о нихъ думаю? Страхъ есть дѣло невольное, и безъ сомнѣнія эти несчастные чувствуютъ не рѣдко то, что я, за грѣхи мои, однажды въ жизни испыталъ надъ самимъ собою; и если ужасныя страданія возбуждаютъ въ насъ не только жалость, но даже нѣкоторый родъ почтенія къ страдальцу: то знайте, господа! что трусы народъ препочтенный: никто въ цѣломъ мірѣ не терпитъ такой муки и не страдаетъ, какъ они.»

— «И я скажу тоже самое,» примолвилъ Зарядьевъ, закуривая новую трубку табаку. «Мнѣ случалось видѣть трусовъ въ дѣлѣ—Господи, Боже мой! какъ ихъ коробитъ, сердечныхъ! Ну, словно душа съ тѣломъ разстается! На войнѣ нашъ братъ умираетъ только однажды; а они, бѣдные, каждый день читаютъ себѣ отходную. За то ужь въ мирное время.... тфу ты пропасть! храбрятся такъ, что и Боже упаси!»

— « Ну, Двинской! » сказалъ Рославлевъ, « теперь очередь за вами — разсказывайте! »

— « Мое приключеніе,» сказалъ Двинской, « и коротко и обыкновенно: я струсилъ не смерти; напротивъ я испугался того, что мнѣ не удается умереть. »

— « Какъ такъ? » спросилъ Сборской.

— « А вотъ, слушайте! »

ГЛАВА IV.

АВАНПОСТЪ.

» Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, я былъ прикомандированъ, по недостатку наличныхъ Офицеровъ, къ М....му пѣхотному полку, стоявшему со стороны разлива, которымъ затоплены всѣ низкія мѣста вогругъ Данцига. Въ то время, какъ мы

еще не храбровали, какъ теперь, Данцигскій гарнизонъ былъ вдвое сильнѣе всего нашего блокаднаго корпуса, который въ добавокъ былъ растянутъ на большомъ пространствѣ, и слѣдовательно, при каждой вылазкѣ Французовъ, долженъ былъ сражаться съ непріятелемъ, въ нѣсколько разъ его сильнѣйшимъ; положеніе полка, а въ особенности роты, къ которой я былъ прикомандированъ, было весьма незавидно: мы жили вмѣстѣ съ милліонами лягушекъ посреди лабиринта безчисленныхъ канавъ, обсаженныхъ единообразными ивами; вся рота помѣщалась въ крестьянской избѣ на небольшомъ островѣ, окруженномъ съ одной стороны разливомъ, съ другой почти непроходимой грязью. Для прогулки мы имѣли одну большую и нѣсколько проселочныхъ дорогъ, но рѣдко пользовались этимъ удовольствіемъ по той причинѣ, что, ходя черезъ день въ караулъ, имѣли случай и безъ того вязнуть, довольно часто, по по-

ясь въ грязи и почти вплавь переправляться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были поняты водою. Однажды рано по утру, отправляясь для смѣны на передовой аванпостъ, я вздумалъ понѣжиться и выпросилъ у нашего хозяина лошадь. Пока мнѣ осѣдлывали превысокую клячу, я приказалъ старшему вести людей, а самъ, въ полной увѣренности, что на борзомъ моемъ конѣ догоню ихъ въ нѣсколько минутъ, остался позавтракать.

— «Эхъ, Двинской, не хорошо!» перервалъ Зарядьевъ. «Караульный Офицеръ не долженъ пяди отставать отъ своихъ солдатъ. Ты поступилъ совершенно противъ дисциплины и военнаго порядка.»

— «За это-то видно грѣхъ меня и попуталъ,» продолжалъ Двинской. «Я позавтракалъ, лихо вскочилъ на моего аргамака, приударилъ его нагайкою и выѣхалъ молодцомъ на большую дорогу. Сначала все шло довольно хорошо; мой огромный конь, на которомъ я сидѣлъ,

какъ на каланчѣ, сдѣлалъ даже два или три курбета и обрызгалъ меня съ ногъ до головы грязью. «Держитесь крѣпче!» кричалъ мнѣ хозяинъ, провожая меня за вороты. Я взглянулъ на него съ презрѣніемъ, гордо поправилъ фуражку, подбоченился и, вмѣсто отвѣта, перескочилъ на моемъ верблюдѣ съ удивительною ловкостію лужу, аршина въ два шириною; но этимъ и кончились всѣ блестящіе подвиги моего парадёра. При первой новой лужѣ, онъ призадумался, а при второй, я долженъ былъ минуты двѣ работать нагайкою, чтобъ заставить его идти въ бродъ. Наконецъ кой-какъ я дотащился до поворота дороги; гляжу впередъ—не тутъ-то было: мои солдаты ушли изъ виду. Тутъ вспомнилъ я, что за нѣсколько дней, именно въ этотъ же часъ, небольшой отрядъ Французовъ, вышедшій изъ города для фуражировки, чуть-чуть не вырѣзалъ нашъ аванпостъ: онъ спасся только тѣмъ, что подоспѣла смѣна; то же самое могло слу-

читься и во второй разъ. Отъ одной этой мысли волосы стали у меня дыбомъ; я принялся погонять мою клячу, и почти выбился изъ силъ, когда подъѣхалъ къ другому повороту, гдѣ начиналась сносная дорога, проложенная по низенькому валу; въ концѣ его за небольшимъ лѣскомъ расположенъ былъ нашъ аванпостъ. По правую сторону вала тянулись низкія поля, изрытыя канавами; а по лѣвую разливъ, и безконечный рядъ вѣтреныхъ мѣльницъ. Я сталъ смотрѣть впередъ; вижу въ сторонѣ казачій ведетъ, но вдали не блестятъ штыки моихъ солдатъ: все пусто и по всему валу до самой рощи не видно ни души. Вдругъ по вѣтру долетаютъ до меня какіе-то глухіе звуки.... что-то похожее.... знакомое. Я боюсь вѣрить.... прислушиваюсь.... Боже мой! меня бросаетъ въ холодный потъ! Мнѣ кажется.... такъ точно!... я не ошибаюсь! перестрѣлка!... Солдаты мои дерутся, а я — Начальникъ ихъ!... Вся кровь застыла въ

моихъ жилахъ, страхъ придаетъ мнѣ необычайныя силы, и я начинаю колотить съ такимъ ожесточеніемъ мой лошадиный остовъ, что онъ, послѣ нѣсколькихъ траверзовъ, пускается рысью. Вотъ уже я на половинѣ дороги; пальба слановится ежеминутно слышнѣе: я могу считать выстрѣлы; но это не простая аванпостная перестрѣлка, а ровный батальный огонь — и такъ дѣло завязалось не на шутку. Боже мой! Боже мой! Отчаяніе мое доходитъ до высочайшей степени! Какъ дикой звѣрь впиваюсь я въ беззащитную мою клячу; казацкая плеть превращается въ рукѣ моей въ барабанную палку, удары сыпятся какъ дождь; мой аргамакъ чувствуетъ наконецъ необходимость пуститься въ галопъ, подымается на заднія ноги, хочетъ сдѣлать скачекъ, спотыкается, падаетъ—и преспокойно располагается, лежа однимъ бокомъ на правой моей ногѣ—отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ своихъ. Я стараюсь высвободить мою ногу — не могу. Кричу

зову на помощь — напрасно: отчаянный вопль мой теряется въ воздухѣ; все тихо кругомъ, и только впереди раздаются безпрестанные выстрѣлы.... Мнѣ кажется, что они приближаются.... Такъ точно!... можетъ быть караульный Офицеръ убитъ.... люди остались безъ начальника.... Вдругъ я почувствовалъ — да, господа! клянусь вамъ честію—мнѣ показалось, что пахнетъ порохомъ. О такъ нѣтъ сомнѣнія!... Французы сбили нашъ аванпостъ; они близко — мои солдаты бѣгутъ!... Какъ описать вамъ, что происходило тогда въ душѣ моей? Я видѣлъ себя обезславленнымъ, погибшимъ—да: погибшимъ на вѣки! Кого могъ бы я увѣрить, что не трусость, а одинъ несчастный случай и неосторожность разлучили меня съ моими солдатами, въ ту самую минуту, когда я долженъ былъ драться и умирать вмѣстѣ съ ними? Я видѣлъ уже себя отданнымъ подъ судъ, я слышалъ уже неизбѣжный приговоръ судей моихъ.... въ ушахъ моихъ раздава-

лись ужасныя слова: «По сентенціи воен-«наго суда, Подпоручикъ Двинской, за «самовольную отлучку отъ команды во «время сраженія съ непріятелемъ....» Милосердый Боже!... А отецъ мой!... этотъ заслуженый, покрытый ранами и крестами, дряхлый старикъ, который, прощаясь со мною, говорилъ мнѣ: «Ну, другъ мой! пришло горе и на святую Русь! Богъ съ тобой — ступай, умирай за Царя и вѣру Православную. Ваня! ты у меня одинъ, какъ порохъ въ глазѣ; но такъ и быть— Его святая воля! Если ты умрешь съ честію, то я поплачу, а все таки увижусь съ тобою; но если ты.... Боже тебя сохрани.... тогда и *тамъ* не смѣй мнѣ на глаза казаться.» И что же? Я сынъ этого почтеннаго воина, обезславленный, заклейменный вѣчнымъ позоромъ.... Ахъ! все это представилось такъ живо моему воображенію.... голова моя пылала... Еслибъ я могъ, по крайней мѣрѣ, остановить моихъ солдатъ, подраться съ [illegible]емъ

— нѣтъ, проклятая лошадь лежала какъ мертвая! Я не могъ ни привстать, ни пошевелиться, и хотя продолжалъ кричать, но никто не спѣшилъ ко мнѣ на помощь. Отчаяніе, страхъ, безпрерывныя усилія, довели меня наконецъ до такого разслабленія, что я начиналъ уже терять чувства, какъ вдругъ вижу — ко мнѣ бѣгутъ: это былъ Казакъ, который услышалъ наконецъ мой крикъ. Онъ принялся тащить съ меня лошадь, а я закричалъ охрипшимъ голосомъ: «Гдѣ Французы—гдѣ?»

— «Французы?» отвѣчалъ спокойно Казакъ; «вонъ тамъ!»

— «Гдѣ?...»

— «За нашимъ аванпостомъ.»

— «Какъ наши еще отстрѣливаются?.. Слава Богу!»

— «Нѣтъ, Ваше Благородіе! все смирно. Ну, бѣсъ тебя дери, вставай!» прибавилъ онъ, стащивъ съ меня лошадь.

— «Какъ смирно!» вскричалъ я вскочивъ на ноги; «да развѣ ты не слышишь?»

Казакъ вздрогнулъ, повернулся назадъ и сталъ прислушиваться.

« Что ты — оглохъ что-ль?... Развѣ не слышишь перестрѣлка ? »

— « Никакъ нѣтъ, сударь! ничего не слышно. »

— « Да чтожъ это такое ?»

— « Вотъ это, что стучитъ-то ? Это толчея. »

— « Какъ ?»

— « Да, Ваше Благородіе! вотъ въ этой мѣльницѣ, подлѣ которой я стою,»

« Ухъ! какая свинцовая гора свалилась съ моего сердца! Я бросился обнимать Казака, перекрестился, захохоталъ какъ сумасшедшій, потомъ заплакалъ какъ ребенокъ, отдалъ Казаку послѣдній мой талеръ и пустился бѣгомъ по валу. Въ нѣсколько минутъ я добѣжалъ до рощи; между деревьевъ блеснули Русскіе штыки: это были мои солдаты, которые построясь для смѣны, ожидали меня у самаго аванпоста. Весь тотъ день я чувствовалъ себя

нездоровымъ, на другой слегъ въ постелю и схлебнулъ такую горячку, что, чуть-чуть, не отправился на тотъ свѣтъ.»

— «По дѣломъ, братъ!» перервалъ Зарядьевъ; «впередъ наука!»

— «И могу васъ увѣритъ,» продолжалъ Двинской, «что эта наука пошла мнѣ въ прокъ. Теперь, когда я веду смѣну, то иду всегда впереди, какъ на ученьи, передъ моимъ взводомъ.»

— «Да такъ и должно: когда Офицеры при своихъ мѣстахъ, такъ и солдаты дѣлаютъ свое дѣло. Ну что? за чѣмъ?» спросилъ Зарядьевъ, обратясь къ вошедшему Ефрейтору.

— «Я присланъ, Ваше Благородіе, съ пикета,» отвѣтилъ Ефрейторъ.

— «За чѣмъ?»

— «На плёсѣ показались двѣ лодки, Ваше Благородіе!»

— «Двѣ лодки?... съ народомъ?»

— «Не могу знать, Ваше Благородіе!

Темновато; а должно быть народу не мало: лодки большія.»

— «Вѣрно опять пробираются съ провіантомъ въ городъ.»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе! онѣ идутъ прямо на насъ отъ Гданска.»

— «Что-бъ это значило? Ступай, скажи сей часъ караульному Офицеру, чтобъ у людей всѣ ружья были заряжены!»

— «Слушаю, Ваше Благородіе!»

— «Постой! часовымъ окликать каждыя двѣ минуты другъ друга.»

— «Слушаю, Ваше Благородіе!»

— «И полно, братецъ!» прервалъ Сборской «что тебѣ за радость по пустякамъ всѣхъ тревожить. Тутъ и спрашивать нечего: это наши сторожевые баркасы, или канонерскія лодки.»

— «А почему ты это знаешь?»

— «Потому, что онѣ безпрестанно разъѣзжаютъ по возморью, чтобъ не пропускать никого съ провіантомъ; это ихъ

дѣло, а ваше перехватывать только тѣхъ, которые пробираются вдоль берега.»

— «А если это Французы? Нѣтъ, братъ, въ военное время дремать не надобно. Ефрейторъ! скажи также дежурному по ротѣ, чтобъ люди были на всякой случай въ готовности и при первой тревогѣ выходили бы всѣ на сборное мѣсто».

— «Слушаю, Ваше Благородіе!»

— «Ступай!»

Ефрейторъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ, притопнулъ ногою, и вышелъ вонъ изъ избы.

— «Ну, Зарядьевъ!» сказалъ Сборской, захохотавъ во все горло, «какъ Рославлевъ пугнулъ тебя своимъ Шамбюромъ: ты никакъ въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ ѣдетъ къ намъ въ гости.»

— «А чортъ его знаетъ!» отвѣчалъ Зарядьевъ, набивая спокойно свою трубку. «Онъ ли, не онъ ли, по мнѣ все равно; главное въ томъ, чтобъ насъ никто въ расплохъ не засталъ.»

— «Добро, добро! Тебя вѣдь ничѣмъ не переувѣришь. Ну, чтожъ, Ленской? Теперь твоя очередь каяться. Покорно просимъ разсказать, гдѣ, когда и чего ты изволилъ струсить.»

— «Изъ моей исторіи,» сказалъ Ленской,» можно сдѣлать, что хочешь: и забавный водевиль, и престрашную мелодраму, только должно признаться, что въ обоихъ случаяхъ роля моя была бы вовсе незавидная; но дѣлать нечего: хоть и стыдно, а пришлось разсказывать. Прошу прислушать.

ГЛАВА V.

Ночлегъ въ лѣсу.

«Въ сраженіи подъ Чашниками я получилъ сильную контузію ядромъ, и также какъ ты, Сборской, промаялся [illegible]

въ Жидовскомъ мѣстечкѣ; но только не дразнилъ Жида, отъ того, что моимъ хозяиномъ былъ Польской крестьянинъ, и не бесѣдовалъ съ Французами, потому что квартира моя была въ глухомъ переулкѣ, по которому не проходили ни Французы, ни Русскіе. По выздоровленіи моемъ я отправился догонять мою роту, и также какъ ты, встрѣчалъ вездѣ ласковый пріемъ, то есть: меня кормили, поили и называли подъ часъ ясновельможнымъ Паномъ. На третій день моего путешествія мнѣ пришлось, подъ вечеръ, ѣхать дремучимъ сосновымъ лѣсомъ; на дворѣ было погодно, попархивалъ мѣлкой снѣжокъ, и холодный вѣтеръ продувалъ насквозь мой плащъ, который нѣкогда былъ подбитъ ватою, но протерся такъ на бивакахъ, что во многихъ мѣстахъ былъ *ожуръ*. Часа полтора я зябнулъ молча; наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и закричалъ своему проводнику: « да скоро ли мы доѣдемъ до ночлега, разбойникъ? »

— «А вотъ какъ выѣдемъ изъ лѣсу, Пане!» отвѣчалъ проводникъ.

— «А скóро ли мы выѣдемъ изъ лѣсу?»

— «А вотъ какъ переѣдемъ длинный мостъ, Пане!»

— «Да скоро ли мы доѣдемъ до моста?»

— «А вотъ какъ подымемся на гору, Пане!»

— «Чортъ тебя возьми! Да гдѣжъ эта гора?»

— «Не близко, Пане! Не то двѣ, не то четыре добрыхъ мили.»

«Я ужаснулся. И одна *добрая миля* въ Польшѣ стóитъ нашихъ семи верстъ, а четыре!... «Да нѣтъ ли гдѣ нибудь по близости господской мызы?» спросилъ я.

— «Якъ же, Пане! вонъ въ сторонѣ, бачишь, бьялу муравянку?»

«Я обернулся въ ту сторону, на которую проводникъ указывалъ [redacted] кну-

томъ, и увидѣлъ, что въ концѣ узкой просѣки что-то бѣлѣлось и мелькалъ огонёкъ. «Что это? Господской домъ?» спросилъ я.

— « Такъ есть, Пане!»

— « Вези насъ туда.»

« Полякъ поворотилъ въ просѣку, и чрезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали на обширный дворъ. Съ полдюжины всякаго рода собакъ подняли ужасный лай, а на крыльцо длиннаго, оштукатуреннаго флигеля высыпало человѣкъ пять, или шесть дюжихъ лакѣевъ. Одинъ изъ нихъ принялъ меня подъ руку изъ саней и, введя въ просторную и весьма чисто убранную столовую, побѣжалъ доложить хозяину, что пріѣхалъ Русской Офицеръ. Судя по вѣжливому пріему слугъ, я долженъ былъ надѣяться, что хозяинъ обойдется со мною очень ласково — и не ошибся. Двери въ гостинную растворились; небольшаго роста худощавый старичокъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ распростертыми объ-

ятіями. «Милости просимъ, дорогой гость!» закричалъ онъ по-русски, обнимая меня съ изъявленіями живѣйшей радости. «Милости просимъ! Для меня всегда истинный праздникъ, когда Русской Офицеръ заѣдетъ въ мой домъ. Прошу покорно садиться. Да скиньте вашу саблю, отдохните, успокойтесь!» Я сталъ было извиняться, но ласковый хозяинъ не далъ мнѣ выговорить ни слова; осыпалъ меня привѣтствіями, и браня безъ милосердія Французовъ, твердилъ безпрестанно: «Защитники, спасители наши! Какъ намъ васъ не любить? Еслибъ не вы, мы вовсе бы погибли! Эти злодѣи, Французы, грабители! Ползлота въ карманѣ не оставили; все обобрали: скотъ, деньги, вещи; ну вѣритель Богу!» примолвилъ онъ, вынимая изъ кармана золотую табакерку рублей въ шесть сотъ, «хоть по міру ступай по милости этихъ варваровъ: въ разоръ разорили насъ бѣдныхъ!»

«Все это хорошо, думалъ я; но пищій,

который нюхаетъ табакъ изъ золотой табакерки, вѣрно найдетъ чѣмъ покормить своего защитника и спасителя. Прошло около часу, хозяинъ не унимался хвалить Русскихъ Офицеровъ, бранить Французовъ, и даже нѣсколько разъ, въ восторгѣ пламенной благодарности, прижималъ меня къ своему сердцу; но объ ужинѣ и рѣчи не было. Наконецъ я рѣшился намекнуть, что Русской Офицеръ также можетъ и устать и проголодаться. «Такъ вы хотите ужинать?» вскричалъ хозяинъ. «Что же вы не говорите? Помилуйте! вы здѣсь у себя дома—приказывайте! Для кого другова, а для васъ у меня все найдется. Гей, хлопецъ!» Вошелъ слуга; хозяинъ пошепталъ ему что-то на ухо, и принялся снова осыпать меня вѣжливостями. Прошло еще съ полчаса, и признаюсь, это словесное угощеніе начало мнѣ становиться въ тягость, тѣмъ болѣе, что въ прищуренныхъ и лукавыхъ глазахъ хозяина замѣтно было что-то такое, что совершенно противорѣ-

чило кроткому его голосу и словамъ, исполненнымъ ласки и чувствительности. Вошелъ слуга и доложилъ, что ужинъ готовъ. Мы вышли въ столовую. Небольшой круглый столъ былъ накрытъ для одного меня; на немъ стояла дорогая серебряная миска, два покрытыхъ блюда, также серебряныхъ, два граненыхъ графина съ водою, и на фарфоровой прекрасной тарелкѣ лежалъ маленькой ломтикъ хлѣба, такъ ровно, такъ гладко и такъ красиво отрѣзанный, что можно было имъ залюбоваться, еслибъ онъ не былъ чернѣе сапожной ваксы. «Не погнѣвайтесь!» сказалъ хозяинъ, садясь насупротивъ меня; «я самъ никогда не ужинаю, а признаюсь —люблю смотрѣть, когда, у меня кушаютъ другіе. Прошу покорно!» продолжалъ онъ, подавая мнѣ глубокую тарелку съ супомъ. «Вы человѣкъ военный, вамъ не всегда удастся хорошо поужинать. Милости просимъ! это Нѣмецкой васеръ-супъ.»

«Я хлебнулъ одну ложку.... Владыко

[illegible] мѣста: Что это.... Желтоватая мутная вода, въ которой не плавало даже и картофеля. «Кушайте, мой дорогой гость!» повторялъ хозяинъ; «подкрѣпите ваши силы—за здоровье! Этотъ супъ отмѣнно питателенъ.» Я не знаю, что думать; въ голосѣ этого людоѣда было такое добродушіе, въ улыбкѣ такая простота; но глаза—о, глаза его блистали и вертѣлись, какъ у демона! «Я вижу,» продолжалъ онъ, «вы не охотникъ до горячаго, такъ милости прошу вашего Польскаго ростбифа.» Онъ открылъ одно блюдо, придвинулъ его ко мнѣ, и чтожъ.... въ немъ лежала фунта въ три огромная кость, около которой не было и двухъ золотниковъ мяса. Я вспыхнулъ отъ досады; но поглядѣвъ вокругъ себя, и видя, что я одинъ одинехонекъ посреди десяти рослыхъ слугъ, которые, какъ истуканы, стояли неподвижно вокругъ стола, скрѣпился и промолчалъ.

... «Чтожъ вы не кушаете, мой поч-

теннѣйшій ?» сказалъ хозяинъ. «А,—понимаю! Надобно прежде выпить ? Конечно, конечно! Хотѣлось бы мнѣ поподчивать васъ хорошимъ Венгерскимъ, да проклятые Французы—чортъ бы ихъ взялъ! все до капельки вытянули; но за то у меня есть домашнее пивцо.... Не хочу хвастаться—попробуйте сами. Эй, малой! бутылку Мартовскаго пива!» Принесли закупоренную бутылку; хозяинъ налилъ большой серебряной стаканъ и подалъ мнѣ. Желая знать, какъ долго будетъ продолжаться эта мистификація, я выпилъ полстакана какой-то микстуры, которая походила на Русской, разведенный водою квасъ. Между тѣмъ хозяинъ, наскобля около кости кусочикъ мяса съ грецкой орѣхъ, поставилъ передо мною. Я такъ былъ голоденъ, что, не смотря на злость мою, проглотилъ этотъ пріемъ ростбифа, и пропустилъ въ слѣдъ за нимъ кусокъ чернаго хлѣба въ одну секунду. «Теперь,» сказалъ хозяинъ, «я поподчую васъ рыбою изъ

ихъ прудовъ. Французы и тутъ мнѣ надѣлали пакостей: всѣхъ крупныхъ карасей выловили. Что дѣлать? Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! прошу покорно!» Онъ открылъ послѣднее блюдо, и съ дьявольскою улыбкою пододвинулъ ко мнѣ.... нѣтъ, чортъ возьми! это уже изъ мѣры вонъ! одинъ жареный пискарь!... Я не вытерпѣлъ, и выскочилъ изъ-за стола «Что это, мой почтеннѣйшій! вы не хотите кушать?» «А все, чай, отъ усталости. Когда подумаешь, что вы, господа военные, для насъ, мирныхъ гражданъ, терпите!... И холодъ, и голодъ, и всякую нужду: подлинно мы не должны и сами ничего для васъ жалѣть. Но вижу, вы точно устали и хотите отдохнуть.»

— «Да, сударь!» сказалъ я прерывающимся отъ бѣшенства голосомъ; «прошу покорно показать мнѣ мою комнату.»

— «Я самъ буду имѣть честь проводить васъ. Гей, малой! свѣти!»

«Мы прошли длиннымъ корридоромъ на другой конецъ дома; слуга отперъ дверь и ввелъ насъ въ нетопленную комнату, которую, какъ замѣтно было, превратили на скорую руку изъ кладовой въ спальню.

— «Помилуйте!» вскричалъ я, «да здѣсь замерзнешь!»

— «Извините, почтеннѣйшій!» отвѣчалъ хозяинъ. «Не смѣю положить васъ почивать въ другой комнатѣ: у меня въ домѣ больныя дѣти—заснуть не дадутъ; а здѣсь вамъ никто не помѣшаетъ. Холода же вы, господа военные, не боитесь: кто всю зиму провелъ на бивакахъ, тому эта комната должна показаться теплѣе бани.»

— «Но позвольте вамъ сказать....»

— «Не хочу мѣшать вамъ отдохнуть. Добраго сна, господинъ Офицеръ! Покойной ночи!»

«Сказавъ эти слова, хозяинъ хлопнулъ дверью, и я остался одинъ съ слугой моимъ Андреемъ, у котораго постная рожа была еще длиннѣе моей. «Что это, су-

— « И побратались съ нам
ратномъ полѣ, » сказалъ Ленс
лодцы! лихо дерутся! »

— « И славно знаютъ фрунт
бѣ, » примолвилъ Зарядьевъ. «
глядѣлъ въ Кенигсбергѣ на их
такъ — нечего сказать — за
Конечно, нашъ братъ, стар
Командиръ, могъ бы кой-что з
ружейныхъ хваткахъ; но за то
прошли церемоніальнымъ марше
я тебѣ скажу—чудо! »

— « Да, Василій Ивановичъ
и въ этомъ они намъ не усту
накожъ, прошу не перерывать
то я никогда не доскажу вамъ
ключенія à la madame Radcliff

« Привыкнувъ видѣть однѣ з
Жидовскія мѣстечки, я не мог
налюбоваться, въ первые два
путешествія по Пруссіи на
деревни, богатыя усадьбы ном

дарь?» сказалъ онъ, поглядѣвъ вокругъ себя; «куда это мы попали? Помилуйте! вѣдь я еще ничего не ѣлъ.»

— «Убирайся къ чорту! Я самъ умираю съ голода.»

— «Какъ, сударь! такъ и васъ не лучше моего угостили? Меня въ кухнѣ все подчивали водою, да снесли отъ васъ говяжью кость, на которой и собака ничего бы не отыскала. «Это, дискать, твой баринъ шлетъ тебѣ подачку.» Разбойники! Эхъ, сударь, еслибъ мы были здѣсь съ вашей ротою!...»

— «Еслибъ!... еслибъ!... Молчи, дуракъ!»

«Андрей замолчалъ, а я сталъ раздѣваться, и поглядывая на приготовленную для меня постель, думалъ про себя: «однакожь этотъ палачъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ я соснулъ хорошенько. Тонкое, чистое бѣлье, прекрасное одѣяло изъ бѣлаго пике; правда, одна маленькая подушка, но съ красивыми кисейными обор-

ками.... Такъ и быть!... Хоть я и голоденъ, да за то дамъ славную высыпку!» Я поторопился лечь; со всего размаха бросился на постелю, и такъ закричалъ, что Андрей присѣлъ отъ страха. Представьте себѣ: подъ тонкой простынею однѣ голыя доски! Я схватился за бокъ — слава Богу! всѣ ребра цѣлы. Ну, такъ и быть! Военный человѣкъ не привыкъ спать на пуховикѣ: дѣлать нечего — авось какъ нибудь засну; къ томужъ, одна ночь пройдетъ скоро. Андрей погасилъ свѣчу и улегся на высокомъ оковапномъ сундукѣ. Не прошло двухъ минутъ, какъ вдругъ цѣлое стадо огромныхъ крысъ высыпало изъ всѣхъ угловъ; пошла стукотня, возня, бѣготня взадъ и впередъ; одна укусила за ногу Андрея, двѣ пробѣжали по моему лицу. Нѣтъ! это уже слишкомъ! «Андрюшка!» вскричалъ я, какъ бѣшеный; «ступай, отыщи моего извощика, вели закладывать: я ѣду сей часъ изъ этого омута.»

— «Помилуйте, сударь! Теперь пол-

ночь; а мнѣ люди говорили, что здѣсь въ лѣсу не ловко—мародёры.... бѣглые солдаты...»

— «Вздоръ! ступай, спроси свѣчу, и чтобъ въ полчаса насъ здѣсь не было!»

«Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ полчаса я сидѣлъ въ саняхъ; двое слугъ свѣтили мнѣ на крыльцѣ, а толстой *Экономъ* объявилъ съ низкимъ поклономъ, будто бы господинъ его до того огорчился моимъ внезапнымъ отъѣздомъ, что не въ силахъ встать съ постели, и долженъ отказать себѣ въ удовольствіи проводить меня за ворота своего дома; но надѣется однако-жъ, что я на возвратномъ пути... Я не далъ договорить этому бездѣльнику. «Скажи своему господину,» закричалъ я, «что если мнѣ случится быть въ другой разъ его гостемъ, то это будетъ не иначе, какъ съ цѣлою ротою Русскихъ солдатъ. Пошолъ!»

Проводникъ ударилъ по лошадямъ, мы выѣхали изъ воротъ, и въ слѣдъ за нами

пронесся громкой хохотъ. « Ахъ, чортъ возьми! Негодяй! осмѣять такимъ позорнымъ образомъ, одурачить Русскаго Офицера!» Вся кровь во мнѣ кипѣла; но свѣжій вѣтерокъ расхолодилъ въ нѣсколько минутъ этотъ внутренній жаръ, и я спросилъ проводника: нѣтъ ли по близости другой господской мызы? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что съ полмили отъ большой дороги живетъ богатый Панъ Селява.

— «Вези-жъ меня къ этому Пану!» сказалъ я. Полякъ повернулъ въ сторону, и мы проселочной дорогой, проложенной сквозь частый лѣсъ, который становился все темнѣе и темнѣе, выѣхали черезъ нѣсколько минутъ на перекрестокъ. Проводникъ остановилъ лошадей, призадумался, и наконецъ, пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, пустился по узенькой дорожкѣ, которая шла съ полверсты влѣво, и потомъ, поворотя круто въ противную сторону, дѣлилась на-двое. Полякъ остановилъ опять лошадей, снялъ шапку, почесалъ въ голо-

вѣ, и оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «по какой дорогѣ ему ѣхать?»

— «Какъ по какой?» сказалъ я; «да развѣ я знаю?»

— «И я не знаю, Пане!»

— «Вотъ-те разъ!» вскричалъ Андрей, «мы заплутались. Экой болванъ! не знаетъ самъ, куда ѣдетъ.»

— «Дали букъ такъ! Цо робить, Пане?»

— «Ну, дѣлать нечего!» сказалъ я; «ступай прямо по дорогѣ: авось куда нибудь выѣдемъ.»

«Мы снова двинулись впередъ; лѣсъ становился все гуще, дорожка уже, кругомъ насъ выли волки, я дрожалъ отъ холода, и признаюсь, жалѣлъ отъ всей души о прежнемъ ночлегѣ. Правда, моя спальня была холодновата, но въ лѣсу еще было холоднѣе, и вмѣсто крысъ, насъ могла атаковать цѣлая стая голодныхъ волковъ, а все оружіе мое состояло въ одной саблѣ. Я начиналъ уже не на шутку без-

покоиться, какъ вдругъ мелькнулъ между деревьями огонекъ. Слава Богу! вотъ и пріютъ! Полякъ обрадовался, замахалъ кнутомъ, и мы выѣхали на обширную луговину, посреди которой стоялъ низенькой домикъ, обнесенный высокимъ частоколомъ. Ворота были отперты; мы подъѣхали къ крыльцу, и я, въ провожаніи моего слуги, вошелъ въ переднюю. На простомъ деревянномъ столѣ догорала сальная свѣчка и слабо освѣщала стѣны, увѣшенныя ружьями, пистолетами и ножами. На широкой скамьѣ храпѣлъ огромный мужичина въ запачканномъ нагольномъ тулупѣ. Свѣтъ отъ пылающаго огарка падалъ прямо ему на лице. Во всю жизнь мою я не видывалъ физіономіи столь отвратительной и безобразной. Представьте себѣ красную рожу, изрытую глубокими рябинами, ротъ до ушей, плоской носъ, немного уже рта, невыбритую бороду и рыжіе усы, которые, не смотря на величину свою, покрывали только до половины глубокой рубецъ

или, лучше сказать, яму на правой щекѣ его, противъ самой челюсти. Все это вмѣстѣ составляло такой верхъ безобразія, что даже мой Андрей, толкая его подъ бокъ, не могъ удержаться отъ невольнаго восклицанія: «экой лѣшій.... дьяволъ!... Ай да красавецъ!» При третьемъ толчкѣ красавецъ потянулся, зѣвнулъ и поднялся на ноги «Слушай-ка, любезный!» сказалъ Андрей: «мы съ бариномъ заплутались; не льзя ли намъ здѣсь переночевать?»

Вмѣсто отвѣта, уродъ вытаращилъ на насъ свои заспанные глаза, и промычалъ, какъ годовалый быкъ.

— «Ну, проснись, братъ!» продолжалъ Андрей. «Что ты свои буркалы-то на насъ вытаращилъ? Иль не видишь, что баринъ мой Русской Офицеръ?»

Полякъ кивнулъ головою и замычалъ громче прежняго.

— «Да полно мычать-то! Тебя спрашиваютъ толкомъ: можно ли намъ здѣсь переночевать?»

Полякъ раскрылъ свою огромную пасть, и показывая на небольшой остатокъ языка и на свой рубецъ, провылъ жалобнымъ голосомъ.

— « Развѣ не видишь, что онъ нѣмъ!» сказалъ я.' «Но если онъ не можетъ говорить самъ, то, кажется, понимаетъ, что говорятъ съ нимъ другіе. Послушай, голубчикъ, нѣтъ ли здѣсь, кромѣ тебя, кого нибудь ?»

« Нѣмой кивнулъ головою и вышелъ вонъ. Минуты черезъ три дверь во внутреннія комнаты стала понемногу растворяться, и къ намъ заглянула новая харя, подъ пару прежней, только безъ усовъ и въ спальномъ женскомъ чепцѣ. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, рожа спряталась, дверь захлопнули, и мы остались опять вдвоемъ съ Андреемъ. Подождавъ нѣсколько времени, я рѣшился добиться толку и растворилъ дверь, которую такъ невѣжливо заперли у меня подъ носомъ.. Слабый свѣтъ изъ передней отразился въ одномъ углу

темной комнаты, и я, хотя съ трудомъ, но разсмотрѣлъ, что онъ заваленъ рогатинами. Вошелъ опять нѣмой, и давъ намъ знакъ рукою идти за нимъ, провелъ черезъ сѣни въ небольшую горенку, въ которой стояла кровать и накрытый столъ. Нашъ молчаливый проводникъ, показавъ мнѣ на графинъ съ водкою, большое блюдо съ холоднымъ жаркимъ, поставилъ на столъ свѣчу и вышелъ. «Ого, подумалъ я, принимаясь за жаркое, «здѣсь, видно, лучше прежняго моего хозяина знаютъ Русскую пословицу: соловья баснями не кормятъ. Но что за странность?» продолжалъ я вслухъ, «куда ни взглянешь, вездѣ оружіе. Этотъ домъ настоящій арсеналъ! Вотъ и здѣсь висятъ пистолеты.»

— «Только безъ кремней,» прибавилъ мой слуга; «а въ передней всѣ ружья въ исправности. А ножей-то, ножей!... Охъ, сударь!.. мнѣ это что-то подозрительно. Куда это мы съ вами запропастились?»

— « Трусъ! тебѣ все мерещатся разбойники. На, ѣшь, да ложись спать; вонъ, кажется, тамъ и для тебя подкинута постеленка.»

— « А развѣ вы не изволите раздѣваться?»

— « Нѣтъ! я завернусь въ шинель; сосну часика три, а тамъ и въ дорогу.»

« Глаза мои смыкались отъ усталости; и прежде, чѣмъ Андрей окончилъ свой ужинъ, я спалъ уже крѣпкимъ сномъ. Не знаю, долго ли онъ продолжался, только вдругъ я почувствовалъ, что меня будятъ. Я проснулся—вокругъ все темно; подлѣ меня, за дощатой перегородкой, смѣшанные голоса, и кто-то шепчетъ: «тише!... Бога ради, тише! Не говорите ни слова.» Это былъ мой Андрей, который, дрожа всѣмъ тѣломъ, продолжалъ мнѣ шептать на ухо: «ну, сударь, пропали мы!...»

— « Что ты говоришь?»

— « Тише! ради Христа, тише!... Мы у разбойниковъ.»

— «Какъ у разбойниковъ?...

— «Молчите и слушайте!»

Я замолчалъ и, едва переводя духъ, сталъ внимательно прислушиваться.

— «Да, братъ, поработали мы сего дня порядкомъ!» говорилъ кто-то за перегородкой на чистомъ Польскомъ языкѣ. «Нехъ его вшисцы дьябли везмо!... «Какъ онъ возился съ нами — на силу угомонили!»

— «Справились бы вы съ нимъ безъ меня!» перервалъ охриплый, отвратительный басъ. «Да, да, ребята! еслибъ я не подоспѣлъ въ пору, такъ вамъ бы жутко пришло. А что? каково я хватилъ его рогатиною? Небось—не промахнулся.»

— «Воля ваша,» заговорилъ кто-то довольно пріятнымъ голосомъ, «смѣйтесь надо мной, если хотите, а я, право, досадую, что пошолъ къ вамъ въ товарищи. Эй, господа! повѣрьте мнѣ, рано ли, поздно ли, а намъ бѣды не миновать; и что за радость? прибыли мало....»

— « Да за то потѣхи много! » пропищалъ кто-то тоненькимъ голоскомъ.

— « Хороша потѣха! Десятеро на одного. Вспомнить не могу—бѣдняжка! какъ онъ застоналъ, когда повалился на-земь. »

— « Вотъ еще какой сердечкинъ!» перервалъ охриплый басъ съ громкимъ хохотомъ. «Небось, ты по головкѣ бы его погладилъ ? »

— « Да я таки и приласкалъ его по головкѣ прикладомъ!» подхватилъ первый голосъ. «Экой живущій — провалъ бы его взялъ! Двѣ пули на вылетъ, рогатина въ боку, а все еще шевелился. Е, Панъ Будинской! посмотри-ка на себя! у тебя руки и все платье въ крови! Поди, умойся.»

— « Постой, дай прежде выпить, » отвѣчалъ грубый голосъ. «Гей, водки!»

« Можете себѣ представить, каково мнѣ было слушать этотъ звѣрской разговоръ. Послѣ минутнаго молчанія, тотъ же басъ заревѣлъ: «Чтожъ водки-та ? Гей, Панна

Казимира! Панна Казимира! ну, повора чивайся проворнѣй!»

— «Тише, Панъ!» заговорилъ женской голосъ: «вы этакъ разбудите проѣзжихъ.»

«Меня обдало съ головы до ногъ хололомъ. «Ну!» подумалъ я, «доходитъ и до насъ дѣло.»

— «Какихъ проѣзжихъ?» спросилъ тонкой голосъ.

— «Какой-то Русской Офицеръ съ слугою. Они заплутались и заѣхали сюда.»

— «Добро пожаловать!» сказалъ въ полголоса охриплый басъ. «Да гдѣ же они?»

— «Вотъ здѣсь—за стѣною.»

Тутъ голоса притихли. Я приложилъ ухо къ перегородкѣ, и съ трудомъ вслушался въ нѣсколько отрывистыхъ фразъ. Казалось, тотъ же охриплый басъ говорилъ въ полголоса: «Да, да, Казимира, скажи, чтобъ фурмана съ лошадьми отпустили; нашъ гость завтра не поѣдетъ.»

— « Слышите-ль, сударь? » шепнулъ Андрей дрожащимъ голосомъ.

— « Мы угостимъ его по-своему!» продолжалъ басъ. «Пойдемте отсюда, братцы. Янъ! какъ съѣдутъ со двора, ворота запереть и спустить собакъ.»

— « Хорошо угощенье! » подумалъ я, чувствуя во всемъ тѣлѣ что-то похожее на лихорадочный ознобъ.

— «Ну, сударь!» сказалъ Андрей, когда все утихло за перегородкою.

— « Да, мой другъ! нѣтъ сомнѣнья: мы у разбойниковъ.»

— « Что намъ дѣлать?»

— « Спасаться, пока еще можно.»

— « Но какъ, сударь? Весь домъ набитъ людьми.»

— « Подождемъ, пока всѣ улягутся. »

— « А если ворота будутъ заперты? »

— « Мы перелѣземъ черезъ заборъ. Но молчи! если догадаются, что мы не спимъ....»

— «Боже сохрани! тутъ намъ и карачунъ.»

«Прошло съ полчаса; нашъ проводникъ съѣхалъ со двора, ворота заперли и, казалось, кругомъ насъ все затихло. Андрей отворилъ потихоньку дверь, заглянулъ въ сѣни: въ нихъ не было никого. Я надѣлъ шинель, подпоясался шарфомъ, и держа въ рукахъ обнаженную саблю, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на крыльцо. Начинало уже свѣтать; окинувъ быстрымъ взглядомъ весь дворъ, я замѣтилъ, что въ одномъ углу забора не доставало нѣсколькихъ частоколинъ и можно было, безъ труда, пролѣзть въ отверстіе. Кругомъ дремучій лѣсъ; если успѣемъ до него добраться — мы спасены. Потихоньку, почти ползкомъ, мы прокрались вдоль стѣны къ углу дома. Заборъ отъ насъ въ пяти шагахъ.... еще нѣсколько минутъ, и мы на свободѣ!... Вдругъ двѣ огромныя меделянскія собаки бросаются къ намъ на встрѣчу.... Я былъ впереди и успѣлъ выскочить въ отверстіе.

Но бѣдный Андрей—ахъ! я слышалъ его отчаянный крикъ, который сливался съ лаемъ собакъ и громкими голосами людей, выбѣгающихъ изъ дома. Я могъ остаться, могъ умереть вмѣстѣ съ нимъ; но спасти его было невозможно. А если мнѣ посчастливится уйти отъ разбойниковъ, то въ первой деревнѣ я найду помощь, ворочусь съ вооруженными людьми и, можетъ быть, застану его еще въ живыхъ. Вотъ что думалъ я, спѣша добѣжать до лѣсу. Я былъ уже на половинѣ дороги, какъ вдругъ слышу позади себя близкой лай; оглядываюсь—о, ужасъ!... За мной гонится одна изъ собакъ. Я собираю всѣ мои силы—не бѣгу, а лечу.... страхъ — да, господа, признаюсь—страхъ придаетъ мнѣ крылья. Вотъ уже я въ лѣсу—бѣгу, куда глаза глядятъ, перепрыгиваю черезъ кусты, колоды, валежникъ.... Проклятая собака, какъ тѣнь, слѣдуетъ за мною; она уже въ двухъ шагахъ; я слышу ея удушливое дыханіе.... Принужденный защи-

щаться, я останавливаюсь, и прислонясь къ толстому дереву, начинаю отмахиваться моею саблею. Злобная собака вертится, прыгаетъ вокругъ меня. Ужасный рёвъ ея раздается по всему лѣсу, и пѣна бьетъ клубомъ изъ ея открытой пасти. Нѣсколько разъ я пытался нападать на нее самъ, но всякой разъ безъ успѣха; казалось, она отгадывала впередъ всѣ мои движенія: то бросалась въ сторону, то отскакивала назадъ, и всѣ сабельные мои удары падали на безвинныя деревья и кусты. Наконецъ зло взяло и меня.... Я бѣшусь, рублю съ плеча во всѣ стороны: кругомъ меня справа и слѣва летятъ щепы, а проклятая собака цѣлехонька, и часъ отъ часу становится неотвязчивѣе.»

— «Постой-ка!» перервалъ Зарядьевъ. «Посмотрите, господа! Что это такое — вонъ тамъ за кустами?»

— «Гдѣ?» спросилъ Сборской, взглянувъ въ окно.

— « Ну, вонъ! противъ нашей квартиры. »

— « Я ничего не вижу. »

— « И я теперь не вижу ничего, а право мнѣ показалось, что тамъ мелькнуло что-то похожее на штыкъ. »

— « И, полно, братецъ! Тебѣ все чудятся штыки да ружья! Нужно было перервать Ленскаго въ самомъ интересномъ мѣстѣ. И тебѣ охота его слушать? Разсказывай, братецъ! »

Зарядьевъ, не отвѣчая ничего, продолжалъ смотрѣть въ окно, а Ленской началъ снова.

« Болѣе четверти часа продолжался этотъ неравный бой; я началъ уставать, сабля едва держалась въ ослабѣвшей рукѣ моей. Вдругъ послышались шаги поспѣшно идущихъ людей; собака, почуевъ приближающуюся къ ней помощь, ощетинилась, заревѣла какъ тигръ и кинулась мнѣ прямо на грудь. Я опустилъ саблю, но ударъ

пришелся плашмя и не сдѣлалъ ей никакого вреда; а собака, вцѣпясь зубами въ мою шинель, прижала меня плотно къ дереву. Вокругъ меня загремѣли голоса: « Сюда! сюда! онъ здѣсь!... вотъ онъ! » и человѣкъ шесть съ фонарями выбѣжали изъ-за кустовъ. Сердце у меня замерло, руки опустились, и я долженъ вамъ признаться, что въ эту рѣшительную минуту страхъ былъ единственнымъ моимъ чувствомъ. Но прошу не очень забавляться на мой счетъ: погибнуть на полѣ чести, среди своихъ товарищей, или умереть безвѣстной смертію, подъ ножами подлыхъ убійцъ.... Да, господа, кто не испыталъ этой чертовской разницы, тотъ не можетъ и не долженъ смѣяться надо мною. »

« Разбойники, вмѣсто того, чтобъ воспользоваться беззащитнымъ моимъ положеніемъ, стащили съ меня собаку. Чувство свободы возвратило мнѣ всю мою бодрость. « Злодѣи! » закричалъ я, « чего вы отъ меня хотите? Все, что я имѣю,

осталось у васъ; а если вамъ нужна жизнь моя.... »

— « Господинъ Офицеръ! » прервалъ кто-то, знакомымъ уже для меня хриплымъ басомъ; « вы ошибаетесь: мы не разбойники. »

— « Не разбойники?... А мой несчастный слуга?...

— « Я здѣсь, сударь! » закричалъ Андрей, выступя изъ толпы.

— « Да, господинъ Офицеръ!» продолжалъ тотъ же басистый незнакомецъ, «мы точно не разбойники; а чтобъ вѣрнѣе вамъ это доказать, честь имѣю представить вамъ здѣшняго Капитанъ-Исправника. »

— « Плохое доказательство!» подумалъ бы я въ другое время; но въ эту минуту мнѣ было не до шутокъ.

— « Позвольте мнѣ рекомендовать себя, » сказалъ тоненькимъ голосомъ сухощавый и длинный мущина.

— « Чтожъ значитъ, » спросилъ я, не выпуская изъ рукъ моей сабли, « этотъ уединенный домъ, оружіе?... »

— « Это мой охотничій хуторъ,» подхватилъ толстоголосый господинъ, « а я самъ здѣшній повѣтовый Маршалъ, помѣщикъ Селява; мое село въ пяти верстахъ отъ-сюда....»

— « Возможно ли?... Но разговоръ, который я слышалъ: убійство... кровь...»

— « О! въ этомъ уголовномъ преступленіи мы запираться не станемъ, » запищалъ исправникъ: « мы нынѣче ночью били медвѣдя. »

— « Медвѣдя?...«

— « Да, господинъ Офицеръ! » прибавилъ Панъ Селява; « и если вамъ угодно на него взглянуть... диковинка! Медвѣдище аршинъ трехъ, съ просѣдью...»

— « А для чего вы услали моего проводника? »

— « Для того, чтобъ имѣть удовольствіе удержать васъ завтра у себя, а

послѣ завтра на своихъ лошадяхъ доставить на первую станцію. »

« Не знаю самъ, какое чувство было во мнѣ сильнѣе: радость ли, что я попалъ къ добрымъ людямъ вмѣсто разбойниковъ, или стыдъ, что ошибся такимъ глупымъ и смѣшнымъ образомъ. Я отъ всей души согласился на желаніе Пана Селявы; весь этотъ день пропировалъ съ нимъ вмѣстѣ, и не забуду никогда его хлѣбосольства и ласковаго обхожденія. На другой день...»

— « Что это? » вскричалъ Зарядьевъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ; ружейная пуля, прорѣзавъ стекло, ударила въ мѣдный подсвѣчникъ и сшибла его со стола.

— « Что это значитъ? » спросилъ Сборской. « Еще!...»

— « Французы! Французы!...» закричала хозяйка, вбѣгая въ комнату.

Офицеры бросились опрометью вонъ изъ избы. Хозяйка кинулась въ слѣдъ за ними, заперла ключемъ дверь и спряталась въ погребъ. Все это сдѣлалось въ

теченія какой нибудь полуминуты и прежде чѣмъ Зарядьевъ успѣлъ выдраться изъ-подъ стола, который во время суматохи опрокинулся на его сторону. Между тѣмъ Французы зажгли одинъ крестьянскій домъ, разсыпались по улицѣ, и пальба безпрестанно усиливалась. Зарядьевъ старался выломать дверь, какъ полоумный бросался изъ угла въ уголъ, каждый выстрѣлъ попадалъ ему прямо въ сердце. «Боже мой! Боже мой!...» кричалъ онъ; «еслибъ я могъ!...» Онъ схватилъ стулъ, вышибъ раму и кинулся въ окно. Но бѣдный Капитанъ забылъ въ суетахъ о своемъ Маіорскомъ чревѣ: высунувшись до половины въ окно, онъ завязъ, и не смотря на всѣ свои усилія не могъ пошевелиться. Пули съ визгомъ летали по улицѣ, свистѣли надъ его головою, но ему было не до нихъ; при свѣтѣ пожара, онъ видѣлъ, какъ непріятельстіе стрѣлки бѣгали взадъ и впередъ, стрѣляли по домамъ, кололи штыками встрѣчающихся имъ Рус-

скихъ солдатъ, а рота не строилась.... «Къ ружью! выходи!» кричалъ во все горло Зарядьевъ, стараясь высунуться какъ можно болѣе. «Я васъ, негодные!... Завтра же Фельдфебеля въ солдаты — я дамъ ему знать!... Ну, слава Богу!... Залпъ! другой! Живѣй, ребята!... живѣй! вотъ такъ! Стрѣлки впередъ!... Катай ихъ разбойниковъ!»

Но не одинъ Зарядьевъ кричалъ, какъ сумасшедшій: Французскій Офицеръ въ Гусарскомъ мундирѣ, съ подвязанной рукой, бѣгалъ по улицѣ и командовалъ во весь голосъ, какъ на ученьи: «Feu, mes enfans—feu! visez bien!... aux Officiers! En avant!» Нѣсколько минутъ продолжалась эта ужасная суматоха; наконецъ большая часть роты выстроилась на сборномъ мѣстѣ; Двинской и другіе Офицеры ударили съ нею на Французовъ, и началась упорная перестрѣлка. Непріятели стали подаваться назадъ, вдругъ сдѣлали залпъ и бросились въ кусты. Двинской

[illegible] пожаръ; но изъ-за кустовъ [illegible] шумъ, и онъ [illegible] [illegible] приближиться. Перестрѣлка стала утихать, наши стрѣлки побѣжали въ кусты; [illegible] захватили человѣкъ пять отставшихъ непріятелей, и добѣжавъ до широкого берега, увидѣли двѣ лодки, которыя шли [illegible] къ Двинѣ, и были уже внѣ [illegible] выстрѣловъ. Офицеры поспѣшили возвратиться скорѣй въ деревню, помочь обывателямъ тушить пожаръ. «Ахъ чортъ, возьми!» сказалъ Сборской, подходя къ деревнѣ, «какой нечаянный визитъ, и вѣрно это проказитъ Шамбюръ. Однакожъ, господа! куда дѣвался нашъ Капитанъ?»

«Я слышалъ его голосъ,» отвѣчалъ Двинской, «а самого не видалъ.»

— «Ужъ не убитъ ли онъ?... Но что это за крикъ?»

Офицеры и человѣкъ десять солдатъ побѣжали на голосъ, и чтожъ представи-

лось ихъ взорамъ? Зарядьевъ, въ описанномъ уже нами положеніи, блѣдный какъ смерть, кричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Помогите, помогите!... горю!» Офицеры кинулись въ избу, выломили дверь, и густый дымъ столбомъ повалилъ имъ на встрѣчу. Позади несчастнаго Капитана пылалъ опрокинутый столъ; во время тревоги никто не замѣтилъ, что свѣча, которую сшибло пулею со стола, не погасла; отъ нее загорѣлась скатерть; а какъ тушить было некому, то вскорѣ весь столъ запылалъ. Тотчасъ залили огонь; но гораздо труднѣе было протащить назадъ въ избу Зарядьева, который напугался до того, что продолжалъ ревѣть въ источный голосъ даже и тогда, когда огонь былъ потушенъ. Кой-какъ толстый Капитанъ выдрался изъ окна; минуты двѣ смотрѣлъ онъ на всѣхъ молча, хваталъ себя за ноги, и ощупывалъ подошвы, которыя почти совсѣмъ прогорѣли. «Тьфу, батюшки!» сказалъ онъ наконецъ; «ну

оказія! ухъ! опомниться не могу!... Эй, трубку! »

— « Что, братъ? » сказалъ Сборской; « не за тобой ли теперь очередь разсказывать исторію твоего испуга? »

— « Чего тутъ разсказывать: развѣ вы не видѣли? Провалъ бы его взялъ! Вѣдь это былъ разбойникъ Шамбюръ. »

— « Плѣнные говорятъ, что онъ, » сказалъ Двинской.

— « И, дурачье! не умѣли его подстрѣлить—ротозѣи!... Гдѣ мой кисетъ? »

— « Спасибо Шамбюру, » перервалъ Сборской, « теперь не станешь передъ нами чваниться. Что, чай, скажешь, не струсилъ? »

— « Не струсилъ! » повторилъ Зарядьевъ сквозь зубы, набивая свою трубку. « Нѣтъ, братъ; струсишь по неволѣ, какъ примутся тебя жарить маленькимъ огонькомъ и начнутъ съ пятокъ. Что ты, Дёминъ? » продолжалъ Капитанъ, увидя вошедшаго Унтеръ-Офицера.

— « Дежурный по ротѣ, Ваше Благородіе! Сей часъ дѣлали перекличку: убитыхъ поднято пять, да ранено двѣнадцать рядовыхъ и одинъ Унтеръ-Офицеръ. »

— « Кто? » спросилъ Зарядьевъ.

— « Я, Ваше Благородіе! »

— « Во что? »

— « Въ правую руку. »

— « Ахъ, Боже мой!» вскричалъ Сборской, « у него вся кисть раздроблена, а онъ даже и не морщится! »

— « Вѣрно съ горяча не чувствуешь?» спросилъ Ленской.

— « Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе! больно мозжитъ. »

— « Чтожъ ты нейдешь къ лѣкарю? » закричалъ Зарядьевъ. « Пошолъ скорѣй, дуракъ! »

— « Слушаю, Ваше Благородіе! » Дёминъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ, и вышелъ вонъ изъ избы.

— « А гдѣ Рославлевъ? » спросилъ Сборской.

Ленской. «Посмотрите! въ торопяхъ два весла и багоръ забыли. А это что бѣлѣется подлѣ куста?»

Зарядьевъ наклонился, и поднялъ бѣлую фуражку.

— «Кавалерійская фуражка!» закричалъ Сборской. «Она была на Рославлевѣ, когда мы выбѣжали изъ избы; но гдѣ же онъ?»

— «Если живъ,» отвѣтилъ Двинской, «такъ не далеко теперь отъ Данцига.»

— «Онъ въ плѣну! Бѣдный Рославлевъ!»

— «Эхъ, жаль!...» сказалъ Ленской «въ Данцигѣ умираютъ съ голода, а онъ, бѣдняжка, не успѣлъ и перекусить съ нами! Ну, дѣлать нечего, господа, пойдемте ужинать.»

ГЛАВА VI.

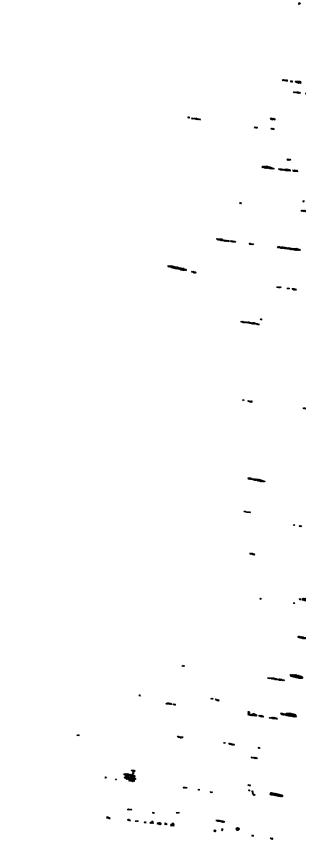
—

Данцигскіе жители, а особливо тѣ, которые не были далѣе пограничнаго съ ними Прусскаго городка Дершау, говорятъ всегда съ замѣтною гордостію о своемъ *великолѣпномъ* городѣ; есть даже Нѣмецкая пѣсня, которая начинается слѣдующими словами: « О Данцигъ, о Данцигъ, о чудесно-красивый городъ! » (*) И когда рѣчь дойдетъ до главной площади, называемой Лангъ-Газъ, то восторгъ ихъ превращался въ совершенное изступленіе. По ихъ словамъ, нѣтъ въ мірѣ площади, прекраснѣе и величественнѣе этой; потому что она застроена со всѣхъ сторонъ отличными зданіями, которыя хотя и походятъ

(*) O Danzig, o Danzig! o wunderſchöne Stadt!

на карточные домики, но за то высоки, пестры и отмѣнно фигурны. Конечно, эта обширная площадь не длиннѣе ста шаговъ, и гораздо уже всякой широкой Петербургской, и Берлинской улицы, но въ сравненіи съ коридорами и ущелинами, которые Данцигскіе жители не стыдятся называть улицами и переулками, она дѣйствительно походитъ на что-то огромное, и еслибъ средину ея не занималъ чугунный Нептунъ на Дельфинахъ, изъ которыхъ льется, по праздникамъ, вода, то этотъ Лангъ-Газъ былъ бы, безъ сомнѣнія, гораздо просторнѣе — Московскаго Екзерциръ-гауза!

Надъ дверьми одного изъ уго́льныхъ домовъ сей знаменитой площади, красивая вывѣска съ надписью на Французскомъ языкѣ, извѣщала всѣхъ прохожихъ, что тутъ помѣщается лучшая кандитерская лавка въ городѣ, подъ названіемъ: Café Français. Внутри за налощеннымъ орѣховымъ прилавкомъ сидѣла худощавая



сытнаго обѣда; а третій, молодой Кавалеристъ, съ веселой и открытой физіономіею, обмакивая свой хлѣбъ въ чашку, напѣвалъ сквозь зубы какіе-то куплеты. Поодаль отъ нихъ сидѣлъ задумавшись, подлѣ окна, молодой человѣкъ, закутанный въ сѣрую шинель; передъ нимъ стояла не допитая рюмка ликера и лежалъ ломоть черстваго хлѣба.

— «Перестанешь ли ты хмуриться, Мильсанъ?» сказалъ, допивъ свою чашку, краснощекой толстякъ.

— «Да чему прикажите мнѣ радоваться?» отвѣчалъ безрукой Офицеръ. «Не тому ли, что мнѣ, вмѣсто головы, оторвало руку?»

— «Ну, право, ты не Французъ!» продолжалъ толстой Офицеръ: «всякая бездѣлка опечалитъ тебя на нѣсколько мѣсяцовъ. Конечно досадно, что отпилили твою лѣвую руку; но за то у тебя осталась правая, а сверхъ того полторы [illegible]

сячи франковъ пенсіона, который тебѣ слѣдуетъ....»

— «И за которымъ мнѣ придется ѣхать въ луну?» перервалъ Мильсанъ.

— «Нѣтъ, не въ луну, а въ Парижъ. Императоръ никогда не забывалъ награждать изувѣченныхъ на службѣ Офицеровъ.»

— «Императоръ! Да! ему теперь до этого; послѣ проклятаго сраженія подъ Лейпцигомъ....»

— «Да что ты, Мильсанъ, вѣришь Русскимъ?» вскричалъ молодой Кавалеристъ; «вѣдь теперь за нихъ морозъ не станетъ драться; а бѣдные Нѣмцы такъ привыкли отъ насъ бѣгать, что имъ въ голову не придетъ порядкомъ схватиться —и съ кѣмъ же?... съ самимъ Императоромъ! Русскіе нарочно выдумали это извѣстіе, чтобъ мы скорѣй сдались — Ils sont malins ces barbares! Не правда ли, господинъ Папилью?» продолжалъ онъ, относясь къ толстому Офицеру. Вы часто

бываете у Раппа, и должны знать лучше нашего....»

— «Да,» отвѣчалъ Папильѝ, «и я сегодня обѣдалъ у Его Превосходительства. Чортъ, возьми гдѣ онъ досталъ такого славнаго повара? Какой бифстекстъ сдѣлалъ намъ этотъ бездѣльникъ изъ лошадинаго мяса!... Повѣрите ли, господинъ Розенганъ...»

— «Не объ этомъ рѣчь,» перервалъ Кавалеристъ; «что говоритъ Генералъ о Лейпцигскомъ сраженіи?»

— «Онъ говоритъ, что это можетъ быть неправда, и велѣлъ даже взять подъ арестъ Флорентійскаго купца, который, дней пять тому назадъ, разсказывалъ здѣсь съ такими подробностями объ этомъ дѣлѣ.»

— «Какъ! Вотъ этого чудака, который ходилъ со мною на Бишеф-бергъ для того только, чтобъ посмотрѣть, какъ Русскіе дѣйствуютъ противъ нашихъ батарей.»

— «Да, его.»

— «Эхъ жаль! онъ презабавный оригиналъ. Мы, кажется, съ Шамбюромъ не трусы; но не долго пробыли на верхней батареѣ, которую, можно сказать, осыпало непріятельскими ядрами, а этотъ чудакъ расположился на ней, какъ дома; закурилъ трубку и пустился въ такіе разговоры съ нашими Артиллеристами, что они рты разинули, и что всего забавнѣе— разсердился страхъ на Русскихъ, и знаете ли за что?... За то, что они мало дѣлаютъ намъ вреда, и не стрѣляютъ по нашимъ батареямъ навѣсными выстрѣлами. Шамбюръ, у котораго голова также немножко наизнанку, безъ памяти отъ этого оригинала, и старался всячески завербовать его въ свою адскую роту; но господинъ купецъ отвѣчалъ ему преважно: что онъ мирный гражданинъ, что это не его дѣло, что у него въ отечествѣ жена и дѣти; принялся намъ изъяснять, въ чемъ состоятъ обязанности отца семейства, какъ онъ долженъ беречь себя, дорожить

своею жизнію, и кончилъ тѣмъ, что пошелъ опять на батарею смотрѣть, какъ летаютъ Русскія бомбы. »

— « А знаете ли, » сказалъ толстый Офицеръ, «что этотъ храбрецъ очень подозрителенъ? Кромѣ одного здѣшняго купца Сандерса, никто его не знаетъ, и Генералъ Рашъ сталъ было сомнѣваться, точно ли онъ Италіянской купецъ; но когда его привели при мнѣ къ Генералу, то всѣ отвѣты его были такъ ясны, такъ положительны; онъ сталъ говорить съ однимъ Италіянскимъ Офицеромъ такимъ чистымъ Флорентійскимъ нарѣчіемъ, описалъ ему съ такою подробностію свой домъ и родственныя свои связи, что добрый Рашъ рѣшился было выпустить его изъ-подъ ареста; но Генералъ Дерикуръ пошепталъ ему что-то на ухо, и купца отвели опять въ тюрму.»

— « Жаль, если надобно будетъ его разстрѣлять,» сказалъ Кавалерійской Офицеръ.

Вдругъ раздался ужасный трескъ; брошенная изъ траншей бомба упала на кровлю дома; черепицы, какъ дождь, посыпались на улицу. Пробивъ три верхніе этажа, бомба упала на потолокъ той комнаты, гдѣ бесѣдовали Офицеры. Черезъ нѣсколько секундъ раздался оглушающій взрывъ, отъ котораго, казалось, весь домъ поколебался на своемъ основаніи.

— « Геръ Іезусъ! » закричала мадамъ.

— « Проклятые Русскіе! » сказалъ Кавалерійской Офицеръ, стряхивая съ себя мелкіе куски штукатурки, которые падали ему на голову. « Пора унять этихъ варваровъ!»

— « Тише, Розенганъ!» шепнулъ Мильсанъ; « зачѣмъ оскорблять этого плѣннаго Офицера ?»

Кавалеристъ оборотился къ окну, подлѣ котораго сидѣлъ молодой человѣкъ въ сѣрой шинели; казалось, взрывъ бомбы ни мало его не потревожилъ. Задумчивый и неподвижный взоръ его былъ устремленъ

по прежнему на одну изъ стѣнъ комнаты, но по видимому онъ вовсе не разсматривалъ, повѣшеннаго на ней портрета Фридерика Великаго.

— «Что вы такъ задумались?» спросилъ его Кавалерійской Офицеръ. «Не хотите ли господинъ Расъ.... Росъ.... Рисъ.... pardon!... никакъ не могу выговорить вашего имени; не хотите ли выпить съ нами чашку кофею?»

— «Да, да, Monsieur Рославлевъ,» подхватилъ толстый Папилью: «милости просимъ къ намъ поближе.»

Рославлевъ отвѣчалъ учтивымъ поклономъ на приглашеніе Офицеровъ; но остался на прежнемъ мѣстѣ.

— «Мнѣ кажется, онъ могъ бы быть повѣжливѣе,» сказалъ въ полголоса и съ досадою Кавалеристъ; «когда мы дѣлаемъ ему честъ.... l'impertinent!»

— «Фи, Розенганъ!» перервалъ безрукой Офицеръ, «какъ тебѣ не стыдно! Надобно уважать несчастіе во всякомъ, а

особливо въ плѣнномъ непріятелѣ. Неужели ты не чувствуешь, какъ ему тяжело слушать наши разговоры; а особливо, когда ты примешься описывать безсмертные подвиги Императорской гвардіи? Вчера онъ поблѣднѣлъ, слушая твой краснорѣчивый разсказъ о нашемъ переходѣ черезъ Березину. По твоимъ словамъ, на каждаго Французскаго гренадера было по цѣлому полку Русскихъ солдатъ. Послушай, Розенганъ! когда дѣло идетъ о нашей Національной славѣ, то ты настоящій Гасконецъ. Конечно, намъ весело тебя слушать; а каково ему?»

— «А, Рено! bon jour, mon ami!» закричалъ Папилью, идя на встрѣчу къ Жандармскому Офицеру, который вошелъ въ кофейную лавку. «Ну, нѣтъ ли чего нибудь новинькаго?»

— «Покамѣстъ ничего,» отвѣчалъ Жандармъ, окинувъ бѣглымъ взоромъ всю комнату. А! онъ здѣсь,» продолжалъ Рено, увидѣвъ Рославлева. «Вѣдь, кажется, этотъ

плѣнный Офицеръ говоритъ по-Французски?»

— «Да!» отвѣчалъ Папилью; «такъ чтожъ?»

— «А вотъ что: мнѣ дано не слишкомъ пріятное порученіе — я долженъ отвести его въ тюрму.»

— «Въ тюрму? за что?»

— «По городу распространились очень невыгодные для насъ слухи; говорятъ, что большая армія совершенно истреблена. Это можетъ сдѣлать весьма дурное впечатлѣніе на весь гарнизонъ.»

— «Да чтожъ общаго между этимъ ложнымъ извѣстіемъ и этимъ плѣннымъ Офицеромъ?»

— «Его Превосходительство, Генералъ Раппъ, увѣренъ, что эти слухи распространяютъ плѣнные Офицеры; а какъ всего вѣроятнѣе, что тѣ изъ нихъ, которые говорятъ по-Французски, имѣютъ къ этому болѣе способовъ....»

— « А, понимаю! Впрочемъ, кажется этого плѣннаго Офицера нельзя упрекнуть въ многорѣчіи: онъ почти всегда молчитъ.»

— « Быть можетъ, но я долженъ отвести его въ тюрму. Впрочемъ, на это есть и другія причины,» прибавилъ Жандармъ значительнымъ голосомъ.

— « Право? не можете ли вы мнѣ сказать? »

— « Вотъ изволите видѣть: это небольшая хитрость, придуманная Генераломъ Дерикуромъ; и признаюсь — выдумка прекрасная! Она сдѣлала бы честь не только начальнику Штаба, но даже и нашему брату Жандарму. Вы знаете, что по приказанію Раппа сидитъ теперь въ тюрмѣ какой-то Флорентійскій купецъ; не знаю почему, Генералъ Дерикуръ подозрѣваетъ, что онъ Русской шпіонъ. Чтобъ какъ нибудь увѣриться въ этомъ, онъ придумалъ запереть вмѣстѣ съ нимъ этого плѣннаго Офицера, а мнѣ приказалъ подслушивать

ихъ разговоры. Если купецъ дѣйствительно Русской, то не можетъ быть, чтобъ у него не вырвалось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ слова два или три Русскихъ. Желаніе поговорить на своемъ природномъ языкѣ такъ натурально; а сверхъ того ему въ голову не придетъ, что въ одномъ углу тюрьмы сдѣлано отверстіе, въ родѣ Діонисьева уха, и что каждое ихъ слово, даже шопотомъ сказанное, будетъ явственно слышно въ другой комнатѣ. »

— « Вотъ что? Ну, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная выдумка! Я всегда замѣчалъ въ этомъ Дерикурѣ необычайныя способности; однакожъ не говорите ничего нашимъ молодымъ людямъ: рубиться съ непріятелемъ, брать батареи — это ихъ дѣло; а всякая хитрость, какъ бы умно она ни была придумана, кажется имъ недостойною храбраго Офицера. Чего добраго, пожалуй, они скажутъ, что за эту прекрасную выдумку надобно произвесть Дерикура въ Полицейскіе Коммисары. »

— « Неужели? Знаете ли, что это отзывается какимъ-то либерализмомъ, который совершенно противенъ духу нашего правленія, и если Императоръ не возьметъ самыхъ строгихъ мѣръ.... »

— « Императоръ! Да извѣстно ли вамъ, какъ эти господа о немъ поговариваютъ ? Конечно, они и теперь готовы за него и въ огонь и въ воду; но признаюсь, я ужъ давно не замѣчаю въ нихъ этой безусловной покорности, этого всегдашняго удивленія къ каждому его дѣйствію. Представьте себѣ: они даже осмѣливаются иногда осуждать его распоряженія. Вотъ нѣсколько дней тому назадъ, одинъ изъ нихъ, — я не назову его: я не доносчикъ, — имѣлъ дерзость сказать вслухъ, что Императоръ дурно сдѣлалъ, введя въ Россію на нѣсколько милліоновъ фальшивыхъ ассигнацій, и что никакія политическія причины не могутъ оправдать поступка, за который во всѣхъ благоустроенныхъ

Государствахъ вѣшаютъ и ссылаютъ на галеры?

— «Тише! Бога ради тише! Что вы? Я не слышалъ, что вы сказали.... не хочу знать.... не знаю.... Боже мой! до чего мы дожили!... какой развратъ! Ну что послѣ этого можетъ быть священнымъ для нашей безумной молодежи? Но извините: мнѣ надобно исполнить приказаніе Генерала Дерикура. Милостивый Государь!» продолжалъ Жандармъ, подойдя къ Рославлеву; «на меня возложена весьма непріятная обязанность; но вы сами военный человѣкъ, и знаете, что долгъ службы.... не угодно ли вамъ идти со мною?«

— «Куда, сударь?» спросилъ спокойно Рославлевъ, вставая со стула.

— «Нѣкоторые ложные слухи, распускаемые по городу врагами Французовъ, вынуждаютъ Генерала Раппа прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, весьма непріятнымъ для его добраго сердца. Всѣхъ плѣнныхъ

Офицеровъ приказано держать подъ карауломъ.»

— «Для чего не въ цѣпяхъ?» прибавилъ съ горькою улыбкою Рославлевъ: «это еще будетъ вѣрнѣе; а то, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ перепрыгнуть черезъ городской валъ, и уйдти изъ крѣпости.»

Въ ту самую минуту, какъ Рославлевъ сбирался идти за Жандармомъ, вбѣжалъ въ комнату молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, въ богатомъ Гусарскомъ мундирѣ и большой медвѣжьей шапкѣ; онъ былъ вооруженъ не саблею, а короткимъ заткнутымъ за поясъ трехграннымъ кинжаломъ; необыкновенная живость изображалась на его миловидномъ лицѣ; небольшіе закрученные къ верху усы и *эспаньолетка* придавили воинственный видъ его выразительной, но нѣсколько женообразной физіономіи. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что онъ дѣйствовалъ одной лѣвой рукою, а правая казалась какъ будто бы придѣланною къ плечу, и была

безъ всякаго движенія. «Здравствуйте, Monsieur Волдемаръ!» сказалъ онъ, переступя черезъ порогъ. «Куда вы?»

— «Куда вы вѣрно со мной не пойдете, Шамбюръ!» отвѣчалъ Рославлевъ, пріостановясь на минуту. «Меня ведутъ въ тюрму.»

— «Какъ!» вскричалъ Шамбюръ; «въ тюрму? За чѣмъ?... за что?...

— «Спросите у этого господина.»

— «Что это значитъ, Рено?» сказалъ Шамбюръ, остановя Жандарма «Что такое сдѣлалъ Рославлевъ?»

— «Надѣюсь ничего, за что бы онъ могъ отвѣчать: это одна мѣра осторожности. Какіе-то ложные слухи тревожатъ гарнизонъ, а какъ, вѣроятно, ихъ распускаютъ по городу плѣнные Офицеры....»

— «Почему вы это думаете?»

— «Такъ думаетъ Генералъ Раппъ; я исполняю только его приказаніе.»

— «Неправда, сударь, не его! Генералъ Раппъ бьетъ безъ пощады вооружен-

ныхъ непріятелей, но никогда не станетъ тиранить беззащитныхъ плѣнныхъ. Говорите правду: отъ кого вы получили приказаніе посадить его въ тюрьму?»

— «Я не обязанъ вамъ давать отчета, господинъ Шамбюръ!»

— «Однакожъ дадите!» вскричалъ Гусаръ, и глаза его засверкали. «Знаете ли вы, господинъ Жандармъ, что этотъ Офицеръ мой плѣнникъ? я вырвалъ его изъ средины Русскаго войска; онъ принадлежитъ мнѣ; онъ моя собственность, и никто въ цѣломъ мірѣ не воленъ располагать имъ безъ моего согласія.»

— «Что вы, Шамбюръ!» перервалъ Папилью; «господинъ Рославлевъ военноплѣнный, и начальство имѣетъ полное право....»

— «Нѣтъ, чортъ возьми! Нѣтъ!» вскричалъ Шамбюръ, топнувъ ногою; «я не допущу никого обижать моего плѣнника: онъ подъ моей защитой, и если бы самъ Раппъ

захотѣлъ притѣснять его, то и тогда — cent mille diables! да, и тогда бы я не далъ его въ обиду! »

— « Успокойтесь, любезный Шамбюръ,» сказалъ Рославлевъ; «вы не должны противиться волѣ вашего начальства.»

— « Такъ пусть же оно докажетъ мнѣ, что вы виноваты. Вы живете со мною, я знаю васъ. Вы не станете употреблять этого низкаго средства, чтобъ безпокоить умы Французскихъ солдатъ; вы Офицеръ, а не шпіонъ, и я рѣшительно хочу знать: въ чемъ васъ обвиняютъ ? »

— « Это можетъ вамъ объяснить Его Превосходительство, Г-нъ Раппъ, а не я,» сказалъ Рено; «а между тѣмъ прошу васъ не мѣшать мнѣ исполнять мою обязанность; въ противномъ случаѣ — извините! я вынужденъ буду позвать Жандармовъ.

— « Жандармовъ ! Sacré mille tonnerres! Стращать Шамбюра Жандармами! » проговорилъ прерывающимся отъ бѣшенства голосомъ Шамбюръ.

— « Не дурачься, Шамбюръ,» подхватилъ Розенганъ, замѣтя, что вспыльчивый Гусаръ схватился лѣвой рукой за рукоятку своего кинжала. Пашильо и Мильсанъ подошли также къ Шамбюру и стали его уговаривать.

— «Хорошо, господа, хорошо!» сказалъ онъ наконецъ; «пускай сраматъ этой несправедливостью имя Французскихъ солдатъ. Бросить въ тюрьму по одному подозрѣнію беззащитнаго плѣнника, quelle indignité! Хорошо, возьмите его, а я сей часъ поѣду къ Рапу: онъ не Жандармской Офицеръ, и понимаетъ, что такое честь. Прощайте, Рославлевъ! Мы скоро увидимся. Извините меня! Еслибъ я зналъ, что съ вами будутъ поступать такимъ гнуснымъ образомъ, то велѣлъ бы васъ приколоть, а не взялъ бы въ плѣнъ. —До свиданья!»

Рославлевъ и Рено вышли изъ кафе и пустились по Гандъ-газу, узкой улицѣ, ведущей въ предмѣстье, или лучше ска-

зать, въ ту часть города, которая находится между укрѣпленнымъ валомъ и внутреннею стѣною Данцига. Они остановились у высокаго дома съ небольшими окнами. Рено застучалъ тяжелой скобою; черезъ полминуты дверь заскрыпѣла на своихъ толстыхъ петляхъ и они вошли въ темныя сѣни, гдѣ тюремный стражъ, въ полувоинственномъ нарядѣ, отвѣсивъ Жандарму низкой поклонъ, повелъ ихъ вверхъ по крутой лѣстницѣ. «Чтобъ вамъ не было скучно,» сказалъ Рено, «я помѣщу васъ вмѣстѣ съ однимъ Италіянскимъ купцомъ; онъ человѣкъ умный, много путешествовалъ, и разговоръ его весьма пріятенъ. Къ томужъ вамъ будетъ полная свобода; въ вашей комнатѣ всѣ стѣны капитальныя: вы можете шумѣть, пѣть, кричать, однимъ словомъ дѣлать все, что вамъ угодно; вы этимъ никого не обезпокоите, и даже—еслибъ вамъ вздумалось,» прибавилъ съ улыбкою Рено, «сдѣлать этого купца повѣреннымъ какихъ наб[illegible]

— «Извините!» отвѣчалъ Рославлевъ, не понимая причины этой чрезмѣрной осторожности: «я Русской Офицеръ.»

— «Русской? И не давно въ плѣну?»

— «Болѣе двухъ недѣль.»

— «Слѣдовательно извѣстіе о Лейпцигскомъ сраженіи пришло послѣ васъ, и вы не знаете ничего достовѣрнаго?»

— «Ничего.»

— «Это жаль. Если дѣйствительно сраженіе проиграно Французами, то курсъ долженъ упасть; слѣдовательно дѣла моихъ Лейпцигскихъ корреспондентовъ въ худомъ положеніи. Впрочемъ, это, можетъ быть, одни пустые слухи. Наполеонъ не могъ сражаться съ стихіями; но тамъ, гдѣ онѣ не противъ него, гдѣ ничто не мѣшаетъ движеніямъ войскъ, можетъ ли побѣда остаться на сторонѣ его непріятелей? Не подосадуйте на мою откровенность; а мнѣ кажется, что Русскіе напрасно не остались дома: обширныя степи и вѣчные льды—вотъ что составляетъ истинную силу

Россіи. Ваше дѣло обороняться, а не нападать. Но извините: мнѣ необходимо кончить небольшой коммерческій расчетъ, который я дѣлаю здѣсь на просторѣ. Надобно быть готовымъ на всякой случай, и если въ самомъ дѣлѣ курсъ на Италіянскіе векселя долженъ упасть въ Лейпцигѣ, то не худо взять заранѣе свои мѣры.»

Купецъ вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги, карандашъ и принялся писать. Рославлевъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ. Онъ не могъ сомнѣваться, что видитъ передъ собою стариннаго своего знакомца, того молчаливаго Офицера, который дышалъ ненавистію къ Французамъ; но въ то же самое время не постигалъ причины, побуждающей его изъясняться такимъ страннымъ образомъ. «Потрудись, взглянуть,» сказалъ этотъ чудакъ, подавая Рославлеву клочекъ бумаги: я «не слишкомъ на себя надѣюсь, голова моя что-то очень тяжела; еслибъ вы сдѣлали мнѣ милость и повѣрили мои итоги?»

Рославлевъ бросилъ быстрый взглядъ, на исписанную кругомъ бумажку и прочелъ слѣдующее: «Будьте осторожны: насъ «вѣрно подслушиваютъ. Рапгъ подозрѣ«ваетъ, что я Русской; одно слово на «этомъ языкѣ можетъ погубить меня. Я «не боюсь смерти, но желалъ бы умереть, «не доставя ни одной минуты удоволь«ствія Французамъ; а эти негодяи очень «обрадуются, когда узнаютъ, кто у нихъ «въ рукахъ. Во снѣ я всегда брежу «вслухъ и, разумѣется, по-Русски. Вотъ «ужъ три ночи я не сплю; чувствую, что «не въ силахъ долѣе бороться съ самимъ «собою; при васъ я могу заснуть. Лишь «только вы замѣтите, что я хочу говорить «—зажмите мнѣ ротъ, будите меня, тол«кайте, бѣйте, только Бога ради не да«вайте выговорить ни слова. Васъ вѣрно «прежде моего выпустятъ изъ тюрьмы. «Ступайте на Театральную площадь; про«тивъ самаго театра, въ пятомъ этажѣ «высокаго краснаго дома, въ комнатѣ подъ

«номеромъ шестымъ, живетъ одна женщи-«на: она была отчаянно больна. Если вы «ее застанете въ живыхъ, то скажите, что «Италіянской купецъ Дольчини проситъ ее «сжечь бумаги, которыя онъ отдалъ ей «подъ сохраненіе.»

Когда Рославлевъ пересталъ читать, товарищъ его взялъ назадъ бумажку, разорвалъ на мѣлкія части и проглотилъ; потомъ бросился на постелю, и въ ту же самую секунду заснулъ мертвымъ сномъ.

Болѣе трехъ часовъ сряду сидѣлъ Рославлевъ подлѣ спящаго, который нѣсколько разъ принимался бредить. Рославлевъ не будилъ его, но закрывалъ рукою ротъ и мѣшалъ явственно выговаривать слова. Вдругъ послышались скорые шаги по коридору, который велъ къ ихъ комнатѣ. Рославлевъ началъ будить своего товарища. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, ему удалось наконецъ растолкать его; онъ вскочилъ и закричалъ охрипшимъ голосомъ по-Русски: «Что!

читься и во второй разъ. Отъ одной этой мысли волосы стали у меня дыбомъ; я принялся погонять мою клячу, и почти выбился изъ силъ, когда подъѣхалъ къ другому повороту, гдѣ начиналась сносная дорога, проложенная по низенькому валу; въ концѣ его за небольшимъ лѣскомъ расположенъ былъ нашъ аванпостъ. По правую сторону вала тянулись низкія поля, изрытыя канавами; а по лѣвую разливъ, и безконечный рядъ вѣтреныхъ мѣльницъ. Я сталъ смотрѣть впередъ; вижу въ сторонѣ казачій ведетъ, но вдали не блестятъ штыки моихъ солдатъ: все пусто и по всему валу до самой рощи не видно ни души. Вдругъ по вѣтру долетаютъ до меня какіе-то глухіе звуки.... что-то похожее.... знакомое. Я боюсь вѣрить.... прислушиваюсь.... Боже мой! меня бросаетъ въ холодный потъ! Мнѣ кажется.... такъ точно!... я не ошибаюсь! перестрѣлка!... Солдаты мои дерутся, а я — Начальникъ ихъ!... Вся кровь застыла въ

что нибудь о побѣдахъ нашего войска; но вотъ вамъ честное мое слово: не стану никому пересказывать того, что услышу отъ другихъ. »

— « Болѣе этого я отъ васъ и требовать не могу, » сказалъ Шамбюръ. « А! господинъ Дольчини! » продолжалъ онъ, обращаясь къ товарищу Рославлева, « и вы здѣсь? »

— « Да, сударь! Обо мнѣ, кажется, все еще думаютъ, что я Русской... Русской! Боже мой! да меня отъ одного этого имени морозъ подираетъ по кожѣ! Господинъ Дерикуръ хитеръ на выдумки; я боюсь, чтобъ ему не вздумалось для испытанія: точно ли я Русской или Италіянецъ, посадить меня на ледникъ. Впередъ вамъ говорю, что я въ четверть часа замерзну. »

— « Ага, господинъ Дольчини!» вскричалъ съ громкимъ хохотомъ Шамбюръ, « такъ есть же что нибудь въ природѣ, чего вы боитесь? »

— « Хорошо, что вы не дѣлали Русскую компанію,» подхватилъ Рено. «Представьте себѣ, что когда у насъ отъ жестокаго мороза текли слёзы, то онѣ замерзали на щекахъ, а глаза слипались отъ холода! »

— « Santa Maria! Что вы говорите? Знаете ли, что нашъ Данте въ своей Divina comedia, описывая разнородныя мученія ада, въ числѣ самыхъ ужаснѣйшихъ полагаетъ именно то, о которомъ вы говорите. И въ этой землѣ живутъ люди! »

— « И даже очень любезные, » перервалъ Шамбюръ, подавая лѣвую руку Рославлеву. « Пойдемте, Волдемаръ; вы ужъ и такъ слишкомъ долго здѣсь сидѣли. »

— « Прощайте, господинъ Офицеръ! » сказалъ Дольчини Рославлеву; « не забудьте вашего обѣщанія. Если когда нибудь вамъ случится быть въ Лейпцигѣ, то вы можете обо мнѣ справиться

площади противъ Театра, въ высокомъ красномъ домѣ, у живущаго подъ номеромъ шестымъ. До свиданья!»

Шамбюръ и Рославлевъ вышли изъ тюрмы. «Знаете ли,» сказалъ Французской Партизанъ, «какой необыкновенный человѣкъ былъ вашимъ товарищемъ? Не понимаю, какъ могъ этотъ Дольчини измѣнить до такой степени своему назначенію? Во всю жизнь мою, я не видывалъ человѣка безстрашнѣе этого купца. Повѣрите ли, что я, Шамбюръ, основатель и начальникъ Адской роты, долженъ уступить ему первенство, если не въ храбрости, то по крайней мѣрѣ въ хладнокровіи. Онъ точно съ такимъ же равнодушіемъ смотритъ на бомбу, которая крутится у ногъ его, съ какимъ мы глядимъ на волчокъ, спущенный рукою слабаго ребенка. А еслибъ вы знали, какой онъ оригиналъ? Я предлагалъ ему мѣсто старшаго Сержанта въ моей ротѣ, въ ту самую минуту, какъ онъ стоялъ добро-

вольно подъ градомъ непріятельскихъ ядеръ; онъ рѣшительно отказался, и именно потому, что онъ отецъ семейства и долженъ беречь жизнь свою. Avouez que c'est délicieux! Но вотъ ваша квартира. Я думаю, вы сего дня не расположены прогуливаться. Ступайте домой; а мнѣ надобно взглянуть на мою роту. Можетъ быть, сего дня ночью, я побываю вмѣстѣ съ нею за городомъ.»

— «Отъ всей души желаю,» сказалъ Рославлевъ, принимаясь за дверную скобу, «чтобъ вы....»

— «Чтобъ я наконецъ сломилъ себѣ шею?» перервалъ съ улыбкою Шамбюръ.

— «Нѣтъ, чтобъ васъ оставили погостить подолѣе въ нашемъ лагерѣ.»

— «Покорно благодарю! Я люблю самъ угощать; и если завтра поутру вы не будете пить у меня кофей, то можете быть увѣрены, что я остался на вѣчное житье въ вашихъ траншеяхъ.»

ГЛАВА VII.

—

На другой день, часу въ девятомъ утра, Шамбюръ, допивая свою чашку кофею, сказалъ съ принужденною улыбкою Рославлеву: «Ну вотъ видите! желаніе ваше не сбылось: я не остался гостить въ Русскомъ лагерѣ.»

— «Но, кажется, не привели и гостей съ собою,» отвѣчалъ Рославлевъ. «Если правда, что мнѣ говорили, то ваша рота....»

— «Да! ее надобно укомплектовать,» перервалъ Шамбюръ, и, что-то похожее на грусть изобразилось на лицѣ его. «Чортъ возьми!» продолжалъ онъ, «какъ эти Русскіе стали осторожны! Изъ ста пятидесяти человѣкъ, только тридцать воротились со мною; но за то всѣ эти тридцать солдатъ — герои.... да, герои!

Бѣдный Леклеръ!... Вы знали этого героя, этого Баярда моей роты? Его убили подлѣ меня! Видите-ли эти пятна на груди моей? Это его кровь! Но вы расплатитесь со мною, господа Русскіе! Его похороны будутъ дорого вамъ стоить!... Клянусь этимъ кинжаломъ, что цѣлая сотня Русскихъ....»

— «Не угодно ли вамъ начать съ меня?» прервалъ улыбаясь Рославлевъ.

Шамбюръ засмѣялся. «Нѣтъ!» сказалъ онъ, «я никогда не нарушалъ правъ гостепріимства; но не совѣтую и вамъ встрѣтиться со мною въ Русскихъ траншеяхъ. Я васъ люблю, а непремѣнно зарѣжу, если вы вздумаете со мною церемониться и не постараетесь меня предупредить. Ну что вы намѣрены теперь дѣлать?»

— «Я пойду гулять.»

— «А я отправлюсь къ Раппу. Мнѣ сказывали, что у него сего дня военный совѣтъ; и хотя я не приглашенъ, но это

все равно: гдѣ толкуютъ о военныхъ дѣйствіяхъ, тамъ Шамбюрѣ лишнимъ быть не можетъ. Прощайте! »

Шамбюръ и Рославлевъ вышли изъ дома въ одно время; первый пустился скорымъ шагомъ къ квартирѣ Генерала Раппа, а послѣдній отправился на театральную площадь. Рославлевъ тотчасъ узналъ красный домъ, о которомъ говорилъ ему наканунѣ Дольчини. Взойдя въ пятый этажъ, который у насъ въ Россіи назвали бы просто чердакомъ, онъ увидѣлъ, на низенькой двери прибитую дощечку съ номеромъ шестымъ. Дверь была только притворена. Рославлевъ долженъ былъ согнуться, чтобъ взойти въ небольшую переднюю комнату, которая въ то же время служила кухнею; подлѣ очага, на которомъ курился догорающій торфъ, сидѣла старуха лѣтъ пятидесяти, довольно опрятно одѣтая, но худая и блѣдная, какъ тѣнь. « Что угодно господину? » спросила она, увидя входящаго Рославлева.

— «Я присланъ отъ г на Дольчини,» отвѣтилъ Рославлевъ.

— «Отъ г-на Дольчини!» повторила радостнымъ голосомъ старуха, вскочивъ со стула. «И такъ Господь Богъ не совсѣмъ еще насъ покинулъ!... Сударыня, сударыня!...» продолжала она, оборотясь къ перегородкѣ, которая отдѣляла другую комнату отъ кухни. «Слава Богу! Господинъ Дольчини прислалъ къ вамъ своего пріятеля. Войдите, сударь, къ ней. Она очень слаба; но ваше посѣщеніе вѣрно ее обрадуетъ.» Рославлеву не рѣдко случалось видѣть все, что нищета заключаетъ въ себѣ ужаснаго: онъ не разъ посѣщалъ убогую хижину бѣднаго; но никогда грудь его не волновалась такимъ горестнымъ чувствомъ, душа не тосковала такъ, какъ въ ту минуту, когда, подходя къ дверямъ другой комнаты, онъ услышалъ болѣзненный вздохъ, который, казалось, проникъ до глубины его сердца. Въ небольшой горенкѣ, слабо освѣщенной од-

нимъ слуховымъ окномъ, на постели, съ изорваннымъ пологомъ, лежала оборотясь къ стѣнѣ, больная женщина; не перемѣняя положенія, она сказала тихимъ, но довольно твердымъ голосомъ: « Скажите, что сдѣлалось съ Дольчини? Скоро ли я его увижу? »

Лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Рославлева; онъ хотѣлъ что-то сказать, но онѣмѣвшій языкъ его не повиновался. Этотъ голосъ!... эти знакомые звуки!... Нѣтъ, нѣтъ! онъ не желалъ, не смѣлъ вѣрить....

— « Бога ради скажите скорѣе, » продолжала больная, повернясь лицемъ къ Рославлеву, « скоро ли я его увижу? »

— « Полина!...» вскричалъ Рославлевъ.

Больная содрогнулась; приподнялась до половины и устремивъ свой полумертвый взглядъ на Рославлева, повторила: « Полина!... Кто вы?... Я почти ничего не вижу.... Полина!... Такъ называлъ меня лишь онъ.... но его нѣтъ уже на свѣтѣ....

Ахъ!... такъ называлъ меня еще.... Боже мой, Боже мой!... О, Господь правосуденъ! Я должна была его видѣть, должна слышать его проклятія въ послѣднія мои минуты.... это онъ! »

— « Полина! » вскричалъ Рославлевъ, схвативъ за руку больную, « такъ, это я — другъ твой! Но Бога ради, успокойся! Несчастная! я оплакивалъ тебя какъ умершую; но никогда — нѣтъ, никогда не проклиналъ моей Полины! И если бы твое земное счастіе зависѣло отъ меня, то, клянусь тебѣ Богомъ, мой другъ, ты была бы счастлива вездѣ.... да, вездѣ — даже въ самой Франціи, » прибавилъ тихимъ голосомъ Рославлевъ и слезы его закапали на руку Полины, которую онъ прижималъ къ груди своей.

Больная, молча, смотрѣла на Рославлева; взоры ея понемногу оживлялись; вдругъ они заблистали, легкой румянецъ пробѣжалъ по блѣднымъ щекамъ ея; она схватила руку Рославлева и покрыла

поцѣлуями. «И такъ я могу умереть спокойно!» проговорила она, рыдая: «ты простилъ меня! Но ты долженъ проклинать.... Ахъ, не проклинай и его, мой другъ!... его ужъ нѣтъ на свѣтѣ....»

— «Несчастная!»

— «Но я скоро съ нимъ увижусь — да, мой другъ!» продолжала больная, понизивъ голосъ: «вотъ ужъ третью ночь, каждый разъ, когда на городской башнѣ пробьетъ полночь, онъ является вотъ здѣсь—у моего изголовья, и зоветъ меня къ себѣ.»

— «Это одинъ бредъ, Полина! Ты больна; твое разстроенное воображеніе....»

— «Нѣтъ, нѣтъ! Это ужъ не въ первый разъ, мой другъ! Онъ точно также приходилъ и за моимъ сыномъ: они оба ждутъ меня.»

— «За твоимъ сыномъ?»

— «Да! у меня былъ сынъ. Ахъ, какъ я его любила, мой другъ! Я называла его Волдемаромъ.»

— «И твой мужъ....»

— «Тсъ! тише! Бога ради не называй его моимъ мужемъ: надъ тобой станутъ всѣ смѣяться. Что ты на меня такъ смотришь? Ты думаешь, что я брежу?... О, нѣтъ, мой другъ! Послушай: я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ разсказать тебѣ все.»

— «Нѣтъ, Полина! зачѣмъ вспоминать прошедшее. Богъ милостивъ; здоровье твое поправится, ты возвратишься въ отечество....»

— «Въ отечество? Но развѣ у меня есть отечество?... Развѣ несчастная Полина не отказалась навсегда отъ своей родины?... Развѣ найдется во всей Россіи уголокъ, гдѣ-бъ дали пріютъ Русской, вдовѣ плѣннаго Француза?... Отечество!... О, если бы прошедшее было въ нашей волѣ, я не стала бы тогда заботиться о моемъ спасеніи! Съ какою-бъ радостью я обрекла себя на смерть, чтобъ только умереть въ моемъ отечествѣ. Безумная!

я думала, что могу сказать ему: твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твоя земля — моей землею. О нѣтъ, мой другъ! кто покидаетъ навсегда свою родину, тотъ рано или поздно, а умереть по ней съ тоски.... Но пока я еще могу — я должна тебѣ разсказать все.»

— «Зачѣмъ, Полина?...»

— «Ахъ, не мѣшай мнѣ: это облегчитъ мою душу. Я хочу, чтобъ ты зналъ, какъ я была наказана за мое вѣроломство. Ты читалъ письмо мое; ты знаешь, какъ онъ встрѣтился опять со мною. Рука его была свободна, сердце принадлежало мнѣ; ты самъ прислалъ его въ нашъ домъ. Все это казалось мнѣ волею самихъ Небесъ; я думала, что не измѣняю тебѣ, но покоряюсь только какому-то предопредѣленію, отъ котораго ничто не могло спасти меня, или лучше сказать, я ничего не думала. Моя свадьба, первый шагъ отъ алтаря, свадебный подарокъ, который ожидалъ меня у самаго церков-

наго порога.... Ахъ, Рославлевъ! я едва не потеряла разсудокъ; но ты уѣхалъ; меня увѣрили, что горесть твоя уменьшилась, и я стала спокойнѣе. Скоро Французы заняли нашу деревню. Мужъ мой сдѣлался свободнымъ, и мы отправились въ Москву. Первый мѣсяцъ прошелъ довольно спокойно. Сеникуръ любилъ меня. Ужасныя бѣдствія моихъ сограждан, пожаръ Москвы, безпрестанные слухи о покореніи всей Россіи: все это казалось мнѣ такимъ-то смутнымъ, невнятнымъ сновидѣніемъ! Я жила только для него, видѣла одного его, и точно также, какъ человѣкъ въ сильной горячкѣ воображаетъ себя здоровымъ, думала, что я счастлива. Къ концу мѣсяца нравъ моего мужа примѣтно измѣнился: онъ сталъ задумчивъ, безпокоенъ, поглядывалъ на меня съ состраданіемъ, и когда я спрашивала о причинѣ его грусти, онъ отвѣчалъ всякой разъ: «дѣла наши идутъ дурно». Повѣришь ли, мой другъ!

до какой степени разсудокъ мой былъ ослѣпленъ? Я не понимала даже настоящаго смысла этихъ словъ: мнѣ казалось, что онъ говоритъ о Россіи. Однимъ утромъ онъ вбѣжалъ ко мнѣ блѣдный, съ отчаяніемъ на лицѣ. «Полина!» вскричалъ онъ, «наши дѣла идутъ часъ отъ часу хуже: Мюратъ разбитъ!» «Такъ чтожъ?» спросила я, не понимая совершенно, какое участіе я должна была принимать въ судьбѣ Мюрата. Лице Сеникура сдѣлалось блѣднѣе; помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ прерывающимъ голосомъ: «Да, сударыня! мы погибли: Русскіе торжествуютъ; но, извините! я имѣлъ глупость забыть на минуту, что вы Русская.» Вдругъ какъ будто завѣса спала съ глазъ моихъ. «*Мы* погибли! *Русскіе* торжествуютъ!» Эти слова раздавались безпрестанно въ ушахъ моихъ. Праведный Боже! И такъ съ избавленіемъ моего отечества неразлучна гибель того, кто былъ для меня всѣмъ на свѣтѣ! И такъ въ мо-

литвахъ моихъ я должна была говорить передъ Господомъ: «Боже! спаси моего супруга и погуби Россію!»

«Спустя нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ Сеникуръ почти не говорилъ со мною, онъ сказалъ мнѣ однимъ утромъ: «Полина! черезъ часъ меня уже «въ Москвѣ не будетъ: отступленіе нашего войска не обѣщаетъ ничего хорошаго; я не хочу подвергать тебя опасности; ты можешь возвратиться къ твоей «матери, можешь даже навсегда остаться «въ Россіи: ты свободна.» Я не дала договорить ему. «Адольфъ!» вскричала я, «мое отечество тамъ, гдѣ ты; я забыла его для тебя, и должна терпѣть все!... Страдать, умереть вмѣстѣ съ тобою—вотъ одно, что можетъ оправдать меня въ собственныхъ глазахъ моихъ.» Адольфъ обнялъ меня съ прежней нѣжностію, и я отправилась въ слѣдъ за Французскимъ войскомъ. Не стану разсказывать тебѣ, что я должна была переносить. Ахъ, мой

другъ! я не призывала смерти для того только, что не могла уже умереть одна. Голодъ, кучи мертвыхъ тѣлъ, Казаки— все это перемѣшалось въ моей головѣ.... Я помню только, что при переправѣ черезъ какую-то рѣку, моя карета и множество другихъ остановились на одномъ берегу, а на другомъ дрались; вдругъ позади насъ началась стрѣльба, поднялся ужасный крикъ и вой; что-то поминутно свистѣло въ воздухѣ; стекла мой кареты разлетѣлись въ дребезги и лошади попадали. Не знаю, долго ли это продолжалось; одно только я не забыла: я помню, что Гусарской Офицеръ, пріятель Адольфа, выхватилъ меня изъ кареты, посадилъ передъ собою на лошадь и вмѣстѣ со мною кинулся въ рѣку. Мнѣ помнится также, что вода была очень холодна, что мы долго плыли, что огромныя льдины безпрестанно отталкивали насъ назадъ; наконецъ мы выбрались на другой берегъ, и черезъ нѣсколько минутъ догнали Фран-

цузскую Гвардію. Потомъ, кажется, меня везли въ саняхъ, а тамъ вдругъ я очутилась въ какомъ-то не-Русскомъ городѣ; изъ него мы проѣхали въ другой, тамъ въ третій, и наконецъ остановились въ этомъ. Во все это время я была очень больна. Обо мнѣ заботился все тотъ же Гусарской Офицеръ; но Адольфа я не видѣла. Долго скрывали отъ меня истину; наконецъ, когда и послѣдній защитникъ мой занемогъ сильной горячкою и почувствовалъ приближеніе смерти, то объявилъ мнѣ, что мужа моего нѣтъ уже на свѣтѣ. Но къ чему высчитывать тебѣ всѣ мои несчастія? Я родила сына. Пріятель моего Адольфа умеръ и мы, вмѣстѣ съ бѣднымъ сиротою, остались однѣ въ цѣломъ мірѣ. Пока у меня были деньги, я жила весьма уединенно, почти никуда не выходила и ни съ кѣмъ не была знакома; но когда Русскіе стали осаждать городъ, когда хлѣбъ сдѣлался въ десятеро дорожс, и всѣ деньги мои вышли, я рѣшилась прибѣг-

нуть къ великодушію единоземцевъ покойнаго моего мужа. Мнѣ не отказывали въ помощи; но я замѣчала, что жены Французскихъ чиновниковъ и даже обывателей обходились со мною весьма холодно; а мужья ихъ съ какою-то обидною ласкою, отъ которой я не рѣдко плакала. Однимъ утромъ, когда у меня не оставалось уже хлѣба, я вошла въ домъ, занимаемый Французскимъ Генераломъ. Слуга пошелъ доложить обо мнѣ его женѣ, и я черезъ растворенную дверь могла ясно слышать разговоръ ея съ другой дамою, которая была у нее въ гостяхъ. «Вдова Полковника Сеникура!» вскричала хозяйка, выслушавъ слова слуги. « Какой вздоръ! Представьте себѣ, моя милая!» продолжала она: « это какая-то Русская, которую Графъ Сеникуръ увезъ изъ Москвы. Она конечно жалка; но признаюсь, я не могу видѣть хладнокровно, съ какою дерзостію каждая нищая старается насъ обманывать. Весь городъ знаетъ, что эта Русская была про-

сто любовницею Сеникура, и не смотря на то, она смѣетъ называть себя его женою! —Comme ces créatures sont imprudentes!» Боже мой!... Я измѣнила тебѣ, оставила семью, отечество, пожертвовала всѣмъ, чтобы быть его женою, и меня называютъ его любовницею!... О мой другъ! у меня не было пристанища, мнѣ нечѣмъ было накормить моего сына; но за минуту до этого я могла назваться счастливою!... Безъ памяти, прижимая къ груди плачущаго ребенка, я выбѣжала на улицу. У ногъ моихъ текла рѣка; но я не могла умереть: сынъ мой былъ еще живъ! Не зная сама, что дѣлаю, я вмѣшалась въ толпу бѣдныхъ жителей, которыхъ Французы выгоняли изъ Данцига. Когда я вышла изъ города, сердце мое нѣсколько облегчилось. Насъ выпроводили за Французскіе аванпосты и сказали, что никого не пропустятъ назадъ въ городъ. Вдали стояли Русскіе часовые и разъѣзжали Казаки. Вся толпа кинулась впередъ; но

намъ подскакалъ Казакъ и объявилъ, что насъ не велѣно пропускать на Русскую сторону. Кругомъ меня поднялись громкіе вопли и рыданія; я одна не плакала. Я видѣла Русскихъ и не жила уже съ Французами; но когда пропелъ весь день и вся ночь въ тщетномъ ожиданіи, что намъ позволятъ идти далѣе, когда сынъ мой ослабѣлъ до того, что пересталъ даже плакать, когда я напрасно прикладывала его къ изсохшей груди моей, то чувство матери подавило всѣ прочія; дитя мое умирало съ голода и я не могла помочь ему!...»

Полина перестала говорить; щеки ея пылали; замѣтно было, что сильная горячка начинала свирѣпствовать въ груди ея.... «Да, да!... это точно было на-яву,» продолжала она съ ужасною улыбкою; «точно!... Мое дитя, при мнѣ, на моихъ колѣняхъ умирало съ голода! Кажется.... да, вдругъ закричали: «Русской Офицеръ!» Русской! подумала я; о! вѣрно онъ на-

кормить моего сына,» и бросилась вмѣстѣ съ другими къ валу, по которому онъ ѣхалъ. Не понимаю сама, какъ могла я пробиться сквозь толпу, влѣзть на валъ и упасть къ ногамъ Офицера, который, не слушая моихъ воплей, поскакалъ далѣе....»

— «Возможно ли?» вскричалъ съ ужасомъ Рославлевъ; «это была ты Полина? и я не узналъ тебя!...»

Больная остановилась, устремивъ дикой взоръ на Рославлева; она повторила: «Я не узналъ тебя!... Такъ это былъ ты, мой другъ? Какъ я рада!... Теперь ты не можешь ни въ чемъ упрекать меня.... Не правда ли, мы поравнялись съ тобою?... Ты также, покрытый кровью, лежалъ у ногъ моихъ — помнишь, когда я шла отъ вѣнца съ моимъ мужемъ?...»

— «Бога ради, Полина!» перервалъ Рославлевъ, «не говори объ этомъ.»

— «Да, да! Ты правъ, мой другъ! Голова моя начинаетъ кружиться. .. а я не все еще тебѣ разсказала.... Кажется....

точно.... Я помню, что очутилась опять
между Французскихъ солдатъ; не знаю,
какъ это сдѣлалось.... помню только, что
я просилась опять въ городъ, что меня не
пускали, что кто-то сказалъ подлѣ меня,
что я Русская, что Дольчини былъ тутъ
же вмѣстѣ съ Французскими Офицерами;
онъ уговорилъ ихъ пропустить меня; при-
велъ сюда, и если я еще не умерла съ
голода, то за это обязана ему.... да, мой
другъ! я просила милостыню для моего
сына, а онъ умеръ.... Дольчини сказалъ
мнѣ однажды.... Но что это?... тсъ!...
тише, мой другъ, тише!... Такъ точно—
громъ!...»

— «Это не громъ, Полина,» перер-
валъ Рославлевъ, «а сильная ружейная
пальба....

— «Нѣтъ, нѣтъ!... это громъ,» повто-
рила съ безпокойствомъ больная. «Чув-
ствуешь ли, какъ дрожитъ весь полъ?...
Это всегда бываетъ за нѣсколько минутъ
передъ его приходомъ.... Ахъ, какъ вре-

мя идетъ скоро! Вотъ ужъ и полночь!... первый ударъ колокола!... Ступай, мой другъ, ступай!...

— «Успокойся, Полина! ты ошибаешься....

— «О Бога ради! оставь меня.... еще.... еще!... Бѣги, мой другъ, бѣги!... Нѣтъ! я не могу, я не хочу васъ видѣть вмѣстѣ.... Это было бы ужасно.... да, ужасно!... Ступай, Рославлевъ, ступай!... Прошу тебя, заклинаю!...»

Полина хотѣла приподняться, но силы ей измѣнили, и она, почти безъ чувствъ, опустилась на свое изголовье. Рославлевъ вышелъ изъ ея комнаты, и послалъ къ ней старуху, сказавъ, что черезъ нѣсколько часовъ зайдетъ опять навѣстить больную. Сердце его было такъ растерзано, онъ такъ былъ разстроенъ этой неожиданной встрѣчею, что когда вышелъ на улицу, то не замѣтилъ сначала необыкновеннаго движенія въ народѣ. Въ Русскихъ траншеяхъ открыли новую батарею въ самомъ [illegible]

комъ разстоянія отъ города: двадцати четырехъ фунтовыя ядра съ ужаснымъ визгомъ прыгали по кровлямъ домовъ; камни, доски, черепицы сыпались какъ градъ на улицу; и всѣ проходящіе спѣшили укрыться по домамъ. Не заботясь ни мало о своей безопасности, Рославлевъ шелъ подлѣ самыхъ стѣнъ домовъ—вдругъ одинъ каменный отломокъ, оторванный ядромъ, ударилъ его въ голову; кровь брызнула изъ нея ручьемъ, онъ зашатался и упалъ безъ памяти на мостовую.

ГЛАВА VIII.

Болѣе двухъ недѣль Рославлевъ былъ на краю могилы; нѣсколько разъ онъ приходилъ въ себя и видѣлъ, какъ сквозь сонъ, то пріятеля своего Шамбюра, то какого-то незнакомаго человѣка, который

перевязывалъ ему голову. Раза два ему казалось, что подлѣ его постели сидитъ Дольчини; но все это представлялось ему въ такомъ смѣшанномъ и неясномъ видѣ, что когда воспаленіе въ мозгу, отъ котораго онъ едва не умеръ, совершенно миновалось, то все прошедшее представилось ему какимъ-то длиннымъ и безпорядочнымъ сномъ. Въ ту самую минуту, какъ Рославлевъ старался припомнить, когда онъ легъ спать, и изъяснить себѣ, отъ чего онъ спалъ такъ долго, вошелъ въ комнату Шамбюръ:

— «Ахъ! какъ я радъ, что васъ вижу!» сказалъ Рославлевъ. «Растолкуйте мнѣ, что со мной дѣлается? Мнѣ кажется, я спалъ нѣсколько сутокъ сряду.«

— «Такъ вы наконецъ проснулись?» перервалъ Шамбюръ, садясь подлѣ постели Рославлева. «Слава Богу! Поглядите-ка на меня. Ну вотъ и глаза ваши совсѣмъ не тѣ, и цвѣтъ лица гораздо лучше.»

— «Но отъ чего я такъ долго спа

— «Да, чуть было вы не заснули такимъ крѣпкимъ сномъ, что не проснулись бы и тогда, если-бъ мы взорвали на воздухъ весь Данцигъ. Вспомните хорошенько—недѣли двѣ тому назадъ....»

— «Двѣ недѣли.... постойте!...»

— «То есть, на другой день, какъ насъ выпустили изъ тюрмы....»

— «Изъ тюрмы.... помню! точно; я былъ въ тюрмѣ....»

— «Вы пошли прогуляться по городу —это было по утру; а около обѣда васъ нашли не далеко отъ Театральной площади, съ проломленной головой и безъ памяти. Кажется, за это вы должны благодарить нашихъ соотечественниковъ: они въ этотъ день засыпали васъ ядрами. И за что они разсердились на крыши бѣдныхъ [illegible]! Посмотрите-ка, около Театра не осталось почти ни одного кирпича, который не былъ бы [illegible].»

«[illegible] Театръ [illegible] Рос[illegible]

[illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]... [illegible]

помнится.... такъ точно, противъ самаго Театра, красный домъ....»

— «Красный домъ? выше всѣхъ другихъ?

— «Да, да!

— «Третьяго дня,» продолжалъ спокойно Шамбюръ, «досталось и ему отъ Русскихъ: на него упала бомба; впрочемъ, бѣдъ немного надѣлала — я самъ ходилъ смотрѣть. Во всемъ домѣ никто не раненъ, и только убило одну больную женщину, которая и безъ того должна была скоро умереть.»

— «Больную женщину!...»

— «Да; мнѣ сказывали, что она называла себя вдовою какого-то Французскаго Полковника; да это неправда.... но что съ вами дѣлается?»

— «Несчастная Полина!» вскричалъ Рославлевъ.

— «Такъ вы были съ ней знакомы? Ахъ! какъ досадно, что я не зналъ этого! Впрочемъ, много грустить нечего; я

ужъ вамъ сказалъ, что она и безъ этого была при смерти: минутой прежде, минутой послѣ....»

— «Да, Шамбюръ, вы правы: кто зналъ эту несчастную, тотъ долженъ не горевать, а радоваться; но не смотря на это, еслибъ я могъ воскресить ее.....»

— «Да вѣдь это невозможно, такъ о чемъ же и хлопотать? Къ тому жъ, если въ самомъ дѣлѣ она была вдовою Французскаго Полковника, то не могла не желать такого завиднаго конца —être coiffé d'une bombe, или умереть глупымъ образомъ на своей постели—какая разница! Я помню, мнѣ сказалъ однажды Дольчини.... А кстати! Знаете ли, какъ одурачилъ насъ всѣхъ этотъ господинъ Флорентинской купецъ?...

— «А что такое?...»

— «Да только: онъ вовсе не купецъ, не Италіянецъ, а Русской Партизанъ.»

— «Что вы говорите! .. И такъ все открылось, и онъ?...»

— «Разстрѣлянъ, думаете вы? Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ. Вскорѣ послѣ васъ и его выпустили изъ тюрмы, и въ нѣсколько дней этотъ Дольчини такъ поладилъ съ Генераломъ Дерикуромъ, что онъ поручилъ ему доставить Наполеону преважныя депеши. Рено, который также съ нимъ очень подружился, взялся выпроводить его за наши аванпосты. Когда они подошли къ Лангфуртскому предмѣстью, то господинъ Дольчини, въ виду вашихъ Казаковъ, распрощавшись очень вѣжливо съ Рено, сказалъ ему: «Поблагодарите «Генерала Раппа за его ласку и довѣрен«ность; да не забудьте ему сказать, я не «Италіянскій купецъ Дольчини, а Русской «Партизанъ....» Тутъ назвалъ онъ себя по имени, которое я никакъ не могу выговорить, хотя и тысячу разъ его слышалъ. Бѣдный Рено простоялъ полчаса разиня ротъ на одномъ мѣстѣ, и когда, возвратясь въ Данцигъ, доложилъ объ этомъ Раппу, то едва унесъ ноги: Генералъ

взбѣсился; съ Дерикуромъ чуть не сдѣлалось удара, а толстой Папильо, вспомня, что онъ нѣсколько разъ дружески разговаривалъ съ этимъ Дольчини, до того перепугался, что слегъ въ постелю. Домъ, въ которомъ жилъ ci-devant Италіянской купецъ, обшарили съ верху до низу, пересмотрѣли всѣ щелки, забрали всѣ бумаги, и еслибъ онъ наканунѣ не отдалъ мнѣ письма на ваше имя, то врядъ ли бы оно дошло когда нибудь по адресу.»

— «Какъ! У васъ есть ко мнѣ письмо?»

— «Да, есть. И хотя по настоящему мнѣ, какъ Партизану, должно перехватывать всякую непріятельскую переписку,» примолвилъ съ улыбкую Шамбюръ; «но я обѣщался доставить это письмо, а Шамбюръ во всю жизнь не измѣнялъ своему слову. Вотъ оно: читайте на просторѣ. Мнѣ надобно теперь отправиться къ Генералу Рапу: у него, кажется, будутъ толковать

о сдачѣ Данцига; но мы еще увидимъ, кто кого перекричитъ. Прощайте!»

Рославлевъ не отвѣчалъ ни слова; все вниманіе его было устремлено на адресъ письма, написанный рукою, которая нѣкогда была ему такъ знакома и мила. Онъ распечаталъ пакетъ; первый предметъ, поразившій его взоры, былъ локонъ свѣтло-русыхъ волосъ. Рославлевъ прижалъ его къ губамъ своимъ. «Бѣдная Полина!» сказалъ онъ всхлипывая; «вотъ все, что отъ тебя осталось!» Когда душа его нѣсколько поуспокоилась, онъ началъ читать слѣдующее: «Другъ мой! Дольчини сказалъ мнѣ, «что ты болѣнъ и не можешь меня ви«дѣть. И такъ я умру не простясь съ то«бою! Я не думаю дожить до будущаго «утра. Выслушай послѣднее мое желаніе. «Сестра моя тебя любитъ—да, мой другъ! «Олинька любитъ тебя также пламенно, «какъ я люблю его.... Ахъ! для чего не «она была твоей невѣстою? Тогда я была «одна несчастлива! Другъ мой! она до-

«стойна быть твоей женою—твоей же
«О, эта мысль такъ утѣшительна! Ко
«нибудь и ты переселишься въ тотъ ми
«въ которомъ мы отдохнемъ отъ наши
«земныхъ бѣдствій! Тогда и я могла б
«видѣть его и тебя вмѣстѣ — любить и
«одно время; ты былъ бы моимъ братомъ,
«Волдемаръ!... Еще одна просьба: в
«этомъ письмѣ ты получишь мои волосы.
«Прошу тебя, мой другъ! зарой ихъ подъ
«самой той черемухой, гдѣ нѣкогда твои
«доброта и великодушіе едва не изгла-
«дили его изъ моего сердца. Можетъ быть
«ты назовешь меня мечтательницей, сума-
«шедшей—о мой другъ! еслибъ ты зналъ,
«какъ горько умирать на чужой сторонѣ?
«Пусть хоть что нибудь мое истлѣетъ въ
«землѣ Русской. Прощай, Волдемаръ! Я
«боюсь, что проживу долѣе, чѣмъ думаю;
«Русскія ядра летаютъ безпрестанно мимо,
«и ни одно изъ нихъ не прекратитъ мо-
«ихъ страданій! Ахъ! я почла бы это не
«местію, но знакомъ примиренія, и умерла

«бы съ радостію. Прощай, мой другъ!...»

Рославлевъ едва могъ дочитать письмо: все прошедшее оживилось въ его памяти. «Бѣдная Полина! несчастная Полина!...» повторилъ онъ рыдая. «О! какъ сердце твое умѣло любить! Да, я свято исполню твои послѣднія желанія — я буду твоимъ братомъ.... Но если Олинька принадлежитъ уже другому? Если Полина принимала любимыя мечты свои за истину? Если сестра ея чувствуетъ ко мнѣ одну только дружбу....» Тутъ вспомнилъ Рославлевъ невольное восклицаніе, которое вырвалось изъ устъ Олиньки, когда ему удалось спасти ее отъ смерти. «Да!... въ этомъ порывѣ благодарности было что-то болѣе простой—обыкновенной дружбы.... но кто желалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, чтобъ онъ женился на Полинѣ? Кто употреблялъ всѣ способы, чтобъ склонить ее къ этому браку?...»

Рославлевъ терялся въ своихъ догадкахъ: онъ не зналъ, къ чему спос[illegible]

сердце женщины, истинно доброй и чувствительной. Какихъ жертвъ не принесетъ она, чтобы видѣть счастливымъ того, кого любитъ? Можетъ быть мы умѣемъ сильнѣе чувствовать, но мы слишкомъ много разсуждаемъ, слишко *положительны*, вездѣ ищемъ здраваго смысла, и можемъ быть подъ часъ *больны чужимъ здоровьемъ* (*); но очень рѣдко бываемъ счастливы благополучіемъ другихъ. Любить всю жизнь, безъ всякой надежды; наслаждаться не своимъ счастіемъ, не счастіемъ того, кого выбрало наше сердце; любить съ такимъ самоотверженіемъ — о, это умѣютъ однѣ только женщины!... и если эта безкорыстная, неземная любовь бываетъ иногда недоступна, то, по крайней мѣрѣ, она всегда понятна для души каждой женщины.

Рославлевъ нѣсколько разъ перечитывалъ письмо; каждое слово, начертанное

(*) Выраженіе одного Русскаго Поэта.

рукою умирающей Полины, возбуждало въ душѣ его тысячу противоположныхъ чувствъ. Онъ поперемѣнно, то рѣшался выполнить ея волю, то вѣчно не принадлежать ни кому. Иногда образъ кроткой, доброй Олиньки являлся ему въ самомъ плѣнительномъ видѣ; но въ то же время, покрытое смертною блѣдностію, лице Полины представлялось его разстроенному воображенію, и мысль о будущемъ счастіи сливалась безпрестанно съ воспоминаніемъ, раздирающимъ его душу. Приходъ Шамбюра перервалъ его размышленія; онъ вбѣжалъ въ комнату какъ бѣшеный и сказалъ прерывающимся голосомъ: «Прощайте, Рославлевъ! я сей часъ иду вонъ изъ города. »

— « Съ вашей ротою ? » спросилъ Рославлевъ.

— « Нѣтъ, одинъ.»

— « Одни ? Чтожъ вы хотите дѣлать?»

— « Дезертировать.»

— «Дезертировать!» повторилъ съ удивленіемъ Рославлевъ.

— «Да! mille tonnerres! Я не хочу ни минуты остаться съ этими трусами, съ этими подлецами, съ этими.... Представьте себѣ! Я сей часъ изъ военнаго совѣта: весь гарнизонъ сдается военнопленнымъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ!» вскричалъ съ радостію Рославлевъ.

— «Да, сударь, да! И какъ вы думаете, отъ чего? Отъ того, что у насъ осталось на одинъ только день провіанта —les misérables! Но развѣ у насъ нѣтъ оружія? Развѣ восьмнадцать тысячъ Французовъ не могутъ очистить себѣ вездѣ дорогу, и пробиться, если надобно, до самаго центра земли?... Мнѣнія моего никто не спрашивалъ; но когда я услышалъ, что Генералъ Рапп соглашается подписать эту постыдную капитуляцію, то всталъ съ своего мѣста. Мерзавецъ Дерикуръ хотѣлъ было помѣшать мнѣ говорить....

но, чортъ возьми! Я закричалъ такъ, что онъ по неволѣ прикусилъ языкъ. «Господа!» сказалъ я, «если мы точно Французы, то вотъ что должны сдѣлать: отвергнуть съ презрѣніемъ обидное предложеніе непріятеля, подорвать всѣ Данцигскія укрѣпленія, свернуть войско въ одну густую колонну, ударить въ непріятеля, смять его, идти на Гамбургъ и соединиться съ Маршаломъ Даву.»—«Но,» возразилъ Дерикуръ, «осаждающіе вдвое насъ сильнѣе.» —«Что нужды!» отвѣчалъ я: «они не Французы!»—«Мы окружены врагами,» прибавилъ Рапнъ: «вся Пруссія возстала противъ Наполеона.»—«Какое дѣло!» закричалъ я; «мы пойдемъ впередъ; при видѣ побѣдоносныхъ орловъ нашихъ, всѣ побѣгутъ; мы раздавимъ Русской осадный корпусъ, сожжемъ Берлинъ, истребимъ Прусскую армію....»—«Онъ сумасшедшій!» закричали всѣ Генералы. «Молчите, или ступайте вонъ!» зареѣлъ Рапнъ. «О! если такъ, чортъ возьми!» отвѣчалъ я весьма

спокойно, «я пойду—да! cent mille diables! я пойду; но только не домой, а въ непріятельской лагерь. Пусть, кто хочетъ, сдается военноплѣннымъ, пусть проходитъ парадомъ мимо этихъ Скиѳскихъ ордъ и кладетъ оружіе къ ногамъ тѣхъ самыхъ солдатъ, которыхъ я заставлялъ трепетать съ одной моей ротою! Чтожъ касается до меня, то я объявляю здѣсь при всѣхъ, что не служу болѣе, и сей же часъ перехожу къ непріятелю.» — «Убирайтесь хоть къ чорту! только ступайте вонъ,» сказалъ Рашъ. Я посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, бросилъ презрительный взглядъ на толпу трусовъ, его окружающихъ, и побѣжалъ проститься съ вами. Впрочемъ надѣюсь, мы скоро увидимся: если капитуляція подписана, то вы свободны, и найдете меня въ своемъ лагерѣ. Прощайте!»

Въ самомъ дѣлѣ, когда черезъ нѣсколько дней Рославлевъ выѣхалъ изъ города, то повстрѣчался съ Шамбюромъ на нашихъ аванпостахъ; они обнялись какъ

старинные пріятели. Дежурнымъ по аванпостамъ былъ Зарядьевъ. Онъ очень обрадовался, увидя Рославлева. «Ну, братецъ!» сказалъ онъ, «мы было отчаялись тебя и видѣть! Какъ ты похудѣлъ!... Да полно, отцѣпись отъ этого Француза! Поди-ка сюда!...»

— « Что, Зарядьевъ ? » перервалъ Рославлевъ съ улыбкою: « видно ты еще не забылъ, какъ онъ пугнулъ тебя на Нерунѣ ? »

— « Пугнулъ!... Эка фигура! подкрался въ тихомолку; а какъ моя рота выстроилась, да пошла катать, такъ и давай Богъ ноги! Что за Офицеръ ? дрянь! Прежде былъ разбойникомъ, а теперь бѣглый.»

— « Ну что, какъ вы съ нимъ ладите?»

— « Съ нимъ ? Да не приведи Господи! Этотъ Шамбюръ надоѣлъ намъ всѣмъ какъ горькая рѣдька — этакой безрукой чортъ! покою нѣтъ! Лепечетъ, шумитъ, кричитъ съ утра до вечера. До него до-

шелъ слухъ, что въ Данцигѣ всѣ его пожитки продали съ публичнаго торга — да и какъ иначе? Вѣдь онъ дезертеръ. Чтожъ ты думаешь? Рвется теперь опять въ Данцигъ — пусти его, да и только! Хочетъ тамъ всѣхъ приколотить до смерти. Эхъ! не умѣютъ съ нимъ справиться! Дали бы мнѣ его недѣльки на двѣ, такъ я бы его вышколилъ! У меня-бъ онъ не сошелъ съ палочнаго караула; а чуть забурилъ, такъ на хлѣбъ на воду. Небось, сталъ бы шолковой!»

Черезъ недѣлю, Рославлевъ совсѣмъ выздоровѣлъ, и когда наступилъ день сдачи крѣпости, то онъ отправился, вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ, въ слѣдъ за Главнокомандующимъ, къ Оливскимъ воротамъ, которыми должны были выходить изъ Данцига военноплѣнные Французы. Шестнадцать тысячъ нашихъ и Прусскихъ войскъ были поставлены въ двѣ линіи, вдоль по гласису Гагельсбергскихъ укрѣпленій. Сперва явился, въ зеленой бар-

хатной шубѣ, надѣтой сверхъ богатаго мундира, Генералъ Рапп; на лицѣ его изображалась глубокая горесть. Этотъ храбрый воинъ Наполеона, одинъ изъ героевъ Аустерлицкаго сраженія, въ первый разъ еще преклонялъ отягченную лаврами главу свою передъ мечемъ побѣдителя. Вскорѣ показались Французскія колонны; наблюдая глубокое молчаніе, онѣ проходили дивизіями посреди нашихъ линій. Рославлевъ не могъ безъ сердечнаго сожалѣзнованія глядѣть на этихъ безстрашныхъ воиновъ, когда, при звукѣ полковой музыки, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо нашихъ войскъ, они снимали съ себя все оружіе и съ поникшими главами продолжали идти далѣе. Многіе изъ Французскихъ Офицеровъ плакали; другіе стараясь показывать совершенное равнодушіе, курили трубки, идя передъ своими взводами. Это послѣднее обстоятельство не укрылось отъ зоркихъ глазъ Капитана Зарядьева. Когда кончилось сіе торже-

ственное шествіе, напоминающее блестящія похороны знаменитаго военачальника, которому у самой могилы отдаютъ въ послѣдній разъ всѣ военныя почести, нашъ строгой ротный Командиръ подошелъ къ Рославлеву и спросилъ его: «Какъ ему кажется, хорошо ли прошли церемоніяльнымъ маршемъ Французы?»

— «Я, право, этого не замѣтилъ,» отвѣчалъ Рославлевъ.

— «Такъ я тебѣ скажу: они понятія не имѣютъ о фрунтовой службѣ. Всѣ взводы заваливали, замыкающіе шли по флангамъ, а что всего хуже—замѣтилъ ли ты двухъ взводныхъ Начальниковъ, которые во фрунтѣ курили трубки? Ну, братецъ! Я думалъ всегда, что они вольница — да ужъ это изъ рукъ вонъ!...

— «Эхъ, Зарядьевъ! до того ли имъ, чтобъ думать о порядкѣ? Посмотрѣлъ бы я на тебя, если бы ты долженъ былъ проходить мимо непріятеля церемоніяльнымъ

маршемъ для того, чтобъ положить оружіе? »

— «Оно конечно, братецъ, кто и говоритъ — обидно! Статься можетъ, что и я не повелъ бы въ ногу мою роту, а все-таки не сталъ бы курить трубки во фрунтѣ — воля твоя, любезный.... Какъ хочешь, а не хорошо: дурной примѣръ для солдатъ.»

Мы не станемъ описывать торжественнаго входа нашихъ войскъ въ Данцигъ (*); не будемъ также говорить о слѣдствіяхъ этой колосальной войны всей Европы съ Французами. Кому неизвѣстны даже всѣ мелкія происшествія этой чудной эпохи, ознаменованной паденіемъ величайшаго военнаго генія нашего времени? Мы предувѣдомимъ только читателей, что различныя обстоятельства не допустили Рослав-

(*) Онъ описанъ весьма подробно въ книгѣ подъ названіемъ: Записки касательно похода С. П. Бурского ополченія.

лева увидѣться съ пріятелемъ его Зарѣцкимъ. Во вторую Французскую компанію, полкъ, въ которомъ служилъ этотъ послѣдній, попалъ въ число войскъ, которые должны были остаться до извѣстнаго времени во Франціи. Въ теченіи этого времени остальная часть арміи возвратилась въ Россію, и Рославлевъ вышелъ опять въ отставку.

Нѣсколько лѣтъ уже продолжался общій миръ во всей Европѣ; торговля процвѣтала, всѣ народы казались спокойными, и Россія, забывая по немногу прошедшія бѣдствія, начинала уже пользоваться плодами своихъ побѣдъ и неимовѣрныхъ пожертвованій; мы отдохнули, и Русскіе полуфранцузы появились снова въ обществахъ, снова начали бредить Парижемъ и добиваться почетнаго названія—обезьянъ вертлявaго народа, который продолжалъ кричать по прежнему, что мы варвары, а Французы первая нація въ свѣтѣ; вѣро-

ятно потому, что Русскіе сами сожгли Москву, а Парижъ остался цѣлымъ. Въ тысячѣ политическихъ книжонокъ наперерывъ доказывали, что мы никогда не были побѣдителями, что за насъ дрался холодъ, что Французы насъ всегда били и, благодаря нашему смиренію и Русскому обычаю — вѣрить всему печатному, а особливо на Французскомъ языкѣ, эти письменныя ополченія, противъ нашей военной славы, начинали уже по немножку находить отголоски въ гостинныхъ комнатахъ большаго свѣта. Мы стали нѣсколько постарѣе, поумнѣе; но все еще не смѣли ходить безъ помочей, которыхъ концы держали въ своихъ рукахъ господа Французы. Кажется теперь, благодаря Бога, мы вступили уже въ юношескій возрастъ и начинаемъ чувствовать, что можемъ прожить и безъ этихъ наставниковъ, которые не хотѣли даже никогда ни приласкать, ни похвалить своихъ покорныхъ учениковъ, а всегда забавлялись на ихъ счетъ,

не смотря на то, что улучшеніе нашихъ фабрикъ, быстрые успѣхи народной промышленности, незамѣтной только для тѣхъ, которые не хотятъ ихъ видѣть, все доказываетъ, что мы ученики довольно понятные. Теперь мы привыкаемъ любить свое, не стыдимся уже говорить по-Русски, и мнѣ даже не разъ удавалось слышать (куда, подумаешь, времена переходчивы!) въ самыхъ блестящихъ дамскихъ обществахъ — цѣлыя фразы на Русскомъ языкѣ безъ всякой примѣси Французскаго.

Въ 1818 году, ровно черезъ шесть лѣтъ послѣ нашествія Французовъ, въ одинъ прекрасный Майскій вечеръ, въ густой липовой рощѣ, подъ тѣнію вѣтвистой черемухи, отдыхалъ, послѣ продолжительной прогулки, съ гостями своими, помѣщикъ села Утѣшина. За большимъ чайнымъ столомъ сидѣла хозяйка, молодая, прекрасная женщина. Въ исполненныхъ неизъяснимой любви голубыхъ глазахъ ея, устремленныхъ на двухъ прелестныхъ ма-

лютокъ, которые играли на коврѣ, разостланномъ у ея ногъ, можно было ясно прочесть все счастіе доброй матери и нѣжной супруги. Мужъ ея, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, разговаривалъ съ старикомъ, который, опираясь на трость съ прекурьёзнымъ сердоликовымъ набалдашникомъ, смотрѣлъ также, не спуская глазъ, на дѣтей. Ихъ слушалъ, по видимому, съ большимъ вниманіемъ пожилой человѣкъ, въ сѣромъ ополченномъ кафтанѣ съ золотыми погончиками; не много поодаль, развалясь на широкой дерновой скамьѣ, курилъ, изъ огромной пѣнковой трубки, мущина лѣтъ за сорокъ, высокой и дородной, въ полевомъ кафтанѣ и зеленомъ кожаномъ картузѣ. Подлѣ самаго стола, прислонясь спиною къ дереву, стоялъ въ форменномъ сюртукѣ кавалерійской Штабъ-Офицеръ, съ веселымъ румянымъ лицемъ и видный собою; онъ перелистывалъ небольшую книжку и безпрестанно улыбался.

— «Какъ хочешь, племянникъ,» сказалъ старикъ, приставивъ къ дереву свою трость и, вынимая изъ кармана рѣзную табакерку изъ слоновой кости, «я не согласенъ съ тобою: мнѣ кажется, не сынъ походитъ на тебя, а дочь; а сынъ весь въ матушку. Не правда ли, Олинька?

— «Нѣтъ, дядюшка, «отвѣчала молодая женщина: «они оба походятъ на Володемара.»

— «Такъ, такъ, сударыня!» продолжалъ старикъ улыбаясь. «Какъ бишь у васъ эта пѣсня-то поется: *во всемъ я вижу образъ твой*?... Да что это за новая игрушка у твоего Николиньки? Ба! ружье, съ штыкомъ!»

— «Это подарокъ нашего добраго Городничаго.»

— «Зарядьева? Ну что, Ильменевъ, ты вчера былъ въ городѣ—здоровъ ли онъ?»

— «Слава Богу, батюшка Николай Степановичь!» отвѣчалъ господинъ въ ополченномъ кафтанѣ; «здоровъ, да только въ

большихъ горяхъ. Ему прислали изъ Губерніи, въ добавокъ къ его инвалидной командѣ, такихъ уродовъ, что онъ не знаетъ, что съ ними и дѣлать. Ужъ ставилъ, ставилъ ихъ по ранжиру — никакъ не уладитъ! У этого лѣвое плечо выше праваго, у того одна нога короче другой, кривобокіе да горбатые—ну срамъ взглянуть! Вчера, сердечный! пробился съ ними все утро, да такъ и бросилъ.»

— « Полно читать, Зарѣцкой,» сказалъ хозяинъ, обращаясь къ кавалеристу, который продолжалъ перелистывать книгу; «въ первый день, послѣ шестилѣтней разлуки, намъ, кажется, есть о чемъ поговорить. »

— « Сей часъ, mon cher, сей часъ! Ты не можешь себѣ представить, какія забавныя вещи я нашелъ въ этой книжкѣ.»

— « Да что это такое ? »

— « Guide des voyageurs, 1817 года.»

— « А! книга для путешественниковъ. Я вынулъ ее сегодня изъ шкапа, чтобы посмотрѣть, сколько считается жителей въ

Лондонѣ. Да чтожъ ты нашелъ забавнаго въ этой статистикѣ?»

— «Ктожъ виноватъ, если ты не читалъ въ ней ни особенныхъ замѣчаній, ни наставленій; на примѣръ: какъ обращаться съ Русскими дамами.... А! вотъ нѣсколько словъ о Москвѣ.... Ого!... вотъ что! Ну, видно мои друзья Французы не отстанутъ никогда отъ старой привычки мѣшаться въ чужія дѣла. Послушай: Enfin Moscou renaît de sa cendre, grâce aux Français qui président à sa reconstruction.»

— «А по нашему-то, сударь, что это значитъ, осмѣлюсь спросить?» сказалъ гость въ полевомъ кафтанѣ, пріостановясь курить свою трубку.

— «Это значитъ, сударь, что по милости Французовъ и подъ ихъ надзоромъ Москва начинаетъ отстроиваться.»

— «Что, что, батюшка? по милости Французовъ!... Какъ такъ? и это тутъ написано?»

— «Ну, исполать этимъ Французамъ!...

Ахъ, они хвастунишки, чортъ ихъ возьми! Да вотъ, хоть мой домъ на Пресне — что я, на ихъ деньги чтоль его выстроилъ?

— «Можетъ статься,» сказалъ хозяинъ, «сочинитель разумѣлъ подъ этимъ Французскихъ Архитекторовъ.

— «Французскихъ? Да есть ли хоть одинъ Французской Архитекторъ въ Москвѣ? Помилуйте, батюшка Владиміръ Сергѣевичь! мало ли у насъ своихъ доморощеныхъ Архитекторовъ? Что вы, сударь?

— «Конечно, Буркинъ правъ,» перервалъ старикъ; «да и на что намъ иноземныхъ Архитекторовъ? Посмотрите на мой домъ! Что, дурно что-ль выстроенъ? А строилъ-то его не Французъ, не Нѣмецъ, а просто я, Русской дворянинъ — Николай Степановичь Ижорской. Покойница сестра, вотъ ея матушка — не тѣмъ будь помянута, бредила Французами. Ну чтожъ? и отдала строить свой Москов-

ской домъ какому-то приѣзжему мусью, а онъ какъ понадѣлалъ ей во всемъ домѣ каминовъ, такъ она, въ первую зиму, чуть чуть бѣдняжка совсѣмъ не замерзла.»

— «Дѣйствительно такъ,» приговорилъ Ильменевъ: «мало ли у насъ своихъ Архитекторовъ и Губернскихъ и Уѣздныхъ и всякихъ другихъ. Вотъ кабы, сударь, у насъ развели также своихъ мусьовъ, да мадамовъ, и то ищешь, ищешь по всей Москвѣ—цѣну ломятъ необъятную; а что будешь дѣлать? Народъ привозный — а вѣдь извѣстное дѣло, и товаръ заморской дороже нашего.»

— «По милости Французовъ....» повторилъ Буркинъ, вытряхая свою трубку. «Видишь какіе благодѣтели! Да врутъ они! Мы безъ нихъ жгли Москву, такъ безъ нихъ и выстроимъ.»

— «А что, Владиміръ?» спросилъ Зарѣцкой: «Москва въ самомъ дѣлѣ поправляется?»

— «Да, мой другъ; но на каждомъ

шагу замѣтны еще слѣды ужаснаго опустошенія.»

— «Вспомнить не могу,» перервалъ Зарѣцкой, «въ какомъ жалкомъ видѣ была наша древняя Столица, когда мы — помнишь Рославлевъ — я одѣтый Французскимъ Офицеромъ, а ты Московскимъ мѣщаниномъ, пробирались къ Калужской заставѣ? помнишь ли, какъ ты, взглянувъ на окно одного дома?... Виноватъ, мой другъ! Я не долженъ бы былъ вспоминать тебѣ объ этомъ.... Но ужь если я проболтался, такъ скажи мнѣ, что сдѣлалось съ этой несчастной?... Гдѣ она теперь?»

— «Гдѣ она?» повторилъ Рославлевъ, взглянувъ печально на бѣлый мраморный памятникъ, почти закрытый вѣтвями развѣсистой черемухи. На глазахъ Олиньки навернулись слезы, а старикъ Ижорской, опустивъ задумчиво голову, принялся чертить по песку своей тростью. «Гдѣ она?» продолжалъ Рославлевъ. «Ахъ, Александръ! Участь ея была почти предсказана. Шесть

лѣтъ тому назадъ, въ этотъ же самый часъ, въ ту минуту, когда она на самомъ этомъ мѣстѣ сказала мнѣ: «мы будемъ счастливы, да, другъ мой, совершенно счастливы!»—сумасшедшая Ѳедора....

Охриплый дикой смѣхъ перервалъ слова Рославлева. Густыя вѣтви черемухи разодвинулись, изъ-за мраморной урны выглянуло худое, отвратительное лице Ѳедоры и громкой хохотъ ея раздался по всему лѣсу.

КОНЕЦЪ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06302 7448